Василь Ткачёв

П О С Л Е Д Н И Й

Пьесы

Мозырь
КПУП “Колор”
2013

Спектакли по пьесам гомельчанина Василя Ткачёва идут сегодня во многих театрах нашей страны, а также за ее пределами. В последнее время сценическую жизнь обрели его пьесы “Последний” (“Белый лист”), “Без Егора будет горе”, “Букет для внука” (в соавторстве с Ю.Вутто), “Гомельские байки”, “Блиндаж”, “Кто-то ходит за окном…”, “Переполох” и другие.

Востребованы в театрах и сказки “Ушастик”, “Заяц-гром”, “Чародейный рюкзачок”, “Как волк мамой был”, “Мальчик-одуванчик”, “Где живет Некукарека?”, “Неколючик” и “Не все зайцы – кролики”.

Произведения драматурга отличаются не только живым, образным языком, но умело закрученным сюжетом, что всегда держит в напряжении зрителей.

Пьесы Василя Ткачёва рассчитаны не только для профессиональных театров. Их широко и охотно используют для пополнения своего репертуара самодеятельные коллективы как нашей страны, так и России, Украины и Казахстана.

П О С Л Е Д Н И Й

Пьеса в двух действиях

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а:

О с о к и н Иван Митрофанович – фронтовик.

В и к т о р – сын Осокиных.

Н а т а л ь я – жена Виктора.

И в а н н а – правнучка Осокина.

К у л а к о в Сергей Демьянович – председатель райисполкома.

З и м и н а Вера Михайловна – чиновник райисполкома.

Р а б о ч и е (двое).

Город. Наши дни.

Место действия – квартира; кабинет председателя райисполкома.

Д е й с т в и е п е р в о е

1.

Комната в квартире Осокина. Все здесь в стиле ретро. Холодильник, книжная полка, шкаф… На видном месте большой портрет жены Марии.

Осокин в приподнятом настроении. Он куда-то собирается. Чистит обувь, прибирает на столе. И постоянно поглядывает на портрет Марии.

О с о к и н. Не забыли. Сегодня чего-то вызывают… Сам глава района… А? Каково! Сам! Глава! А ты мне талдычила: да кому ты нужен будешь?! Ошиблась, старая! Нужен, раз вызывают! И

помнят!.. *(И только когда хотел надеть пиджак, обратил внимание, что на рукаве сорочки болтается на длинной нитке пуговица).* Поди пуговка отрывается? Похоже на то. Главное – вовремя заметить...Где это у меня была иголка с ниткой? Сейчас мы, сейчас мы её, пуговицу, прихватим... намертво... *(Нацепил очки. Старается пришить пуговицу, не снимая сорочку: не получается).*

Да не зашью я память, не бойся. У меня память крепкая. Это у молодёжи... Твоё воспитание...

Ну, зараза! Не слушается иголка... не попадает, куда надо... Кажется, прицелился... Ты бы мне её, Мария, пуговицу эту быстро пришпандорила. Клавдия и Вера по-прежнему в Карелии... У Клавки, правда, муж умер... Недолго протянет и у Верки – тоже пьет много... какой же организм выдержит? Тебя бы на них, Мария, наслать, у тебя они бы, зятья, и воды хрена с два выпили. Колька наш, слава Богу, живет хорошо... у него уже внучка, поди, мединститут заканчивает там же, в Ижевске... Витька? Витька у меня на виду. Кажется, порядок? *(Надел сорочку. Поставил на стол початую бутылку).* Такие вот дела, Мария. Сейчас хлопну рюмашку. *(Принес яблоко, искромсал его на дольки).* Яблочком закушу. И потопаем... А будь ты дома, хрена с два бы выпил. Знаю тебя. «Зачем пьешь, Иван? *(Наполнил стопку, поднял).* Тебе что, своего здоровья не жалко? Ну тогда моё пожалей». Что, скажешь, не говорила так? Тэ-тэ-тэ-тэ-тэ! Не тарахти! Вечно ты под руку тарахтишь, смола. Ну и чёй-то у вас, у баб, за характер? Ни себе, ни мужику... Откуда такой? *(Поднёс рюмку ко рту, задержал взгляд на портрете).* Что, опять? *(Истошно).* Да ты можешь дать мне выпить или нет?! Видишь же, не спился? Видишь? Ну, конечно! Если бы я еще не пил и не курил, я бы вообще не умер.

Входит Виктор.

О с о к и н. А, ты?..

В и к т о р. Я, я.

О с о к и н. Проходи, проходи, блудный сын. Где это тебя носило?

В и к т о р *(почти равнодушно).* Праздник, вижу? *(Открыл холодильник).*

О с о к и н. Не работает… Всё еще!

В и к т о р. Да вижу, что не работает. И у меня все времени не хватает, чтобы взяться за него: то одно, то другое… Как ты тут, отец?

О с о к и н. Как видишь. Почему не заходишь?

В и к т о р. Звони, коль что. Телефон же есть.

О с о к и н. По телефону чаю не попьешь…

В и к т о р. Суп же сам готовишь?

О с о к и н. Давно не ем супа.

В и к т о р *(опять открыл холодильник).* Холодильник, конечно, никакой…Металлолом. Утиль.

О с о к и н *(решительно).* Я себе новый куплю!

В и к т о р. Да отремонтирую я тебе холодильник! И плитку положу, где надо.

О с о к и н. Плитку мне сосед обещал…

В и к т о р. Да брось ты – "сосед". Сами с усами. Слышишь? Дай немного подсуетиться на работе…

О с о к и н. Ты это…все спросить у тебя хочу… один живешь… как и я?

В и к т о р. Ну, ты, отец, даешь! Как это я один?! Ты что? Столько лет с Натахой! Ты что такое говоришь!? С чего это ты взял, а? "Один".

О с о к и н. Не слыхал я давненько твоей Натахи и не видел, вот и подумал…. Может, умерла, подумал грешным делом…

В и к т о р. Не смеши людей. *(Взял бутылку, покрутил в руках).* Что это у тебя за праздник, пахан? А?

О с о к и н. Праздник, праздник, сын.

В и к т о р. Ну.

О с о к и н. В райисполком вызвали. Сам председатель требует, чтобы прибыл к нему. Срочно. Немедля. Собственной, так сказать, персоной.

В и к т о р. Зачем же ты им так срочно понадобился?

О с о к и н. Там знают зачем. *(Собрался пить).*

В и к т о р. Еще возьми луковицей закуси.

О с о к и н. Не учи, сынок, папку кашлять. Кхе-кхе. Слыхал?

В и к т о р. Запах же будет изо рта.

О с о к и н. В бой иду. Понял? Перед боем на войне давали по сто граммов… *(Выпил, закусывает кусочком яблока).*

В и к т о р. Что, у тебя и закусить нечем? Только яблоко?

О с о к и н. Продукты, понимаешь, портятся без холодильника. А холодильник ты мне уже более года ремонтируешь… А так купил – съел… Магазинов теперь шибко много. На каждого жильца нашего городка, наверное, не по одному ли выйдет?

В и к т о р. Завтра-послезавтра сдам в ремонт твой холодильник. Так и быть. Брошу все и сдам.

О с о к и н. Сдай.

Виктор мнется, что-то хочется сказать, однако не решается.

О с о к и н. Вот иду к председателю райисполкома и волнуюсь. Руки у меня и так уже дрожат маленько, а тут… Событие, можно сказать. Подаст мне руку председатель, а это он сделает обязательно, а я возьму да и от волнения не попаду в его руку своей пятернёй… разминусь. А? Смекаешь?

В и к т о р. Тогда выпей еще.

О с о к и н. Нет, норма. Душа молодая, а для организма – хватит. Доза. А ты почему же? Капни и себе.

В и к т о р. Мне Натаха уже, между прочим, капнула дома. В своём стиле.

О с о к и н. Что такое?

В и к т о р. Она мне… Молчу!..

О с о к и н. Знаешь, сынок, в чем идиллия семейной жизни? Натаха тебе говорит: выпей сто граммов… А ты ей: сейчас, милая, только пол домою…

2.

Кабинет председателя райисполкома. Здесь Кулаков и Зимина.

К у л а к о в. Да видел, видел это лицо я! Знакомо! *(Еще раз всматривается в газету).* Конечно, видел!.. «Пос-лед-ний. Иван Митрофанович Осокин».

З и м и н а *(подсовывает Кулакову бумажку на подпись).* Надо подписать.

К у л а к о в. Подпишем, всё подпишем. Вызвали его?

З и м и н а. Должен уже быть…

К у л а к о в. Что ж получается, а? Завтра в области… послезавтра в стране останется один… А действительно, а действительно, это же время должно когда-то наступить… когда будет последний фронтовик и в стране… А мы живем и не думаем об этом… Думаем про молоко, про мясо, про новый дом… про трактора и комбайны…

З и м и н а. Мне можно идти?

К у л а к о в *(как и не слышит).* Корреспондент из области был? Будет! Обязательно будет! Судьба! А что мы можем сделать для него, чтобы удивить не только самого Осокина, а всех чтобы!..

З и м и н а. Денежную помощь окажите…

К у л а к о в *(удивленно-растерянно).* Много денег не дашь, мало – стыдно…

З и м и н а. Грамоту выпишем давайте…А что мы еще можем, Сергей Демьянович, с нашим-то бюджетом?

К у л а к о в. Да это я понимаю. Хотя на это дело найдем кое что. И откуда. *(Спохватился).* А бизнес?! Кстати!.. Бизнес – что, не должен ему, Осокину?

З и м и н а. У нас такой бизнес… Одно название… Туалет, извините. платный на вокзале…

К у л а к о в. На квартиру к нему нагрянут… Это обязательно. А у него, возможно, телевизор старенький…. обои на стенах ещё хуже, мухи ноги вытирают…

З и м и н а. …лапки.

К у л а к о в. …плита газовая первого выпуска… пусть себе и лапки… А? И как мы будем тогда в глаза смотреть?

Пауза.

З и м и н а. Может, я уйду?

Г о л о с с е к р е т а р ш и *(по проводной связи).* Сергей Демьянович, к вам посетитель. Сергей Демьянович! Осокин!..

К у л а к о в. Жду!

Входит Осокин.

О с о к и н *(принял стойку «смирно»).* Здравия желаю!

К у л а к о в *(радушно).*Здравствуйте, здравствуйте, Иван Митрофанович! Проходите, родной вы наш! Проходите! *(Идет навстречу, слегка обнимает Осокина, перед этим потряс его руку).* Давно жду. А вы где-то затаились, а, Иван Митрофанович? Слушаю вас.

О с о к и н *(чуток растерявшись).* А я пришел вас… извините… слушать… Вызывали? Вы меня вызывали? Или, может, розыгрыш какой?..

К у л а к о в. Вызывали, как это нет, как это нет!..

З и м и н а. Это я вам звонила.

К у л а к о в. Как здоровье, Иван Митрофанович?

О с о к и н. Хворал…

К у л а к о в. Конечно, конечно. Понимаю: возраст. Нам бы, как говорят, ваши лета… Но держитесь, держитесь, Иван Митрофанович! Вы нам нужны! Дети - то как – пишут?

О с о к и н. Больше по телефону… А у вас?

К у л а к о в. Что у меня?

О с о к и н. Дети пишут?

К у л а к о в. Да, да: кто сейчас пишет? Не то время. Ну, про жизнь мы потом потолкуем. А пока приступим сразу к делу. Что же мы будем, как говорят, вола за хвост тянуть, а?

О с о к и н . Попробуй его потянуть, вола того? Он кого хочешь вытянет, а сам, если загрузнет, бедолага, выбраться из болота не сможет.

К у л а к о в. Вот как!.. Конечно, конечно: центнеры! Как раз те центнеры, которых нам, руководителям района, всегда не хватает к плану. И куда они, волы те, девались?

О с о к и н. На войне случилось… Переправлялись через болото… Другого пути не было… Немец нажимал… И наше орудие провалилось вместе с лошадью… Ну, куда там лошади?.. А в селе, что рядом, вол у одного хозяина имелся…не успели немцы или наши съесть, видать… Вот он и…

К у л а к о в. Уважаемый Иван Митрофанович! Мы вот тут, в нашем тесном, узком кругу, так сказать., посоветовались и решили… Вот вам чистый лист бумаги. Вот вам ручка. *(Положил бумагу и ручку перед гостем).* И напишите, что вам нужно…

О с о к и н. Не понимаю…

К у л а к о в. А что здесь понимать, Иван Митрофанович? Вы ведь воевали?

О с о к и н. Ну, было… Не кур щупал.

К у л а к о в. Вот и напишите, что вам, фронтовику, надо… Смелее, смелее! Вы имеете право…

О с о к и н. А, кажется, понял…

К у л а к о в. Ну, вот и молодец! Я же знаю, у вас светлая голова, Иван Митрофанович. Слышал, как вы перед молодежью выступали… Пишите, пишите. Не стесняйтесь.

О с о к и н. Здоровье… надо, кажись?

К у л а к о в. Ну конечно! В первую, как говорят, очередь… Да-да… Помним про это, помним. Про санатории не забываете?

О с о к и н. Давно был…

К у л а к о в. А напрасно! Напрасно, Иван Митрофанович! Ну, да это, как говорят, ваше личное дело. Предлагают же? Не отказывают?

О с о к и н. Да это так…

К у л а к о в. Пусть бы отказали только!.. Ну, ну!..

О с о к и н. Только ведь далеко они, санатории те, от нас… Тяжело добираться… Спасибо.

К у л а к о в. Это вам спасибо надо сказать, Иван Митрофанович. Почему не пишете? В чем дело?

О с о к и н. А что еще может быть мне нужно, кроме его, здоровья?

К у л а к о в. Со здоровьем мы разобрались?

О с о к и н. Будто бы. Хотя, заметил, от того, что мы поговорили, его не прибавилось.

К у л а к о в. Газету же выписывают?

О с о к и н. Теперь туалетной бумаги хватает…

К у л а к о в *(почувствовал себя неловко).* Вам еще, как говорят, палец в рот не клади. А давайте мы сейчас вот что сделаем…пойдем простейшим путём… Возьмите с собой листок, ручку… *(Насильно всучил бумагу и ручку Осокину).* Сядете дома за стол, все хорошенько взвесите, обмозгуете не торопясь, и

напишете…Не спеша… Не будем гнать лошадей. *(В селектор).* Мою машину на выезд!.. Нужно отвезти Ивана Митрофановича домой!..

Г о л о с с е к р е т а р ш и. Я вас поняла, Сергей Демьянович!

К у л а к о в *(покидая кабинет, помогает выйти Осокину).* Первый раз встречаю человека, извините, которому ничего не нужно. Ну, конечно, кроме здоровья. А жилище? Вы видели, какое сегодня жилье строим? А, нет! Жалко, жалко. А хотя бы та же современная стиральная машина, а, Иван Митрофанович?… Да много чего надо, много, Иван Митрофанович!.. Телевизор новый!… Холодильник!.. Компьютер!.. Пишите всё – выполним!..

О с о к и н. Кроме, наверное, космического корабля?

К у л а к о в. Ну, это пока не в наших силах… *(Смеется).* Но – пока, Иван Митрофанович!.. Пока, уважаемый наш!..

Осокин выходит.

З и м и н а. Зачем вы так с ним, а?

К у л а к о в. О чем вы?

З и м и н а. А если он и действительно составит список, что ему нужно… Куда прятаться будем? У нас, извините, бомбоубежища в городе нет.

К у л а к о в. А никуда прятаться и не будем.

З и м и н а. Думаете?

К у л а к о в. Думаю.

З и м и н а. Смелый вы человек, Сергей Демьянович.

К у л а к о в. Насколько я понимаю, вы не хотели бы, чтобы Осокин использовал тот чистый листок бумаги?

З и м и н а. Конечно же, нет. А вы сами, Сергей Демьянович, что – хотели бы разве?

К у л а к о в. Хотел бы.

З и м и н а. Тогда вам придется отдать, если что, свою квартиру… холодильник… компьютер… На телевизор, надеюсь, наскребем общими усилиями… Я пойду! Человек – что, на улице живет, под голым небом? На раскладушке спит? Авантюризм все это! *(Выходит).*

К у л а к о в. А как хочется иногда почувствовать себя Богом! А пусть бы написал!..

3.

Виктор и Наталья в своей квартире.

Н а т а л ь я *(зло).* Тогда зачем ты ходил, если побоялся даже рот раскрыть? Времени свободного много?

В и к т о р. А что, просто так к отцу и зайти нельзя? Посмотреть, как он там живет? Нельзя, да?

Н а т а л ь я. Ай, да что с тобой говорить, размазня и есть размазня!

В и к т о р. Твои ведь когда жили, ты же у них и пропадала. Давно было, не помнишь?

Н а т а л ь я *(срываясь на крик).* Чего ты прицепился к моим родителям?! Дай им хоть спокойно на том свете лежать! Отстань от них, каратель! Боже, и с кем я живу? Господи!..

В и к т о р. Не смог я начать с отцом разговор… Ну, не смог… Веришь? Не хватило духу…

Н а т а л ь я. Что, мне самой пойти к нему?

В и к т о р. Иди. Иди, иди.

Н а т а л ь я. Не ори. Тут ты герой! Прямо некуда!.. Петька с семьей на квартире ютится, у него же двое детей уже, а дед наш один сидит в двух комнатах! Как барин! Видели такое? Какой же это дед, если глумится над внуками, отнимает у них радость жизни? Последний свежий глоток воздуха?.. Он стал чужим не только для них, чувствую, но и для меня.

В и к т о р. Замолчи же ты наконец! Успокойся!

Н а т а л ь я. Бей! На! Ударь! *(Наступает на мужа, тот оттолкнул ее).* Люди! Люди! Убей совсем!.. Чего ж ты? Убивай!.. Давай!.. До конца!.. У тебя хватит на это ума и силы!..

В и к т о р. Глупая ты.

Н а т а л ь я. Зато с умным живу! На двадцати квадратных метрах!

Пауза.

В и к т о р. Он уже один раз внука выручил – хватит.

Н а т а л ь я. Только я что-то не помню такого, чтобы хоть кому он помог, отец твой? Все под себя и под себя, как курица та, гребет. Где, когда он помог внуку, Петьке нашему? Что ты плетешь?

В и к т о р. Раньше было… при дефиците… что, не помнишь разве, когда на аптеке объявление висело: "Презервативы продаются только участникам Великой Отечественной войны"?

Н а т а л ь я. Какой отец, такой и сын. Копейку денег он хоть раз дал тебе? Дал?

В и к т о р. А я что, не зарабатываю?!

Н а т а л ь я. А куда тогда он свою пенсию девает? Кольке отсылает, не иначе. У того и так со рта валится. Или в Карелию дочерям. А сыну, который рядом, – во! *(Показала фигу).* Потому что он тебя за человека не считает. А те и барствуют! Зажрались, что и не едут!.. Животы уже, видать, в двери того поезда не вдавливаются…

В и к т о р. Были же, как мать умерла…

Н а т а л ь я. Приедут, не возражаю, когда и отец умрет. Только пока они соберутся, все ляжет на наши плечи… На готовенькое и приедут! Радуйся!

Пауза.

В и к т о р. Ну что, успокоилась? Все у тебя?

Н а т а л ь я. Будто… Ты же меня знаешь… мне тогда легче становится, когда немного глотку подеру…

В и к т о р. А что относительно бати, то я сам слышал, как мама, умирая, сказала ему:"Живи, Иван, один… Пускай не обижаются дети, но и к ним не иди, и их не бери к себе, пока немного ноги таскаешь, и квартиру не дели… Нам она, квартира эта, больно тяжело досталась… Я бы очень хотела, чтобы и твой гроб стоял в нашей квартире… Дай мне слово, Иван… Тогда я спокойно умру…" Отец дал слово. Так что, Наталья…

Н а т а л ь я. Она так и сказала?

В и к т о р. А что она еще могла сказать, если за то время, которое мы жили вместе, ты дважды мою мать доводила до инфаркта…

Н а т а л ь я *(нервно).* Я завтра в школу не пойду – там двух мальчиков зарезали на экзамене! Ай-я-яй! Ну вот – опять я крайняя!

4.

В квартиру возвращается Осокин.

О с о к и н. Дрожат… есть маленько. Вот ведь как бывает – на войне уцелел, а перед каким-то листком бумаги пал смертью храбрых…

Входит Виктор.

В и к т о р. Я за холодильником. Договорился с соседом. Сейчас и отвезем. Внизу ждет. Ну, что там у тебя? В райисполкоме? Чего вызывали? *(Положил барсетку на табурет).*

О с о к и н. Присядь.

В и к т о р. Да некогда рассиживаться. Помоги лучше холодильник на плечи взвалить. *(Примеряется к холодильнику).*

О с о к и н. Присядь. А соседу дай команду, чтобы ехал по своим делам.

В и к т о р *(недоумевая).* А что такое?

О с о к и н. Делай так, как я говорю. Ну, давай, давай.

В и к т о р. Так... а с холодильником как быть? Потом опять будешь меня упрекать.

О с о к и н. Не буду.

В и к т о р. Ну, смотри сам. Чтобы не было потом лишних разговоров... *(Выходит).*

О с о к и н *(набирает номер на телефоне).* Здравствуйте. Квартира Тарасовых? Позовите, пожалуйста, Якова Ивановича. Что…что?! Он умер?! А почему же я не знал? Разве далеко живу? Прощайте... *(Положил трубку, потом опять набирает номер).* Квартира Даниловых? Евгения Юрьевича, пожалуйста, позовите. Как? Что, и его нет уже? Два года как?.. *(Не спеша положил трубку. Потом опять набирает номер).* Куда я попал? Да, да, правильно: я и звоню Касаковым... деточка моя дорогая... А дедушка твой дома? Нет? Дедушку в яму закопали? Под деревом?.. *(Положил трубку, затем порвал бумагу на клочки и подкинул их над собой. Получился фейерверк. Подошел к окну).* Поехал... Пусть бы отвез холодильник в ремонт...*(Взял в буфете початую бутылку, стопки, наполнил три и четвертую для себя, опять порезал яблоко).* Что ж вы, парни, так, а? Пошли в свои боевые полки, а я и не знаю. Что же это за дети у нас такие?! Кого мы вырастили?! Что, разве трудно было сообщить? В одном же городе живём... Или боялись, может, что объедим, обопьем?.. Побыстрее зарыть в землю, и гора с плеч!.. Пусть пухом будет земля вам, солдаты... *(Выпил. Стоит, склонив голову, перед столом).* Да я, я сам, поди, виноват, что всё так получилось!.. Зачем кого-то винить?!.. Сам. сам виноват!..

Возвращается Виктор.

В и к т о р. Опять бутылка? Что с тобой, пахан?

О с о к и н *(в раздумье).* Тарасов... Данилов... Касаков... Нет ребят, все умерли, а меня заставляют бумагу писать... Хотел удостовериться, давали или нет им такие листы, однако не успел...

В и к т о р. Что сегодня за день! Взял отгул, и коту под хвост.... Там – Натаха, здесь – ты!.. Ты можешь мне сказать, в конце концов, что с тобой происходит?!

О с о к и н. В райисполкоме сам Кулаков дал мне чистый лист бумаги…

В и к т о р. Дал лист… И что далее?

О с о к и н. А далее пошла какая-то… как бы тебе более правильно сказать…пошла игра …как в той сказке про Старика Хоттабыча: загадывай любое желание, и все, что тебе хочется, получишь…

В и к т о р. Извини, папа, но я все равно ничего не понимаю.

О с о к и н. И я…

В и к т о р. Что, власти никак обещали выполнить твою любую просьбу?

О с о к и н. Ну, это ты мелко копаешь. Бери глубже.

В и к т о р. Две… просьбы? Три?

О с о к и н. Копай на полный заступ, сын!

В и к т о р *(энергично).* Я за бумагой! Или у самого есть?

О с о к и н. Догадливый ты, Витька, хоть и двоечником был. Откуда быть бумаге? Я никому не пишу, никто мне не пишет.

В и к т о р. Тогда порвал зачем?

О с о к и н. Несправедливость устранял…дал под дых ей…

В и к т о р. Сяду. *(Сел).* Давай по порядку. Тебе дали лист, чтобы ты написал заявление с просьбой что-то тебе, как фронтовику, выделить. Так?

О с о к и н. Если бы так! Ого, если бы только "что-то". Проси, говорит сам Кулаков, что хочешь. Все, говорит, дадим. И глазом не моргнем. И телевизор самый новый, и стиральную машинку, и компьютер… на кой бес он мне сдался!

В и к т о р. Петька, Петька хочет компьютер!

О с о к и н. И квартиру, говорит, дадим.

В и к т а р. Ого!

О с о к и н. Новый проект. Заставлял в своём кабинете чуть ли не силой изложить… перечислить, значит, что мне надо, но я растерялся как-то уж совсем… раскис…как старый гриб… язык проглотил все одно как…ничего не пойму… что он хочет от меня. На улице только просветление в голове наступило чуток. А совсем пришел в себя, прозрел, когда вот позвонил им, ребятам, дружкам своим фронтовым…

В и к т о р. Это же шанс! Такой выигрышной лотереи больше не будет! Нос «Полю чудес» утрем! Самому Якубовичу! Сиди дома и жди меня! *(Торопливо направился к двери).*

О с о к и н. Ничего я писать не буду. Не старайся напрасно.

В и к т о р. Почему?

О с о к и н. Кроме искушения, я в этом ничего более не вижу…

В и к т о р. Ты дикарь, отец! Ископаемое!..

О с о к и н. Какой уж есть, извиняйте. *(Выдержав паузу).* Второй раз у меня такое вот в жизни… когда просто так… на тебе, и никаких вопросов… Ранило меня тогда…Лежу на плащ-накидке, вся она кровью залита… моей… А пехота наступает… И бойцы, проходя мимо меня, бросают мне кто что… кто часы… кто золотое колечко… кто деньги… Не верили, что вернутся… Шли на смерть… А тебе, мол, артиллерист, пригодится…

В и к т о р. Но ты же тогда взял?

О с о к и н. Святые дары… В госпитале потом раздал ребятам…

Виктор решительно выходит.

В квартире один Осокин. Перед портретом жены.

О с о к и н. Тут такая катавасия получается… Все испортил тот злосчастный лист белой бумаги… осиротел я…Один остался… Ребята мои пошли друг за другом…Дети их, ты послушай-ка, даже не сообщили… в местной газете также не встречал об их смерти… Мимо меня прошло все это… Мимо… Хотя я и сам виноват: все собирался позвонить, справиться, как живут они, друзья мои… да откладывал каждый раз… Думал, сделаю это завтра, а завтра –

послезавтра…Эх, да чего уж там!.. Мог бы и насторожиться: а почему это они молчат? Мог бы, а не сделал… не насторожился… Кулаков теперь вот вызвал… Вишь, какое внимание! А глубже разобрался – одному мне она, забота эта, была адресована… Воевали, немцам сопатку тёрли вместе, а лист заполняй один… Проси, что хочешь… Пиши… Хоть квартиру, хоть холодильник, что пожелаешь… Ты, конечно, скажешь: а чего, взял да попросил? И ты, вижу, за них? Пока держу защиту… Там – победил, устою ли здесь – пока не знаю… Но буду сражаться до последнего.

5.

Квартира Осокина. Появляется Наталья. В руках – по сумке, набитой, как застегнуть.

Н а т а л ь я. Фу-у-у!.. *(Энергично).* Где вы тут, Иван Митрофанович? Ку-ку. *(Поставила сумки).* Фу-у-у, еле донесла. (Зовет). Хозяин! Митрофаныч!

Появляется Осокин. Удивленно смотрит на Наталью.

Н а т а л ь я. Здравствуйте, говорю!

О с о к и н. Допустим…

Н а т а л ь я. Что же вы не заходите, Иван Митрофанович? Нехорошо так. Ну, да и ладно. Это поправимое дело…Не в разных же городах живем, а? Правильно? *(Выкладывает из сумки свертки, распихивает их по разным полочкам, что-то затолкала и в испорченный холодильник).* Не идет гора к Магомеду, Магомед сам идет к горе. Правильно? И я так говорю. Сахар. Колбаска. Консервы. Тюльки. Масло. Вы ели сегодня что с утра или так… свежим ветром обходитесь, а, Иван Митрофанович?

Осокин не отвечает.

Покушайте колбаски. Свеженькая. Аж из Волковыска привезли к нам…а нашу – к ним, видать… Нож? Ага, вот он. Сейчас мы, сейчас… *(Ловко нарезает колбасу, хлеб).* Пока перекусите, Иван Митрофанович, а позже я вам борщ приготовлю. Или супчик. Ваш любимый. А какой у вас, Иван Митрофанович, любимый супчик? Подкрепитесь. Что-то я вас сегодня не узнаю? Кушать подано! Пожалуйста! А я уберусь маленько. *(Протирает пыль, метет; не знает, за что ухватиться).* Тепло сегодня. Плюс двадцать пять.

Если не хотите кушать, погуляйте. Воздух пахнет ароматом цветов…Сама бы нюхала, да некогда… Пыли набралось – боже!.. Так и кажется, что здесь никто никогда и не протирал, и не подметал. Было бы хорошо, если я ошиблась.

О с о к и н *(к удивлению, спокойно).* Вы – кто?

Н а т а л ь я *(остолбенела).* Повторите, что сказали.

О с о к и н. Вы – кто?

Н а т а л ь я. Ой, прикидываетесь? Так Натаха же я, Витькина жена.

О с о к и н. Не может быть.

Н а т а л ь я. Если бы знала, паспорт прихватила бы. Кто ж это думал, что свёкор невестку не признает?

О с о к и н. Натаха – не такая. Не говорите мне глупостей, женщина. Увольте.

Н а т а л ь я. А какая же она? С рогами разве что? Так я же не мужчина. Х-хи-хи!..

О с о к и н. Не прикидывайтесь. Натаха никогда ничего не приносила в этот дом, никогда ничего не протирала и ни единого раза не брала веник в руки… Что вы такое говорите, женщина?! Какая Натаха?!

Н а т а л ь я. У вас, Иван Митрофанович, с головой все в порядке?

О с о к и н. Забирайте свою колбасу, масло с сахаром, тюльки – и очистите комнату!.. Я понятно сказал? Будут ходить у меня тут чужие люди!..

Н а т а л ь я. Вот, возьмите. *(Достала из сумки пачку бумаги).* Бумага. Виктор просил принести вам один листочек, но по одному листочку не продается…Увы. Возможно, пригодится. Берите, берите. На хорошее дело не жалко. Можно потратиться, если оно сполна окупится.

О с о к и н. Вы о чём это?

Н а т а л ь я *(положила пачку бумаги на стол).* Я вам, так и быть, помогу. (Вынула из пачки несколько листочков). Виктор предупредил, что ручка у вас имеется. Райисполкомовская. Ручку не покупала.

О с о к и н. Где он?

Н а т а л ь я. Вы разве своего сына не знаете? За дверью где-то стоит… А может под куст спрятался… Трус он! Заяц по сравнению с ним – тигр!..

О с о к и н. Чего тебе надо от меня, Натаха?

Н а т а л ь я *(улыбается, кротко).* Вот это другой разговор. Мету дальше. (Подметает).

О с о к и н. Чисто же… Я сам, кстати, сегодня все протёр, пол подмёл.

Н а т а л ь я. Неужели?

О с о к и н. Да-да.

Н а т а л ь я. А я и не рассмотрела. Что значит без очков женщина! *(Присмотрелась к полу, прошлась пальцами по вещам).* Действительно, чисто.

О с о к и н. Так что напрасно старалась, Натаха!

Н а т а л ь я. Кто сказал?

О с о к и н. Я.

Н а т а л ь я. Киньте притворяться, Иван Митрофанович. Вы же все понимаете. Или нет?

О с о к и н. Говорите, говорите. Приятно послушать… умного человека..

Н а т а л ь я. Академиев я, как вы знаете, не кончала… Согласна. Здесь вы точно. Однако кое в чем разбираюсь. Волоку. Ваш сын, кстати, также слесарь… Это между прочим. Что же касается перспективы, то я не для того израсходовала пятнадцать тысяч рублей из-за одного листика, чтобы вы сразу же становились на дыбы…

О с о к и н. Улавливаю смысл. Ну, ну.

Н а т а л ь я. Пишите. Берите ручку и пишите. Если вам ничего не надо, то надо нам. Нам, понимаете? Такую возможность нельзя упускать. Ни в коем случае. Нас же ненормальными посчитают. Идиотами.

О с о к и н. А при чем здесь вы? Вы при чем здесь, а?

Н а т а л ь я. А при том, что я вам не чужой человек.

О с о к и н. С какого это времени не чужой?

Н а т а л ь я. Я родила вам внука, Петьку. Я готовлю жрать вашему сыну…стараюсь, чтобы в чистом спал и ходил… Этого мало?

О с о к и н. Интересно, интересно… А где же ты раньше была?

Н а т а л ь я. Внука, говорю же вам, рожала! И воспитывала, да-да!

О с о к и н. Оставь меня!..

Н а т а л ь я. Нам не о чем больше говорить.

Н а т а л ь я. Как это не о чем? Как это не о чем? Папуля! Кровинушка! Вишь ты его – "оставьте меня!" Ни за что! Сяду. (Села). Не сдвинусь с этого места, пока не напишете на чистом листочке то, что нам надо… Мне, Витьке-дуралею, Петьке. Не сойду! Или добьетесь, что я всех их сюда приволоку? Этого хотите? Где мой свисток?

Осокин выходит.

Посидите. Да-да, и подумайте. Все хорошие мысли, кстати, обычно приходят именно там… в сортире. А чего ж я сижу? Где бумага? *(Села за стол, подготовилась писать).* Иван Митрофанович! Не отвлекаю внимание? А? Молчит. Мы и сами с усами. Так, ну и что нам надо? Новую стиральную машину – раз… Нет-нет! Сперва квартиру в самом престижном районе. Или пусть нам эту отдает… Мы потом договоримся, было бы что менять…

Звонок в дверь.

(Подбегает к двери). Кто там?

Г о л о с. Вам телеграмма. Примите и распишитесь.

Н а т а л ь я *(ручка оказалась у нее).* Давайте. *(Открыла дверь, взяла телеграмму).*

Г о л о с. А вы кто будете? Здесь же указан конкретный адрес: Осокину.

Н а т а л ь я. Не бойтесь, чужие здесь не ходят... *(Вернулась к столу, читает телеграмму).* "Дедушка... встречай... приезжаю сегодня... Иванна". А ей еще что здесь надо, Иванне, кукле той уральской? Так-так-так!.. Вот почему он не хочет ничего писать... Понятно. Специально для этого, значит, вызвал правнучку. Что же я сразу не догадалась? Теперь жди всех... налетят, как мухи на мед. И внуки, и правнуки...И как это мы совсем упустили этот момент?

Шум воды сливного бочка.

(Прячет телеграмму под одежду). Не получится!

Появляется Осокин.

О с о к и н. Это кто приходил?

Н а т а л ь я. Адресом ошиблись. Может, сбегать в лавку?

О с о к и н. Зачем?

Н а т а л ь я. Принести чего-нибудь?

Осокин ставит на стол графинчик, бокал.

Вот это другой разговор! Вот это по-нашему! А... а почему один бокал? Вы что, меня не учитываете, за человека совсем не считаете?

О с о к и н *(наполнил бокал).* Пожалуйста. Бери, Натаха.

Н а т а л ь я. А-а, все же признали. А куда вы денетесь, Иван Митрофанович? Против фактов не попрешь. Я, я!.. Ну так что, так и будем?..

О с о к и н. Не понимаю…

Н а т а л ь я. В кошки-мышки играть?

О с о к и н. Жалею, что взял тот чистый листок бумаги. Не надо было этого делать.

Н а т а л ь я. Вы… извините, дикарь, Иван Митрофанович! Хоть в одном Витька прав. *(Опрокидывает бокал).* Закусить! А невкусная!.. Гадость!.. Фу!.. *(Закусывает).*

О с о к и н. Какой уж есть. Тут ничего не поделаешь.

Н а т а л ь я. А можно!.. А можно поделать!.. Вам подвернулся шанс хоть раз в жизни помочь своим детям, а вы его упускаете. Вы же потом себе не простите этого, когда поумнеете, все время укорять себя будете. Локти кусать…Вы посмотрите, что вокруг делается? Чьи дети аптеки открывают, престижные лавки? Откуда у них, мелюзги, такие возможности?

О с о к и н. Не моё дело.

Н а т а л ь я. Вот это и плохо, что не ваше. А вы бы хоть раз задумались. Пошевелили бы извилинами хотя бы раз…Берите пример с отцов как раз вот тех аптекарей. Да и по сравнению с ними вы – мелочь. Извините, не в том плане… Не как человек, а как – спонсор… Еще выпью. *(Выпивает).* Хорошо пошла. Давайте действовать, Иван Митрофанович. Что вам стоит написать несколько слов ради нашего с вами благополучия? А? Иван Митрофанович! Ну родненький, ну миленький!.. Вот ручка, вот бумага… А бумаги у нас – можем роман написать. Двух Дюмов за пояс зажмем. *(Села за стол).* Диктуйте.

О с о к и н. Я не учитель.

Н а т а л ь я. Что же это получается? "Я не учитель". А кто же тогда вы, Иван Митрофанович? Кто? Каждый отец для своих детишек – учитель, в несколько раз повыше того, которого вы имеете ввиду – повыше школьного учителя. Так и быть: я все сама напишу, а вы только подпишетесь.

О с о к и н. Не сметь! *(Старается выхватить листок бумаги).*

Н а т а л ь я. Не отдам! Я покупала!

О с о к и н. Забирай все, что принесла, и к ядреной Фене!.. Ну, кому говорят? Очисти комнату и мою душу.

Н а т а л ь я. Ну, я правильно сказала: дикарь. Вас в музей надо сдать. Под расписку. Охрану усилить. Чтобы никто не украл.

О с о к и н. Марш! Вон!..

Н а т а л ь я. Все, развод! Хватит жить с сыном глупого отца! Надоело! Вот где вы у меня!.. *(Чиркнула ребром ладони по горлу).*

О с о к и н. Твое дело. Никто еще после развода не умер.

Н а т а л ь я. Как бы не так! Неправда. Были случаи. Выпью еще… на халяву. Приму. Не так выпить хочу, как хочется мне хоть кусочек чего-то взять у вас…отщипнуть.. Хоть этих пятьдесят граммов – и то, глядишь, кое что перепало от отца… от свёкра… *(Выпивает).* А эта пошла еще лучше. Фу! Молчим – да? Раз-вод! Тогда я посмотрю, как запоёт Лазаря твой сынуля.

О с о к и н. Все у тебя?

Н а т а л ь я. Если бы! Я больше скажу вам, уважаемый папуля и дедуля. Петька, твой внук, – совсем тебе и не внук… *(Ржёт).* Докладываю!.. Как на духу!.. Я родила его не от Виктора… чтоб знал и особенно хвост не ершил, де-ду-ля-я!.. Хватит? Или еще чего сказать, родимый?

О с о к и н. Ну и дура!

Н а т а л ь я. Какая есть. С кем поведешься… Не радуешься, вижу, новости?

Осокин спокойно взял "тревожный" чемоданчик, извлек оттуда листок бумаги, порвал его, бросил кусочки на стол. Чемодан спрятал.

(Спохватившись). Что, что это, Иван Митрофанович? А? Что это? Что? Что, а? *(Суетливо разгребает кусочки, складывает текст, Осокин тем временем выходит).* "Дар… ствен… ная на квартиру…внуку… Петру Викторовичу Осокину…" *(Вслед Осокину).* Иван Митрофанович! Вернитесь! Иван Митрофанович!.. Родненький!.. Куда же вы? Я же… я же… наговорила на себя… всего-навсего… Сгоряча… А он и поверил…Наговорила я!.. Набрехала!...

Сама на себя!.. И правда, я – дурр-р-ра!... Ну, и чего я добилась?! Так начудить! Боже! Что ж это я натворила?!.. *(Выходит).*

6.

О с о к и н. Тяжело мне, Мария, без тебя. Худо. Если бы ты знала как. Это я иногда хорохорился, а на самом деле… Я тоже, может, не подарок был… всякий… Иногда заносило… Хе, любил, помнишь же, я с тобой по магазинам ходить… тебе обновки выбирать в день получки любил… ты выбирала, а я отирался под дверью магазина – тебя дожидался… И радовался, когда ты с пакетом выходила ко мне… Как сейчас вот вижу, как светились твои глаза…

Тебя же нет, моя любушка. Как поздно мы это понимаем! Как поздно!.. Да нет, не плачу я… просто слеза какая-то сумасшедшая… *(Смахивает невидимую слезу).* Брысь, поганая! Брысь! *(Старается улыбнуться).* Порядок. Прогнал ее, слезу-то. Думаю, не вернется. Никогда ты моих слез не видела, а тут такая оказия…

7.

Входит Виктор. Он на подпитии.

В и к т о р. Ну, привет, что ли, пахан? *(Садится на табурет).* Ты сегодня у нас самый большой начальник! После Президента, слышишь?

О с о к и н. Где это ты так?..

В и к т о р. У тебя свой райисполком, у меня – свой. Держи бумагу. Натаха тут все записала каллиграфическим почерком… Семнадцать пунктов… Семнадцать мгновений весны, одним словам… Читай. И подписывай. Тебе не надо ничего царапать – все изложено… Остается только заверить. Налетай на готовенькое. Отец, спасай! Держи, говорю, бумагу! *(Припечатал ее к столу).* Не тяни жилы, прошу тебя! Неужели ты меня понять не можешь? Мне же Натаха жизни не дает!

О с о к и н. Зачем же ты язык распустил?! Зачем говорил Натахе?! Знаешь ведь ее!..

В и к т о р. А сам? А зачем ты мне ляпнул?.. Зачем? Жили себе и жили. Как все нормальные люди. Так нет же – подавай рай!..

Засвербело!.. Зачесалось!.. Слышишь, отец? Подписывай бумажку, и тогда она станет документом. Натаха сама отнесет в исполком. Она для храбрости даже мне бутылочку водки поставила… сегодня…

О с о к и н. Не могу я!

В и к т о р. Не подпишешь – развод!.. И точка, говорит. Хотя ее я и понимаю… а тебя – извини – не совсем… Неужели ты нам не желаешь лучшей жизни? Так что же мне прикажешь делать? Что? Только мне и остается бегать трусцой. Чем возвращаться домой – лучше буду бегать!.. Считай круги!.. Буду бегать – пока не подпишешь!..

На пороге появляется Иванна. Удивленно смотрит на все, что происходит. А Виктор продолжает бегать вокруг табуретки…

Затемнение.

Д е й с т в и е в т о р о е

8.

…Увидев Иванну, Виктор сконфузился, застыл на одном месте, а потом схватил брюки и выбегает, на ходу стремится надеть их; упал, подхватился, возится еще определенное время с брюками, наконец исчезает.

И в а н н а. Здравствуйте, Иван Митрофанович!

О с о к и н *(ворчливо).* Здравствуйте, коли не шутите.

И в а н н а. Вы меня, наверно, не узнаете?

О с о к и н. Нет, не узнаю. Хотя в последнее время я только что и делаю, как узнаю вас всех и со всех сторон. Вы что, тоже ко мне?

И в а н н а. Да.

О с о к и н. Боже, спаси и сохрани! *(Перекрестился).*

И в а н н а. Это я…

О с о к и н. А больше там никого нет? За дверью?

И в а н н а. Я вас не понимаю, дедушка…

О с о к и н. Погоди, погоди… Иванна?

И в а н н а. Иванна…

О с о к и н. Господи! Иванна! Какая ты взрослая стала!

И в а н н а. Спасибо.

О с о к и н. Откуда ты взялась? Каким ветром? А я уж грешным делом тебя за дальнюю родственницу какую-то принял… В пятомдесятом колене… Мало ли… Прорвало, думал…

И в а н н а. Проездом я…

О с о к и н. Вот как!

И в а н а. На море еду. Бывай, мединститут! Вот всей группой решили в Крыму классно провести отпуск.

О с о к и н. Дело стоящее! *(Обнял).* Ну проходи, рассказывай…

И в а н а. Съезжаемся – кто откуда… На денек заскочила. Завтра уезжаю.

О с о к и н. Ну, ну. Телеграмму дала бы. Я бы встретил. Пока еще – видишь? – на своих двоих.

И в а н н а. Я давала…

О с о к и н *(удивленно).* Я не получил.

И в а н н а. Бывает… Но ничего страшного – я вас быстро нашла. Волновалась только, дома ли будете… Ну, рассказывайте, как вы тут, Иван Митрофанович?.. *(Оглядывает комнату).*

О с о к и н. А как мы? *(Пожал плечами).*

И в а н н а. Уютно у вас.

О с о к и н. Лучше расскажи, как вы поживаете. А я – он вот весь на виду… Передвигаюсь помаленьку, и хорошо… Как папа, мама? Как ты?

И в а н н а. Все хорошо. Папа работает в той же больнице, где и мама…

О с о к и н. Людей, значит, всё еще лечат?

И в а н н а. Ага. У них это хорошо получается.

О с о к и н. Сейчас мы придумаем что-нибудь перекусить… С дороги ведь… Сейчас, сейчас… Подожди минуточку*…(Суетится).*

И в а н н а. Не хлопочите , Иван Митрофанович. Я на диете.

О с о к и н. Вот как! Так что, чаю даже не попьем мы с тобой?

И в а н н а. Чаю – можно..

О с о к и н. Ну, хорошо… Как там мой сын Николай, твой дедушка?

И в а н н а. Дедушка больше на рыбалке сидит.

О с о к и н. Вот уж рыбак!..Понятно. Ну, а ты-то как, Иванна? *(Включил чайник).* Давно я о тебе не слышал.

И в а н н а. А что я? Институт закончила… Всё, да здравствует свобода!

О с о к и н. В родителей, знаю, знаю, пошла, по их стезе. А как же это ты надумалась в гости ко мне свернуть?

И в а н н а. А что, вы не рады?

О с о к и н. Круг ведь получается, а? Где мы, где Крым… Да и билет, поди, дороговат?

И в а н н а. А мне что, родительских денег жалко?

О с о к и н. Эх вы, молодежь зеленая!.. *(Ставит на стол две чашки).*

И в а н н а. Да, пустяки! Раз живем! Но мне надо было обязательно вас повидать. Давно собиралась, а выбралась только сейчас. Всё дела, дела, дела!

О с о к и н. Я же тебя такой вот помню… Как куколка была…

И в а н н а. А я и сейчас ничего!

О с о к и н. Да, да: ты и сейчас хороша. Парни, видать, сохнут?

И в а н н а. Конечно.

О с о к и н. Молодец. А я, знаешь, иной раз, когда ночью не спится, вас всех вспоминаю.. Вас же у меня много… Дожил и до правнуков. Не всем повезло, а меня Бог не обидел… Ты, Иванна, старшая дочь у моего старшего внука – так что все зависит, дождусь я праправнуков или нет, от тебя. Ты уж постарайся там. Сколько лет училась?

И в а н н а. Семь.

О с о к и н. Мелочи. Считай, ничего. Я семь лет в солдатах пробыл, из них почти четыре – на передовой. Вспомнить страшно, девка. А учиться – рай!.. А вот у нас и чаёк готов.

И в а н н а *(спохватилась).* Ой, а что ж это я?! Я же вам подарки привезла…Совсем из головы вылетело… *(Достает из сумки свертки, один сразу же развернула – там сорочка).* Сама выбирала. Как вам, Иван Митрофанович? Нравится?

О с о к и н. Не надо было тратиться. У меня же всего хватает. Поносить бы успеть.

И в а н н а. Успеете, все еще успеете, Иван Митрофанович. Какие наши годы. *(Примеряет сорочку к спине Осокина).* Угадала! Ваш размер! Ваш!..

О с о к и н. Ну, спасибо. Положи куда-нибудь… Буду носить.

И в а н н а. А может вы её сейчас надели бы, а, Иван Митрофанович? Хочется посмотреть, как вы в ней будете? Переоденьтесь. Ну, пожалуйста.

О с о к и н. Что с тобой поделаешь? *(Взял сорочку, выходит).*

Иванна разглядывает жилье Осокина. Ее больше интересуют книги на полке. Остановилась у портрета Марии.

И в а н н а. А это кто – прабабушка?

Г о л о с О с о к и н а. Она суровая была женщина!.

И в а н н а. Странно, а я на нее, кажется, похожа?

О с о к и н *(появившись).* Ну, как? Порядок в танковых войсках?

И в а н н а. Клёво!

О с о к и н. Хотя я в артиллерии служил.

И в а н н а. Я знаю…

О с о к и н *(задержал взгляд на Иванне).* Ты даже и это знаешь?

И в а н н а. Так получилось…У нас на кафедре хирургии профессор Абрамян Ашот Вартанович работает… Это он мне… ну, не только мне, конечно… всем нам, студентам, сказал, что вы – артиллерист…

О с о к и н. А он откуда знает? И зачем ему надобно было про меня вам говорить? По какому поводу? Хотя погоди, погоди… Абрамян, говоришь?

И в а н н а. Да, Ашот Вартанович. Профессор. В военном госпитале хирургом был…

О с о к и н. Боже мой! Он также ещё жив, значит!..

И в а н н а. Жив… Старенький, правда… с тросточкой, как и вы, ходит… Но вас помнит…Я вам даже кое-что привезла, Иван Митрофанович, от него…

О с о к и н. У меня, никак, идет медовый месяц!…

И в а н н а *(подходит к сумке, но не решается её раскрывать).* Ашот Вартанович передал… Профессор сказал: на память… Может, не нужна вам та память, а, Иван Митрофанович?

Появляется Виктор.

В и к т о р. Здравствуйте, ага…

И в а н н а. Здравствуйте… А я вас уже видела…Вы спортом занимались… Тренировались, да?

Осокин ставит на стол третью чашку.

В и к т о р. Ага. Забег на длинную дистанцию вокруг табуретки. Гольф и регби уже включили в Олимпийскую программу, обещают и этот вид…бег вокруг табуретки… также…

И в а н н а. А вы веселый человек.

В и к т о р. Ну, бывает…

О с о к и н. Особенно сегодня. *(Виктору).* Садись с нами.

В и к т о р *(подал руку Иванне).* Виктор.

И в а н н а. Иванна.

В и к т о р. От двух Иван-нов я трезвый не уйду.

О с о к и н. Моя, кстати, правнучка.

В и к т о р. А, та, что из Ижевска? Удмурточка?

О с о к и н. Та, та.

В и к т о р. Убегу к вам! От Натахи! Как у вас там? Слесарем устроиться можно? А, родственница?

О с о к и н. Сначала проспись… А потом будешь убегать… *(Наполнил чашку).*

В и к т о р. А нет, так попрошусь в тюрьму. *(Удивленно).* Что это – чай?

О с о к и н. Чай, чай.

В и к т о р. Всего лишь? Кто же так гостей встречает, а, пахан?

О с о к и н. Налей себе. Мы не пьем.

В и к т о р. Чай так чай…. Ну, за встречу. *(Поднял чашку).*

Пьют чай. Иванна достает из сумки рулончик, протягивает его Осокину.

О с о к и н. Что там такое, Иванна?

В и к т о р. Дай сюда. *(Забрал рулон, разворачивает, достает рентген-снимок).* Чьи потроха?

О с о к и н. Верни. *(Забрал рентген-снимок, выходит).*

Иванна и Виктор смотрят ему вслед. Виктор ничего не понимает…

9.

Кабинет председателя райисполкома. В нем – Кулаков, Вера Михайловна и Наталья.

Н а т а л ь я *(слёзно).* Ничего не можем с ним поделать. Упрямый – как не знаю кто!.. Мой уже и кругами перед ним бегал – ноль! Выручайте, Сергей Демьянович. Вся надежда на вас. А?

К у л а к о в. Простите, а что я могу сделать?

Н а т а л ь я. Как что?! Что вы такое говорите?! Вы же – первое лицо в районе, руководитель, главный!.. Поставьте его на место, образумьте, в конце концов!..

К у л а к о в. Не понимаю, чего вы хотите от меня?

З и м и н а. А этого, Сергей Демьянович, и следовало ожидать… Вот, пожалуйста!..

Н а т а л ь я. Минуточку! Минуточку!…Это же очень просто – объясните ему доходчиво, что так родители… если они настоящие… с детьми не поступают… От вас же пошло всё, от вас!… А он, видите ли вы его, не исполняет приказ, получается. Плюёт на власть, я так понимаю. На вас.

К у л а к о в. Понимайте как хотите. Но исполнять или не исполнять – это, собственно говоря, личное дело Ивана Митрофановича. Только его. И совсем не приказ это – предложение… Улавливаете разницу?

Н а т а л ь я. Прошу не уходить в сторону. Прошу не увиливать.

К у л а к о в. Как он захочет, так и будет. Извините еще раз, однако насильно заставить не могу. Значит, ему ничего не нужно.

Н а т а л ь я. Нам, нам нужно! Нам, как это вы понять не можете?! У вас какое образование?

К у л а к о в. Образование нормальное у меня. Но не вы же воевали…

Н а т а л ь я. Так он для того и воевал, папка наш, чтобы у нас все было. Для того и сражался, в бой шел истреблять тех гадов!.. Я бы им… я бы им и сама не знаю что сделала, если бы жила тогда! Глотку бы перегрызла!..

К у л а к о в. На вас похоже.

Н а т а л ь я. Еще бы!..

К у л а к о в. Поймите одно: нам только от всего сердца хотелось, чтобы фронтовик пожил в комфорте…

Н а т а л ь я. Вот-вот! И сам, как говорят, не гам…

К у л а к о в. Он заслужил…Так что, уважаемая Наталья…

Н а т а л ь я *(подсказывает)*… Сидоровна.

К у л а к о в. … ничем помочь не могу. Извините. Ему, значит, хорошо, роскошно так, как он живет. Неволить не можем.

Н а т а л ь я. Тогда вы и скажите, что так и хотели, чтобы не заполнил Иван Митрофанович тот листок. Поманили, получается, пальчиком, – и под зад, а? Пошел вон!

З и м и н а**.** Знайте, что говорить и где.

Н а т а л ь я *(угрожающе).* Не думайте, что вы последняя инстанция. Найду управу!

К у л а к о в. На кого?

Н а т а л ь я. На вас!

К у л а к о в. Ну, ну, давайте ищите.

Н а т а л ь я. Знаем таких! Под его шумок сами напишете, что вам или вашим деткам нужно, и концы в воду. Ищи-свищи. Подпись и подделать можно. Сейчас специалистов хватает. Доллары печатают. Не то чтобы!..

К у л а к о в. Не говорите глупостей!

Н а т а л ь я. А то я не знаю, как делается! У-у-х! *(Выходит).*

К у л а к о в. А может я чувствовал, что Иван Митрофанович ничего не напишет на том листке, поэтому и предложил. А я так и скажу ему… прямо в глаза: а я и знал, что вы ничего не попросите, Иван Митрофанович!

З и м м и н а. Лучше промолчите. Мой вам совет, Сергей Демьянович.

К у л а к о в. Спасать надо нашего последнего фронтовика. Похоже на то. Заварил я кашу один, понимаю…

З и м и н а. Надо спасать. *(Уходит).*

К у л а к о в. На войне уцелел, бедолага, а в мирное время и в самом деле может получить контузию…

Кулаков, собрав папку, также покидает кабинет.

10.

В квартире Осокин и Иванна. Сидят за столом.

О с о к и н *(листает альбом).* Под Вязьмой меня как раз и ранило… Артиллериста – пулей? Ты веришь, Иванна? Пулей! Нет, чтобы осколком. И откуда она там взялась, та проклятая пуля?

И в а н н а. Как же мне не верить, когда та пуля на рентгеновском снимке?

О с о к и н. Если бы только там…

И в а н н а. И вы ее до этого времени носите в сердце, Иван Митрофанович?

О с о к и н. А что мне оставалось делать? Врачи долго советовались, решили не трогать ее…Будь что будет… К профессору посылали в столицу… Тот также сказал: лучше не трогать ее… Жить, спросил, можете? Могу, отвечаю. Ну и живите. Дорожите каждым прожитым днем. Что я и делаю. Моя дорогая, если бы только эта одна пуля сидела в сердце. И в мирные дни стрелков хватает… А, вот и та карточка, которую я тебе собрался показать…Узнаешь?

И в а н н а. Конечно… Усы те же… только теперь белые, как снег…

О с о к и н. Я слева… Вот я…Гимнастёрка тогда на мне висела колом…

И в а н н а. Я понимаю…

О с о к и н. Этот снимок и был сделан как раз тогда, когда я выписывался из госпиталя… Абрамяну покажешь снимок. Глянь, дескать, какой мой прадед орел, хотя и без усов! А? Сделаем такую штуку?

И в а н н а. Сделаем, Иван Митрофанович!.

О с о к и н. Что-то я расхрабрился. Болит сердце, болит…

И в а н н а. Вы уж берегите себя, Иван Митрофанович.

О с о к и н. Стараюсь, как могу. Но жизнь брыкается иной раз, вносит свои коррективы. Ну, да это мелочи… Я вот что тебе скажу, Иваннушка мая дорогая, тезка моя… Знаю, знаю, что тебя назвали в честь меня… хотя красивых имен много… Спасибо твоим родителям… Только не об этом я… *(Достал из шкафа чемоданчик).* Это мой "тревожный" чемоданчик. Наступит то время, от этого никуда не денешься, когда прозвучит сигнал тревоги… тогда его и надо будет открыть, здесь всё расписано, что делать и как… Хотя там всего два пункта: где похоронить…

И в а н н а. Ну, Иван Митрофанович!

О с о к и н. Слушай далее. Я и сам знаю, что я Иван Митрофанович. Не сердись, моя дорогая.

И в а н н а. А я и не сержусь.

О с о к и н . Ну вот и молодец. Вторая просьба… хотя ее надо было, возможно, и первой записать, ведь она – более главная просьба… Ага, значит… Главная она… просьба…

И в а н н а. "Не ложить меня в гроб, пока не вырежете из сердца пулю". *(Вернула листок).* Я вас понимаю…

О с о к и н. На земле мы временно, а в земле – навечно… навсегда. С вражеской пулей в сердце не хочу лежать все время…

У меня из еды, хотя ты и на диете, ничего, по правде говоря, нет – холодильник не работает. Так что – в ресторан, мать его так!..

Выходят.

11.

Осокин перед портретом Марии.

О с о к и н. Ты просила, любушка, чтобы я не обижал детей. Квартиру я подарил внуку Петьке, восстановил дарственную… ну погорячился было… порвал… Деньги, что имеются, поделят: что-что, а деньги считать они умеют. А больше я им дать ничего не могу, кроме совета как жить. Но они же ничего не хотят слушать.

12.

В квартире Осокина. Здесь одна Иванна. Входят Наталья и Виктор.

Н а т а л ь я. Появилась, красавица?

И в а н н а *(чувствует себя неловко).* Ой, доброе утро!

В и к т о р. Доброе… ага.

Н а т а л ь я. Кому доброе, а кому не совсем.

И в а н н а. Как это?

Н а т а л ь я. А так, красавица! Быстро вы в чужом свое находите. Ой, быстро, однако!..

И в а н н а. Я вас не понимаю…

В и к т о р. Оставь ее в покое!

Н а т а л ь я. А ты вообще молчи! Тебе слова не давали!

И в а н н а. Кто вы?

Н а т а л ь я. Натаха! Я – Натаха! Как раз та женщина с большими претензиями, чего и не скрываю, на имущество… Или тебя Иван Митрофанович не ввел в курс дел? Не посвятил?

И в а н н а. Я не знаю, о чем вы говорите.

В и к т о р. Оставь ее в покое!...

Н а т а л ь я *(отодвинула Виктора в сторону, подходит поближе к Иванне).* Откуда, скажи вот мне, ты узнала, что перед нами открываются такие перспективы?

И в а н н а. Перспективы?

В и к т о р. И я...

Н а т а л ь я. Тебе слово потом... когда все поделят... А где, кстати, старик?

И в а н н а. Не докладывал.

Н а т а л ь я. Он здесь случайно ничего не писал? На столе?

И в а н н а. Писал...

Н а т а л ь я *(Виктору).* Лопух! Получил? Думаешь, чего прискакала эта пигалица аж с другого конца планеты? Просто так, думаешь? А? Да нет, здесь все продумано и сделано так, чтобы меня, Натаху, пробросить! А вместе со мной и тебя, болван! Это он понес, тут и думать нечего, список в райисполком!.. *(Иванне).* Понес? Признавайся! С кем разговаривают, молодежь?

И в а н н а. Скажите, в конце концов, что вам от меня нужно? Чего вы на меня набросились?

Н а т а л ь я. Виктор, объясни ей.

В и к т о р. Ей это совсем не интересно...

Н а т а л ь я. Ошибаешься, дружок! А по какому бы поводу она сюда примчалась?

И в а н н а. Не волнуйтесь, я сегодня отбываю... Избавлю вас от своей персоны, если чем-то я вам действительно не угодила. Будьте довольны. Радуйтесь.

Н а т а л ь я. А где же отец?

В и к т о р. Откуда я знаю.

Н а т а л ь я. Персона! А ты? Как этот белый свет состряпан – диву даешься. Каждый так и норовит вырвать у тебя из-под самого носа, так и старается!.. А ты сперва подумай, человек: имеешь ли ты право претендовать на то, к чему твои грязные руки тянутся? Подумай сначала! Взвесь! Оцени объективно!..

В и к т о р. Ты про кого это так?

Н а т а л ь я. Помолчи, истукан, хотя бы тут! Помолчи! А то убью… дома. Дай придти только.

Заходит Осокин.

О с о к и н. А, это вы?

Н а т а л ь я *(услужливо).* Доброго утречка, Иван Митрофанович! Как ваше здоровьечко? Как на нашем фронте, Иван Митрофанович? Все без перемен? Правнучка вот у вас хорошенькая, смотрю, девочка… проведать вас приехала… наделила вниманием… что ж это она так, а? Никогда не была и носа не казала, а тут – вдруг…

О с о к и н *(отсчитывает деньги).* Был я в сберкассе, где пенсию получаю. Подали кусочек бумаги и говорят, напишите заявление, что вы живой…

В и к т о р. Ты шутишь?

О с о к и н. Нет, правда. Написал. Клянусь. Ведь, сказал, если умру, то уже не смогу. Молодцы – вовремя обратились. Своевременно.

В и к т о р. Живи, батя!..

О с о к и н. Живу, как видишь. Тебе, тебе, Иванна. На море деньги пригодятся. Не жалей – как и родительские… сколько той жизни. А когда заработаешь – вернешь.

И в а н н а *(взяв деньги).* Спасибо.

Н а т а л ь я *(удивленно).* Так вы что, сто лет собрались жить?

О с о к и н. А и хорошо было бы. Почему не жить? Повсюду красиво, в аптеках разные лекарства – на выбор… больше, чем хвороб. А ты видела, Натаха, как летом красиво рожь цветет?

Н а т а л ь я. Что? А?

В и к т о р. Отец про рожь спрашивает…

Н а т а л ь я. Какая рожь? Сдалась мне рожь! Хлеб есть, и хорошо!..

О с о к и н. Наталья!

Н а т а л ь я. Чего, свёкор?

О с о к и н. Больше телеграмм у меня не принимай… Тем более, когда я дома…

Н а т а л ь я. Какая телеграмма?! Что за наговор такой? Люди! Что за наговор такой? Люди! *(Виктору).* А ты чего стоишь? Где твое мужское веское слово? Где гонор? Ты хоть раз можешь заступиться за жену или нет? Лопух!..

Звонок в дверь.

Бросается к двери Наталья. Открывает Иванна – она ближе стояла. Двое рабочих заносят холодильник в упаковке.

Н а т а л ь я *(нетерпеливо).* Что? Что это, мальчики?

Р а б о ч и й. Холодильник!

Н а т а л ь я. Опа-на! Видали? Поплыло!.. Наконец!.. Ура-а!.. Есть Бог на земле!.. Есть!..

О с о к и н. Подождите, откуда этот холодильник взялся?

Н а т а л ь я *(перекрыла руками Осокину дорогу к холодильнику). Нет! Не отдам!* Что там у вас еще, мальчики?

Р а б о ч и й. Стиральная машина и телевизор.

Н а т а л л я. Все заносите, не слушайте этого деда. А компьютера нет?

Р а б о ч и й. Что сказали, то и привезли.

Н а т а л ь я. Это я все! Я! Если бы не сходила в райисполком, если бы не поставила там всех с головы на ноги , – фигушку что

вам… нам принесли бы сюда!. Ходила, ходила, не думайте, пороги обивала, я вы как думали?

О с о к и н *(строго).* Отнесите все туда, где взяли!

Н а т а л ь я. Нет! Нет! Не отдам! Наше! Наше! Моё!..

О с о к и н. Исполняйте команду.

Р а б о ч и й. Нам заплатили только за то, чтобы мы заносили, а не выносили.

Рабочие выходят.

Пауза.

Появляется Кулаков с пакетом.

К у л а к о в. Не ожидал… вас так много… А я ведь шёл к одному человеку – к Ивану Митрофановичу. Признаюсь честно. Сюрприз, так сказать. Ну что ж: здравствуйте всем!

Ему отвечают. Все – по-разному. Наталья даже сделала поклон. Кулаков пожал руку лишь Осокину.

К у л а к о в. Удачно я зашел. Это, в общем, хорошо. что вы собрались… замечательно… Вы, конечно, знаете, кто был и кто есть ваш дедушка, отец…

О с о к и н. Да что вы, Сергей Демьянович?! Зачем? Им - то это… как-то… дедушка и дедушка… всё равно… старье, одним словом…

К у л а к о в. Не говорите так, Иван Митрофанович. Вы-то себе, не сомневаюсь, цену знаете, пусть и другие знают… Так вот, друзья… Я пришёл к этому человеку, признаюсь откровенно, так и быть, всем вам… чтобы сказать ему спасибо… За Смоленск… За Курск… За Сталинград… За Могилёв… За Берлин… Спасибо, Иван Митрофанович!

О с о к и н. Да оно как-то… много мне одному… получается вроде бы….как-то… слишком…

К у л а к о в. Ничего, ничего: поднимете всё это, Иван Митрофанович. Унесете. Это ваша ноша… а своя ноша не тянет….

А заодно и прощения хочу попросить у вас, дорогой наш ветеран….

Н а т а л ь я *(заинтересованно).* Интересно. А прощения за что?

К у л а к о в. За то, что может где-то и когда-то недоглядели в круговерти наших дел… Простите, если что не так было, Иван Митрофанович!…

О с о к и н. Я не в обиде… в общем… Я счастлив, что сегодня вот среди вас всех… Очень счастлив… А больше мне ничего не надо…

К у л а к о в. Спасибо. Спасибо, дорогой наш Иван Митрофанович. Ну, а теперь познакомьте меня с вашими гостями.

О с о к и н. Чего тут знакомить-то особенно? Сын Виктор… *(Виктор кивнул)*… Его жена Натаха…

Н а т а л ь я *(поправила).* Наталья Сидоровна… Мы уже знакомы…

К у л а к о в. Понятно. Я вас и действительно где-то встречал раньше, кажется?

Н а т а л ь я. А то бы! Что-то тихо за дверью? Не шуршат, не топают? Так они несут там или нет? Всё понятно – вот так у нас работают. Пять минут попыхтят, десять – перекур.

О с о к и н. А это моя правнучка, Иванна. *(Иванна кивнула).* Живет в Ижевске. В этом году закончила мединститут.

К у л а к о в *(Виктору).* Вы помоложе, скажите грузчикам, чтобы заносили всё оставшееся…

Наталья захлопала в ладошки. Виктор выходит.

Иванна, значит?

И в а н н а. Иванна.

К у л а к о в. Красивое имя.

О с о к и н. Моя тёзка…

К у л а к о в. А давай, Иванна, к нам в больницу? Нам врачи очень нужны. Ну, как? Я серьезно.

И в а н н а. Не знаю… Так неожиданно… Я не думала над этим…

К у л а к о в. А что тут думать! У тебя как, свободный диплом?

И в а н н а. Свободный, но я уже договорилась с работой у себя дома.

К у л а к о в. А здесь разве не твой дом? Поживешь пока у тезки… Я прав, Иван Митрофанович?

О с о к и н. Я – обеими руками!..

Н а т а л ь я. Как это? Как? А? Что вы такое говорите, товарищ Кулаков? Отрываете ребенка от папки, от мамки? Гляньте, она же совсем еще ребенок! Вчера только соску со рта вынули!

К у л а к о в. Ничего, ничего, рядом с прадедом быстрее взрослой, самостоятельной станет.

Н а т а л ь я. Что вы такое говорите? А тот город, который ее учил, что скажет? Вся Россия ощетинится на Беларусь. Международное воровство кадров! Средь белого дня! Грабеж!..

И в а н н а *(твердо).* Я остаюсь. Съезжу только домой, возьму диплом и вещи первой необходимости …

Н а т а л ь я. Что ж это делается, а? Что творится?!

К у л а к о в. Вот как раз и холодильник… как молодому специалисту… телевизор плазменный сейчас занесут ребята… стиральную машину «Атлант»… Свой доктор будет у дедушки… Это большое дело – иметь своего доктора…

Наталья плюхнулась на табуретку и больше не находит слов.

Появляется Зимина.

З и м и н а. Здравствуйте! Я не опоздала?

И в а н н а. Нет-нет! Как раз вовремя.

Кулаков тем временем ставит бутылку шампанского на стол.

З и м и н а *(поставила торт на стол).* Иван Митрофанович, это от меня! А сейчас – так положено – извините, распишитесь вот здесь…

О с о к и н. Я сам! *(Расписался).*

К у л а к о в. Никогда не был в Ижевске.

И в а н н а. Своеобразный город. Одно плохо – задымлён: предприятий много.

К у л а к о в. Если бы не автомат Калашникова и не сам Калашников, я мало что и знал бы о нем. А сейчас вот узнал, что это и твоя родина, Иванна.

И в а н н а. Да. Я горжусь…

К у л а к о в. Вот у нас все за границу стремятся, а я – нет: я бы хотел побывать и у вас в Ижевске, и на Байкале, и на родине Шукшина Василия Макаровича… Мой, кстати, любимый писатель.

Н а т а л ь я. Пьяница был!

К у л а к о в. Иван Митрофанович, а давайте к столу !..

Все присаживаются.

В коридоре же слышны шаги – это где-то там рабочие несут телевизор и стиральную машину… Вместе с Виктором.

Г о л о с В и к т о р а. Осторожней, осторожней, братва! Вот так!.. Ставьте тут…Порядок! Молодцы!..

Появляется Виктор. Тоже садится за стол.

К у л а к о в *(зовет).* Иван Митрофанович!

И в а н н а. Подсаживайтесь, дедушка!

З и м и н а. Вас ждём!

В и к т о р. Отец!

Н а т а л ь я. Всё понятно: не хочет меня видеть за столом. Тогда я уйду? *(Суетится).* Или как?..

В и к т о р. Папа, тебя ждём!

К у л а к о в. Иван Митрофанович!

И в а н н а. Деда-а!…

Но Иван Митрофанович никого не слышит. Он думает о своем. Мы может только догадываться – о чем…Потом медленно встал – и ушел… Навсегда.

Занавес.

2009, 2013

БЕЗ ЕГОРА БУДЕТ ГОРЕ

Комедия в двух действиях

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а:

В деревне:

Е г о р, 70 лет.
А н ь к а, дочь Егора, 30 лет.
П а в л о в н а, учительница-пенсионерка.
О к р о ш к а, ровесница Павловны.
П ё т р, зять Павловны.
О л я, почтальон.

В скайпе:

Ю л я, дочь Павловны.

Наши дни.
Деревня.
Место действия – двор; в избе; на сельской улице.

Д е й с т в и е п е р в о е

Картина первая

Раннее утро. Ухоженный дворик в деревне. Подсолнухи свесили яркие головы через забор. Кувшин на колу – как обычно... Ну, и прочее...

Павловна готовит трапезу на столе, который стоит впритык с забором.

Пропел петух.

Шум проехавшей машины. Павловна насторожилась.

П а в л о в н а *(вздохнув).* И эта мимо… *(Включила радиоприемник).*

Гимн…
Появляется Егор.

Е г о р *(голосом диктора).* Доброе утро, товарищи…
П а в л о в н а. Какое ж оно доброе?
Е г о р. Сегодня суббота, 21 июля… Послушайте программу передач… *(Приглушил радиоточку).*
П а в л о в н а. Суббота и воскресенье – самые тяжелые дни… самые не добрые…
Е г о р. И у меня, соседка… Жду своих, а не едут…Да я и не в обиде, в общем: люблю тишину…покой…
П а в л о в н а. Хорохоришься, пока на своих ногах…
Е г о р. Д-да… Может, ты и права, Павловна. *(Потягивается, показывает несколько элементов физзарядки).* Но я знаю одно: никогда не жалуйся… пожалеть не пожалеют, а уважать перестанут. Раз-два, раз два!..

Пауза.

П а в л о в н а. У тебя что – своего двора нету руками махать?
Е г о р. Раз-два!.. Раз-два!..
П а в л о в н а. Ты чего пришел так рано, сосед?
Е г о р. Лучше недоспать, чем переспать. Раз-два! Недосып можно доспать. Раз-два! Пересып отоспать нельзя.
П а в л о в н а. Баламут ты, Егор.

Е г о р *(закончив зарядку).* Так это… с дровами -то на зиму как решила?
П а в л о в н а. Отказалась от дров.
Е г о р. Иди ты!.. Совсем или как?
П а в л о в н а. Совсем…
Е г о р. Замёрзнешь ведь?
П а в л о в н а. А что будет то будет!
Е г о р. Небось в город намылилась на зиму-то?
П а в л о в н а. Там нас никто не ждет… в городе-то…
Е г о р. Это верно: никто… Ну ладно, пойду я?
П а в л о в н а. Иди.
Е г о р. Идти?

П а в л о в н а. Нет, ты, Егор, не просто так пришел… Говори – зачем пришлепал. Признавайся.

Е г о р *(робко).* У меня… это дров много…. Может… это… ты ко мне… я к тебе, а, соседка?

П а в л о в н а *(удивленно).* Чего?!

Е г о р. Вдвоем теплее как-никак будет… Прижмёмся…это…

П а в л о в н а *(почти агрессивно).* Знаешь что!.. *(Вдруг решительно).* А дай подумать!..

Е г о р. Так и я про то.

П а в л о в н а. Это ж надо!..

Е г о р. Ты о чем?

П а в л о в н а. Да всё о том же. Школу, говорит председсовета, скоро начнем бурить, будет тебе дров на три зимы вперед, Павловна. Ты слыхал?

Е г о р. Непременно…

П а в л о в н а. Ты понял?

Е г о р. Обязательно…

П а в л о в н а. А я, дура старая, и согласилась.

Е г о р. И правильно…

П а в л о в н а. А потом пришла домой, завтракать стала, ем и думаю… Как это я, учительница почти с сорокалетним стажем, буду сидеть у грубы и сжигать в ее чреве школу?

Е г о р. Зерно есть… имеется.

П а в л о в н а. Свою школу – понимаешь, сосед-жених?

Е г о р. Первым делом…

П а в л о в н а. После войны как было?

Е г о р. А как?

П а в л о в н а. По хатам классы стояли.

Е г о р. Подтверждаю.

П а в л о в н а. А потом толокой школу построили… вот эту… которую завтра-послезавтра бурить начнут…

Е г о р. За ними не станет…

П а в л о в н а. А она же, школа, помнит тысячи ребят, десятки учителей… Там звучало столько голосов, в школе-то!.. И вдруг – развалить, на дрова ее!..

Е г о р. Я бы не стал… Но…

П а в л о в н а. Я всё понимаю: ребят нет, а без них – и школы… Но всё равно как-то жалко ее, школы… Как и умершего человека… Еще, может, прости Господи, не каждого и человека так жалко…

Е г о р (перекрестился). Да, жизнь – как лестница в курятнике: и короткая, и вся обгажена…

П а в л о в н а. Завтракать будешь, курятник?

Е г о р. Так рано ведь.

П а в л о в н а. Захочешь – приходи…

Е г о р. Чего?

П а в л о в н а. Чего захочешь…

Е г о р. Иди ты!.. Ах, да…Чуть было не забыл…Хорошо напомнила…Это, значит… Мишка Дрозд рассказывал… в городе едут в троллейбусе… а может и в автобусе – разница невелика… старик и девушка… Старик возьми и спроси: «Девушка, а сколько вам годков-то?» «Девятнадцать» – отвечает та и тут же спрашивает: «А вам, дедушка?» – «А мне семьдесят пять» – «А я бы вам не дала» – « А мне уже и не надо…» *(Смеется).* Но это, заметь, Павловна, анекдот…всего лишь…

Шум подъехавшей машины. Павловна суетится.

Е г о р. Ну, я пойду…

П а в л о в н а. Теперь уж чего – сиди.

Е г о р. Твоя взяла. *(Сел).*

Появляется Пётр с большим свертком.

Е г о р. О, зять! *(Встал).*

П ё т р. Привет всем кто рано встает!

Е г о р. Привет-привет… и утром два привета.

П ё т р. Ты о чем это, дед?

Е г о р. Молодость вспомнил… ага.

П а в л о в н а. Наш Егор наговорит – только слушай.

П ё т р. Здравствуй, Павловна!

П а в л о в н а. Ну, здравствуй, зять! Хорошо доехал-то?

П ё т р. Здравствуй, здравствуй, дед Егор! Хорошо. Дорога – хоть боком катись!..

Здороваются. Слегка обнимаются.

Е г о р. А я думаю: к чему это у меня нос с утра чешется, паразит?

П ё т р. Пёс Барбос и красный нос… Нельзя, нельзя: за рулем. А угадайте, почему я так рано к вам, а? *(Выкладывает на стол свертки).* Юлька тут чего-то вам, мать, передала… Так угадаете или нет?

Е г о р. Куда уж тут с нашей дырявой памятью!..

П а в л о в н а. Отвечай за себя, Егор. Пока на память не жалуемся. Привез, значит, то, что обещал?

П ё т р. Да! Именно!

Е г о р. Ну-ка, что там?..

П ё т р. Ноутбук.

Е г о р. Иди ты!

П ё т р. И кое что к нему. Будут все ваши Шкирдюки разговаривать – ну хоть с Америкой! Как, а? И главное – не вслепую! Глаза в глаза! А то ведь по телефону как? Можно разговаривать и фиги вертеть, а тут не получится!.. Павловна!

П а в л о в н а. Чего, Петя?

Е г о р. Едрена вошь, а!

П ё т р. Эта вещь называется «скайп».

Е г о р. Хрена с два запомнишь. Может Павловна разве?.. У нее учительский макатёр *(постучал по голове)* не совсем, поди, заржавел…

П а в л о в н а. Да и Павловна… Слово-то импортное… Запиши, Петя. Запиши, запиши. На листке.

П ё т р. Всё запишем. Всему научим. Ну и где поставим мы тут эту сногсшибательную технику, господа мои хорошие?

Е г о р. И сногсшибательная есть у тебя?..

П а в л о в н а *(легонько толкнула Егора).* Успокойся, Егор! *(Петру).* Не обращай внимания: редко, но такое иногда с ним случается…

П ё т р. Так где – в избе или тут, на свежем воздухе? Не слышу ответа!

Е г о р. Так это ведь…

П а в л о в н а. Где будет работать, там и ставь.

Е г о р. Лето ведь…я ж и говорю… Заземляй, где хошь.

П а в л о в н а. Красиво сидеть будет в подсолнухах….

П ё т р. Батарейки имеются. Можно и в подсолнухах… А если что – в розетку штепсель… и разговаривай!.. Вижу: недоумеваете. Не беспокойтесь. Всему обучу. Наука не сложная. Ну, а пока я бы…

П а в л о в н а. Сейчас, сейчас я. Как знала, что приедешь, Петро. Как знала, что гости будут… *(Убегает).*

П ё т р *(вслед).* Да не о том ты подумала, Павловна! Сыт я, не голоден!

Е г о р. Она свое дело знает. Не перечь. «Забил снаряд я в пушку туго и думаю: угощу-ка друга…»

П ё т *(поправил).* «Заряд».

Е г о р. Иди ты!.. Ну, пусть будет он… Ты послушай, Петро: она ведь, Павловна, каждую субботу и каждое воскресенье готовит еду… вкусненькую… самую деликатесную, так сказать…а вдруг вы нагрянете?... А тогда вечером в воскресенье мне удовольствие и рай прямо земной: отъедаюсь по полной программе… Сидим вдвоем за столом и лопаем всё… Вру, вру: сидим не вдвоем: еще

Окрошка. Да! Что-то ее сегодня не видать? Может, захворала? И лопаем…Иногда мне и чарочку благословят… Иногда и сами пригубят… За компанию… Но не поют бабы… Отпелись, похоже?.. Или как понимать?... Такие вот дела… А подсолнухи у Павловны глянь какие лопоухие! Красота!.. А в самом деле, Петь, почему они не поют, бабы-то?..

П ё т р. Так это ж тебе лучше знать, дед.

Е г о р. Оно и верно: куры поют только у хорошего петуха, видать…

П ё т р *(смеется).* Умные слова, дед.

Е г о р. Но погодите у меня, бабы! Еще не вечер! Будет и песня у нас!.. У Егора есть нюх. Егор чует…

П ё т р. Хвалю за оптимизм, дед Егор.

Е г о р. Ну, подключайтесь тут…совместными усилиями… Пойду к себе…

П ё т р. Погоди, дед Егор. Погоди.

Е г о р *(настороженно - заинтересованно).* Что, есть?

П ё т р. А что, так хочется?

Е г о р. Не сказал бы… Но! Но – можно. Чтобы сердцу дать толчок – надо выпить коньячок.

П ё т р. Лихо, однако!

Е г о р. Как только кто-то приезжает из города – всегда у нас праздник. А в праздник что делают нормальные люди?

П ё т р. Правильно: наливают, пьют.

Е г о р. Вот именно. Не подскажешь – не получишь. Ох и горе вам будет без Егора!…

П е т р. Так и быть… уговорил, дед Егор. Всегда вожу с собой в машине бутылочку. На всякий случай.

Е г о р. Аварийный.

П ё т р. Так, так. А вдруг, думаю, деда Егора встречу?

Е г о р. А то как же! А вот и он! Собственной персоной! *(Смеется, слегка толкает Петра).* А вот и он, холера ясная!.. Я всегда говорил, что у Павловны зять – ого зять!.. С головой!.. С душой!.. На пять с плюсом!.. Ни чета нам!..

П ё т р. Ну зря это вы так на себя наговариваете. Ладно: один момент! *(Уходит).*

Е г о р *(вслед).* Петро, может тоже зря? Может, не надо?

П ё т р. Разберемся!

Е г о р. Да пошутил я! Пошутил! *(Выдержав паузу*). Раз такое дело, тогда – за Окрошкой! Без нее нельзя! Не одному же пить!.. Тот за рулем, с Павловной за столом каши не сварганишь… За Окрошкой! *(Выходит).*

Появляется Павловна с едой на подносе.

П а в л о в н а. А куда это вы все подевались? Ау!.. А в самом деле, где это они? Ау!..

Появляются Егор и Окрошка.

Е г о р. А мы уже почти тут!..

О к р о ш к а. Дайте мёда – я отравлюсь, а колбасы – повешусь. Гостей принимаешь, Павловна?

П а в л о в н а. Зять приехал.

О к р о ш к а. Вижу, вижу: не слепая. Вчера… это легла спать, крутилась-вертелась, а мужа нету… Лежу, жду. А потом вспомнила, что одна живу – и уснула…

Е г о р. Окрошка сегодня, по всему видать, хорошо выспалась.

О к р о ш к а. Да, представь себе.

П а в л о в н а. Проходите, проходите, соседи.

Е г о р. Я за ней, а она уже в дверях… на изготовке…лоб в лоб… Имеет нюх Окрошка!.. Ух имеет!.. Не потеряла еще свой нюх!..

О к р о ш к а. Ох, шалун старый!

Е г о р. Скажи мне кто я, и я скажу тебе на сколько ты меня недооценила.

Приходит Пётр. Ставит на стол бутылку.

П е т р о. Не заждались?

Е г о р. Порядок в танковых войсках! Вижу цель!.. Она будет поражена нашим войском!.. Уничтожена!.. А, бабы?

П а в л о в н а. Ой, Петя! Зачем? У меня разве бутылочки не нашлось бы?

Е г о р. Как тот говорил: бац-бац – и мимо!..

П ё т р. Ничего, ничего. Не пострадаем. Действительно: пусть будет у вас сегодня праздник. Но сперва я научу вас, как пользоваться скайпом.

Е г о р. Давай, учи.

П а в л о в н а. Больно, видать, наука сложная?

П ё т р. Да пустяки!

Е г о р. Зять знает, что к чему. Ну-ну.

О к р о ш к а. Может и мне поглазеть?

Е г о р. Давай, давай: это тебе не окрошку готовить по городскому рецепту. И как я тогда только выжил – ума не приложу. Бог, Бог заступился!

О к р о ш к а. Все ели – и ничего, а кто ж это виноват, что с тобой детская болезнь приключилась.

Е г о р. Ого! Если бы так!..

П ё т р. Тихо!

Е г о р. Стою смирно.

П ё т р. Показываю. Включаете в сеть ноутбук. Порядок. Ставим камеру на столе так, чтобы вас было хорошо видать… Павловна, сядьте тут… Входим в интернет. Видишь, Павловна, фишку… «скайп» написано. Нажимаешь ее… А нас уже ждет ваша дочь… вызываем ее….

В скайпе появляется Юля.

Е г о р. Юлька, мать честная!.. Юлька!.. Всамделе!.. Как артистка из Грибова!.. Глянь, а! Что, и в такую махонькую дырочку настоящая голова пролезла?

П ё т р. Да.

Е г о р. Видел чудеса, но это!…

Ю л я. Здравствуй, мама.

П а в л о в н а. Здравствуй, дочка.

Е г о р. А где мне там показаться? Как?

О к р о ш к а. После меня…

Е г о р. Да тебя только приведи. И зачем конкуренцию создал сам себе? Сидела бы дома со своими кроссвордами.

О к р о ш к а. И с тобой посидела бы, если б пришёл.

П ё т р. Спокойно, спокойно, все наговоритесь.

Е г о р. Что, и я со своим Витьком могу так вот… с глазу на глаз? В открытую?

П ё т р. Конечно, дед Егор.

Е г о р. Иди ты!..

Ю л я. Ну как вы там, мама?

П а в л о в н а. Хорошо, доча…

Ю л я. Слышу, с тобой рядом дед Егор…

П а в л о в н а. И дед Егор. А куда от него денешься? Без Егора будет горе… как он сам говорит.

Е г о р (Юльке). Она правду сказывает! (Павловне). Но тайн никаких, Павловна! Ша! *(Старается попасть в скайп).* Я, Юлька, еще такой дед, что могу не только ногой топнуть!.. Слышь, Юлька!

Ю л я. Чего, дед?

Е г о р. Я надысь в районе в больнице был…

О к р о ш к а. От брешет! От брешет!

Е г о р *(Окрошке).* Не зли меня, мне уже трупы прятать некуда! Да ладно, шучу я, шучу, есть ещё место.

О к р о ш к а. Чей-то он разошелся, Павловна?

П а в л о в н а. А мне откуда знать? Возьми и спроси.

Е г о р. Доктор, говорю, у меня после этого дела, которое сейчас сексом называется по научному, почему-то в ушах долго звенит…

П а в л о в н а. Бесстыдник старый! Отойди! Не развращай молодежь!

Е г о р. Погоди, она же, Юлька, не знает еще, что мне доктор ответил… какой диагноз поставил… Не толкайся, Окрошка! *(Громко).* Тихо-о!

Ю л я. Да, дед Егор. Я слушаю.

Е г о р. А доктор сказал отчего в ушах долго звенит… после секса:“Это бурные продолжительные аплодисменты”.

Суета. Егора оттаскивают от скайпа женщины.

Е г о р. Что, и пошутить нельзя? Одному Петросяну можно? А я для вас… а я для вас… во множественном, может быть, числе… Так и быть – сдаюсь, отступаю… Угомонились?

П е т р. Шкирдюки-шоу! Нормально. *(Поаплодировал).*

Ю л я. Ну вот, связь налажена. Сейчас мы с тобой, мама, можем общаться хоть каждый день.

П а в л о в н а. Хорошо, дочка. *(Петру).* Выключи, Петя… Завтрак стынет…

П ё т р. Запомнили, как пользоваться, мама?

П а в л о в н а. Да.

Е г о р. . Эх, найти бы мне своего Витька! А в морду кулаком по этой вот штуковине можно дать?

П е т р. Вот этого нельзя сделать.

Е г о р. А жаль. *(Петру).* Погоди выключать-то. Юлька, поди, не всё сказала? Вишь, губами шевелит…

Юля поёт песню для мамы. Все застыли в тех позах, как и стояли.

Е г о р. Иди ты!

О к р о ш к а. Тихо, Егор! Слушай вон!

Е г о р. Прямо концерт по заявкам. Под голым небом….

Ю л я *(когда кончилась песня).* Всем приятного дня!

Земляки захлопали в ладоши.

П е т р. Я вам всем помогу. Всем. Найду ваших сыновей, дочерей… Все для этого сейчас у всех имеется. Сведу. Вы только мне их адреса дайте, телефончики… Я всех их заставляю перед вами не только петь, но и плясать!

Е г о р. Твердо обещаешь?

П ё т р. Тверже не бывает.

Е г о р. Ну, тогда за стол!

О к р о ш к а. А чего это ты тут раскомандывался, Егор?

П а в л о в н а. И правда! Как хозяин все равно!

Е г о р. Прошу извинить. Был на полном энтузиазме. Переполнен, так сказать… в чувствах. Но! Всему свое время, Окрошка.

О к р о ш к а. Ой ли!

П а в л о в н а. Ну, тогда за стол и в самом деле. Присаживайтесь, не стесняйтесь. Пётр, Егор, Лизка – прошу!..

Е г о р. Эта Лизка сидит близко! Э-Эх!… *(Ущипнул Окрошку).*

О к р о ш к а. Вот потрапезничаем, тогда я сама тебя попрошу, Егор. А чего? Разденусь, и попрошу: ущипни меня за талию, ущипни меня за грудь… Ущипни, пока я голая… ущипни за что-нибудь…

Смех.

Е г о р. Видали? Вот и пошути с ней!.. Затронь!..

П ё т р. Точно, точно: Шкирдюки-шоу!

Пётр убрал со стола ноутбук. Все рассаживаются.

П а в л о в н а. Егор, наливай.

Е г о р. Благодарю за оказанное доверие. Премного благодарен. Вхожу в роль… в какую – понятно мне и еще кое-кому… *(Наполняет рюмки).*

П а в л о в н а. Ты о чем это, сосед?

О к р о ш к а. На чё, спрашивает Павловна, намекаешь?

Е г о р *(делает вид, что не слышит).* Гляди, Окрошка, не сразу тарахти, выпив рюмаху… Знаем тебя…

О к р о ш к а *(передразнивая Егора).* «Иди ты!..»

П а в л о в н а. Да ты, Егор, и без выпивки за словом в карман не полезешь.

О к р о ш к а. Вот-вот!.. Наговорил вон про секс…

Е г о р. Хоть поговоришь, и то приятно… Характер такой у меня… Вам ли не знать? Привыкайте… Я – весы по гороскопу… Анька сказала…Октябрьский… Бываю и такой и такой: разный. Как море – то штиль, то волны… И ничего с собой поделать не могу… Каков есть – таков имеется Егор, который лезет на бугор!..

О к р о ш к а. Не лей мимо рюмки.

Е г о р. Твоё тебе будет, не волнуйся, Лизка. Ну, всем наполнил?

П а в л о в н а. Всем, всем. Пётр за рулём.

Е г о р. А вдруг храпнет?

П ё т р. Нет-нет. А вы молодцы, весело живете.

П а в л о в н а. Нет того, что раньше было…

П ё т р. Это да… Всё течет, всё меняется…

Е г о р. У нас, Петро, так: после первой не будет кому говорить, а после третьей не будет кому слушать…Имей ввиду.

П ё т р *(поднял рюмку).* Ну, за что выпьем?

Пауза.

П ё т р. Может, кто тост хочет сказать?

О к р о ш к а. Егор, скажи ты.

П а в л о в н а. Да, Егор. Ты один у нас мужчина… в Шкирдюках наших…

Е г о р *(принял серьезный вид).* Растерялся как-то… Может, я сначала выпью, а потом и шандрахну тост ваш, а?

О к р о ш к а. Задом наперед лошадь не запрягают.

Пауза.

П а в л о в н а. Егор! Что это с тобой? Я давно таким тебя серьезным не видела…

П ё т р. Ну, ну, дед Егор. Смелее.

О к р о ш к а. Мы ждем.

Е г о р. Вчера в такое время примерно потянуло меня на наше кладбище… Все могилки обошел… С Полининой начал… Со всеми поздоровался… всех приветил… С кем в почете был – тому поклонился… Все наши Шкирдюки туда перебрались… Все… Памятники сейчас сыны да дочки ставят такие родителям своим,

что как живые люди на них… Как и не похоронены… Мишка Рыжий в кепке стоит, обормот, улыбается… а сам, поди, и не знает, что умер…

О к р о ш к а. Я на ночь не закрываю – а вдруг помру…

Е г о р. Наталья и Ховошка рядышком лежат… Как и жили по-соседски… Первой, кажись, Ховошка померла? Она, да. Правильно: всё хотела успеть сериал свой досмотреть… Бога молила: попридержи меня на этом свете, родимый, пока сериал не кончится…

О к р о ш к а. А когда смерть почуяла, просила Наталью – вот те крест, сама слышала – когда придешь, Наталья, говорила, если не успею досмотреть, то расскажешь, чем всё кончилось…

Е г о р. Вспомнил я на кладбище, как у Ховошки и холодильник утащили… Это ж так не повезло!..

О к р о ш к а. Кому?

Е г о р. Ворам нашим местным. Выставили из холодильника, когда Наталья и Ховошка как раз сериалом своим увлеклись, три банки с самогоном, трехлитровых, думали, компот… С какой хворобы, дескать, у Ховошки может быть самогон? А холодильник загнали за восемь километров от наших Шкирдюков всего за одну банку. Ну, не чудеса? Вот уж плевались тогда воры! Так просчитаться умудрились, антихресты!

П ё т р. Батька Махно, между прочим, застрелил начальника станции Жмеринка за длинный тост… У меня время поджимает… *(Показал на часы).*

Е г о р. Прошу поднять… За них, за земляков, с которыми косили и землю пахали, детей крестили, свадьбы правили… Да чего там – всяко было!.. За них!

Встали. Выпили. Сели. Молчат.

П а в л о в н а. Егор, наливай – не едят…

Егор наполняет рюмки.

П а в л о в н а. Можно мне тост?

О к р о ш к а. А почему же нельзя? Говори, Павловна.

Е г о р. Слушаем.

П а в л о в н а. Тост. Это когда я еще детишек учила, то в наш райцентр меня пригласили в жюри поучаствовать… в училище … А там был конкурс профтехмастерства… ребята поделки свои показывают членам жюри… а тут один паренек несет на подносе

горку красных раков… и все шевелятся… В жюри удивлены: как такое может быть? Чудеса да и только. Присуждают, понятное дело, первое место этому пареньку, спрашивают у него: как так, мол, ты смог, расскажи вот нам, членам жюри. А паренек спокойно отвечает: «А что тут такого? Я положил под низ одного живого рака, он сам шевелится и других шевелит. Так что давайте выпьем за нашего Егора – пусть он еще долго сам шевелится и нас, баб, шевелит… »

Е г о р. Иди ты!.. Дела, а!.. Но ничего – с двумя как-нибудь управлюсь.

Выпивают. Закусывают.

Е г о р. Я бы в городе не жил. Некультурные потому как люди там: тот раз, когда был в городе, никто со мной не поздоровался… Я “здрасте”, а они хоть бы хны… бегут, сломя голову…

П ё т р. Но мы-то живем.

Е г о р. Да ладно, чего уж! Где наше не пропадало! Павловна, заводь!..

Павловна включает магнитофон.

Егор вызывает её на круг. Окрошка ревниво отвернулась. Пётр стучит в ладоши в такт музыке. А потом, оценив обстановку, приглашает на танец Окрошку… Танцуя, Окрошка показала Павловне язык: видела, с кем танцую!

А когда танец кончится, Пётр кланяется сельчанам, уходит. Те провожают его грустными, задумчивыми взглядами.

Картина вторая

Егор один дома. Напялив очки на нос, сидит на табуретке и штопает носок.

Е г о р *(напевает).* «Несла Галя воду… коромысло гнётся… а за ней Иванка… как барвинок вьется…»

Стук в дверь.

Е г о р. Не заперто.

Входит Оля.

О л я. Здравствуйте, дедушка Егор!

Е г о р. О, Оля! Проходи, гостем будешь.

О л я. Я на работе. Некогда гостить. Вам программа ТВ. (Положила на стол газету).

Е г о р. Спасибо. И чтобы я делал, не знаю, если бы не было его, ТВ этого.

О л я. Да, скучно у вас, в Шкирдюках. Всего три человека.

Е г о р *(отложил носок в сторону, встал).* Иди ты!.. А я и не знал: думал, нас ого сколько!..

О л я. Ну, может я не так сказала?..

Е г о р. Все так, дивчина. *(Наливает ей в стакан, который перед этим аккуратно сполоснул, березовик).* Березовик. Попей. Больше угостить нечем.

О л я. Ой, что вы! А за березовик спасибо. *(Выпила).* Фу, резкий! Хороший березовик.

Е г о р. Ну, представь: а было бы нас не трое, а, скажем, сто?

О л я. Что тогда?

Е г о р. А я бы все равно топтался у двора Павловны… Куда мне уже ходить-то далеко? А тут – рядышком… И Окрошка плюс ко всему… А если нас трое, то это уже можно и сообразить…

О л я *(смеется).* Вы о чем это, дедушка? В каком смысле сообразить?

Е г о р. А в каком хошь. Хоть за столом, хоть на огороде, хоть где…Нас мало, но мы, как говорят, в тельняшках. Как там, во дворе?

О л я. Душно.

Е г о р. Поэтому и не выхожу, спрятался.

О л я. Вы старожил, дед Егор, наверное, у вас есть особые приметы, по которым вы определяете погоду?

Е г о р. Да.

О л я. А какие, если не секрет?

Е г о р. Если я с этого места вижу противоположный берег реки, значит, будет дождь.

О л я. А если не видите?

Е г о р. Значит, дождь уже идет.

О л я *(хихикнув).* Интересно. Ну, побежала я. Спасибо за квас еще раз.
Е г о р. Погоди бежать-то! Погоди!
О л я. А что?
Е г о р. Дело имеется.
О л я. Важное?
Е г о р. Нет слов какое важное…
О л я. Ну?
Е г о р. Помоги мне, красавица, письмишко состряпать? Не торопишься?
О л я. Нет. А кому?
Е г о р. Своим я никому не пишу – не отвечают как. *(Достает бумагу, ручку).*
О л я. А теперь мало пишут. Больше по телефону общаются. А у вас что, и телефона нет?
Е г о р. У Павловны есть. Бумага, ручка вот… конверт не обязательно…
О л я. Вы шутите? Как это без конверта? Вы что такое говорите?
Е г о р. Тут близко… рядышком…
О л я *(улыбается).* А, я всё поняла!
Е г о р. Коль поняла – молодец.
О л я. Дедушка, а зачем писать-то? Сходите и объяснитесь.
Е г о р. Закинь, закинь письмо. На словах – духу не хватает…
О л я. Ну, ладно… Что писать? Диктуйте.
Е г о р. А так я буду в свое окошко наблюдать, как ты ей письмо передаешь, и сразу увижу, как отреагирует… Если начнет кулаками махать…
О л я. Павловна-то?
Е г о р…значит, осади назад… Павловна, Павловна…А если улыбнется и письмо мое прижмет к сердцу – тогда смело иди, Егор, в сваты…
О л я *(смеется).* Никогда я ещё таких писем не разносила – чтобы и без конверта, и без марки… Нет, я пожертвую, так и быть, свой конверт… Ну, что писать будем, дед Егор?
Е г о р. Погоди, погоди. Дай собраться с духом.
О л я. Жду.
Е г о р *(снял со стены портрет жены, протер рукавом, повесил на прежнее место).* Она поймет меня…
О л я. А кто это?
Е г о р. Полина… Полюшка…Она поймёт меня… Десять лет минуло, как ушла…
О л я. А вы в молодости красивым были, видать?
Е г о р. В зеркало некогда было смотреться.

О л я. Скромничаете. По вашим глазам вижу. Девушки влюблялись, поди?

Е г о р. Не все.

О л я *(удивленно).* Не все?!

Е г о р. Не все. Может, хоть сейчас не откажет…

О л я. Так что, вам Павловна тогда отказала? Не может быть!

Е г о р. Может, все может. Хотя я больше сам виноват… когда она на учительницу поступила, я и посторонился… Кто я? Кто она? А вот Лизка сама липла, а не для моей души…

О л я. Да про вас же роман можно написать, дед Егор!

Е г о р. Иди ты!..

О л я. Правда. Живой материал под ногами.

Е г о р. А кто напишет? Письмо и то состряпать не знаем как…

О л я. Хотя да…

Е г о р. Знаешь что, девка: а не будем писать ничего. Не будем.

О л я. Раздумали?

Е г о р. Раздумал. Может, лучше возьмем и вдвоем заявимся? Давай, а? Нежданно-негаданно. Возьмем внезапно. Поставим Павловну перед фактом. Припрём к стенке. А то одному как-то боязно… поджилки сразу задрожат, чувствую… пальцы задребезжат…

О л я. Ну, не знаю… Я в принципе готова… Мне-то ничего не будет, если что…

Е г о р. А мне как раз подпорка нужна…. Моральная поддержка, так сказать. А то Павловна за нос водит… и да и нет.. Вопрос ребром – ответ тем же способом!..Веришь или нет, я к зубному врачу никогда без своей Полины не ходил? А сидит она где-то в коридоре, под дверью, и я смелее держусь в том поганом кресле, и бормашины не так боюсь. Мужику всегда женщина нужна… В любом случае… Без них, баб-то, захиреть можно…

О л я. Так идём?

Е г о р. Пропади оно пропадом – идём!.. Погоди меня во дворе – я приоденусь маленько… Дело ведь не копеечное, серьёзное…

О л я. Хорошо. Жду во дворе, дед-жених!

Оля дожидается Егора на улице. Появляется Егор. Он в пиджаке, на котором много разных наград – трудовых, конечно, а так же солдатские знаки доблести. Под мышкой старик держит папку, в руке –хозяйственную сумку.

О л я. Поторапливаться надо, дед Егор.

Е г о р. Пошли, пошли. *(Вдруг).* Погоди-ка. Кажется…

О л я. Что вам кажется?

Е г о р. Расчёску, поди, забыл?

О л я. Ой! Зачем она вам? Один кустик на голове волос тех!.. *(Пригладила волосы Егору).* Порядок. Кавалер еще тот! Первой свежести!

Е г о р *(опять замешкался).* Может, это…

О л я. Что на этот раз?

Е г о р. Может, говорю, цветов нарвать? В палисаде?

О л я. Ой, как маленький! Прямо не знаю!

Е г о р. А как без них, цветов-то? Представительнее будет.

О л я. В первый класс, что ли, идешь?

Е г о р. Получается… что так…

О л я. Да у тебя, дед Егор, ноги дрожат.

Е г о р. Да?

О л я. Дрожат, дрожат – коленки особенно.

Е г о р. А я не заметил.

О л я. Видно же. Может и за угол сразу сходишь, чтобы перед Павловной не опозориться?

Е г о р. Неплохо бы…

О л я *(решительно схватила Егора под руку и потянула за собой).* Еще не было такого, чтобы я когда-нибудь почту не доставила адресату!!!

Е г о р. Ну, девка! Ну, огонь! Твоя взяла. Делай, как видишь.

О л я. Пусть снег, пусть дождь, а я при исполнении!.. Расчёска вам померещилась… цветы…Велика роскошь в наше время!..

Картина третья

Дворик Павловны. Появляются Егор и Оля.

Е г о р *(выглядывает Павловну).* Ку-ку. Не видать что-то.

О л я *(зовет).* Наталья Павловна!

Е г о р. Чует, небось, что дело неладное, потому и спряталась.

Г о л о с П а в л о в н ы. Иду, иду.

Е г о р *(храбрится, но тихо – больше Оле).* А куда ты денешься?!

Появляется Павловна.

О л я. Я вам тут письмо принесла….

П а в л о в н а *(удивленно).* Письмо?

О л я. Да.

П а в л о в н а. Давай, где оно? Давно не получала писем. Да вы не стойте в пороге-то, проходите, проходите. Я в огороде была, траву рвала.

О л я. Вернее, привела…письмо.

П а в л о в н а. Письмо… и привела? Как это? С каких пор письма ходят?

О л я. С недавних… При том как есть – живое…

П а в л о в н а *(притворно удивляется).* А это кто?

Егор отворачивается, ворчит что-то невнятное.

О л я. Да это ж дед Егор!

П а в л о в н а. Ой, и правда! Как это я сразу не признала тебя, сосед?

Е г о р. Богатым буду.

П а в л о в н а. А наград!

Е г о р *(гордо, но стесняясь).* Имеются… не отсиживался…

П а в л о в н а. Ну, и по какому же случаю ты так нарядился, Егор?

Е г о р *(толкает Олю).* Оль, скажи… давай, давай. Вперед!

О л я. Дедушка! У вас что, языка нету?

Е г о р *(показал язык).* Язык-то есть, имеется… А? При мне язык… Всамделе… что это я сдрейфил… и тогда, в молодости, боялся, и сейчас… получается, проглотил его, язык-то… Присесть… это… можно, Павловна?

П а в л о в н а. Вы что, табуреток не видите? Да и разве ж я не приглашала?

О л я. Приглашали, приглашали.

Е г о р. Голова пошла кругом – ничего не помню. Дождь будет. Гроза… Молнии сверкать, чувствую, скоро начнут и всё в таком же духе… Вот бутылка моего виноградного… *(Поставил на стол).* А это, Павловна, удостоверения к наградам… не из твоих подсолнухов заявился… честно заработал… тут же, в папке, пятнадцать грамот и благодарственных писем за картошку и лён… за коноплю тоже…

П а в л о в н а *(вздохнув).* Когда-то и лён выращивали… и коноплю…

О л я. Ну, я пойду, может? Вижу, дед Егор, всё идет хорошо…

П а в л о в н а. Что идет?

Е г о р. Процесс.

О л я. В жизни каждого человека… неважно, стар он или млад… наступает такой период в жизни, когда ему нужно произнесли

самые важные, самые главные, самые заветные слова другому человеку…

Е г о р *(озорно).* Где ты раньше была, Оля? Лет пятьдесят назад!..

О л я. Такой период наступил для дедушки Егора, дорогая и уважаемая Наталья Павловна, сегодня…

П а в л о в н а. Мне… мне что-то нездоровится… *(Схватилась за сердце).*

О л я. Воды, воды!

Е г о р *(суетится).* А потом скажут: не дожила и до свадьбы…не дотянула каких-то там несколько секунд…. *(Принес кружку с водой, передал Оле).* Пои, пои ее. Спасай.

О л я *(поит Павловну).* Все будет хорошо. Вам уже легче, Павловна?

Е г о р. Да, как?

П а в л о в н а. Уже легче… А что это ты мне, Егор, сказать хотел?

О л я. Дед! К вам обращаются!

Е г о р. Иди ты!.. *(Перекрестился).* Нашел – не радуйся, потерял – не плачь. Будь что будет.

П а в л о в н а *(больным голосом).* Говори скорее, а то вдруг умру и не услышу…

Е г о р. Выходи за меня замуж, Павловна.

П а в л о в н а. Я… я согласна…

Е г о р. Иди ты!.. Она согласная-я-я!..

О л я. Сегодня я принесла в этот дом самое главное письмо в своей жизни! Ну, мне пора! Поздравляю вас, дед Егор и Наталья Павловна!

П а в л о в н а. Но мы ведь еще не расписались. Погоди поздравлять-то!..

О л я. А кто сейчас расписывается? Молодые и те вон!..

Е г о р. Правильно. Будем и мы жить в гражданском браке. Главное зафиксироваться…точку нащупать, с которой будем вести отсчёт… Откуда, интересно, такое пошло – гражданский брак? От гражданской войны, что ли?.. Когда переходить, Павловна? Или ты ко мне? Хотя нет: у тебя теперь центр, тут скальпель этот установлен… будем связь держать со всем миром…

Оля незаметно уходит.

П а в л о в н а. Ел что?

Е г о р. Этот вопрос мне нравится! Хотя и ел, но не скажу: все равно хочу пошевелить челюстями вместе с тобой.

П а в л о в н а. Сейчас я.

Е г о р. Пожалуйте.

П а в л о в н а. Разговаривай со мной, я всё слышу… *(Скрывается в кухне).*

Е г о р. Это когда Витька мой малым был, взял я его с собой в лес как-то… Думаю, сальце пожарим на прутиках … вкусно же… Купил ему, сорванцу, «ситро» в магазине…как раз по дороге… тогда у нас еще магазин был… а себе дай, думаю, бутылочку вина прихвачу… под сальце-то… да на природе – красота!.. Приходим домой, с грибами, ясное дело, а он, сорванец такой, и говорит-то Полине: папа купил мне «ситро», а что он пил, я тебе не скажу… Ну не поганец ли малый?..

Картина четвертая

Улица. Окрошка катит бидон с водой. Кряхтит и сопит. Бидон то и дело своей тяжестью норовит вырвать у бабки ручку тачки.

О к р о ш к а. Стоять! Не падать! Стоять!..

Появляется Егор. Он возвращается от Павловны, поэтому в том же нарядном пиджаке.

Е г о р. Ты кому это приказы отдаешь, Лизка? «Стоять!», «Не падать»!

О к р о ш к а. А взял бы да помог!..

Е г о р. А когда Егор не помогал?

О к р о ш к а. Хотя правда – когда ты не помогал… Но!

Е г о р. Что «но»?

О к р о ш к а. В последнее время, обратила внимание, помогаешь ты с заметным перекосом, сосед.

Е г о р. Это как?

О к р о ш к а. Больше в том доме, что по леву руку…

Е г о р. Так мужика всегда налево тянет.

О к р о ш к а. Ой!Ой! И прифрантился, гляньте вы на него! О-ё-ё-ёй!.. Никак в сваты ходил?

Е г о р. Было дело…

О к р о ш к а *(ревниво).* Без твоей помощи обойдемся как-нибудь!.. (Скрылась вместе с бидоном ускоренным шагом).

Е г о р (тяжело вздохнув, сочувственно). Эх, Лизка, Лизка!..

Картина пятая

Двор Павловны. Павловна сидит за столом и перебирает пшено.

П а в л о в н а *(напевает).* «Ромашки спрятались, завяли лютики, вода холодная в глазах рябит… Зачем вы девушки красивых любите… одни страдания от той любви…»

Заходит Окрошка. Молча садится напротив Павловны, которая продолжает петь.

О к р о ш к а. Поёшь?

П а в л о в н а. Ага, пою… *(Какое-то время поёт и разговаривает).*

О к р о ш к а. Завидую тебе, Наталья…

П а в л о в н а. Я знаю…

О к р о ш к а. Бесстыжая! *(Собралась уходить, но передумала).* А меня что, одну оставляете? Саму с собой?

П а в л о в н а. Да это ж всё не серьезно… почти игра, Лизка.

О к р о ш к а. Доиграетесь, что меня и на порог не пустите.

П а в л о в н а. Да будем жить, как жили. Маленькой коммуной.

О к р о ш к а. «Коммуной». А чего ж тогда он при орденах и медалях мою хату обошёл? Почему? У тебя отметился, у меня – нет.

П а в л о в н а. Не знаю… У него спроси…

О к р о ш к а. Значит, уже поровну не получается, а что дальше будет – поди гадай.

П а в л о в н а. Ну и что ты посоветуешь?

О к р о ш к а. С меня плохой советчик. Это ты выученная…

П а в л о в н а. А что ж я должна была сказать Егору? Уходи – да?

О к р о ш к а. Может и так… в лоб: уходи!..

П а в л о в н а. Он же свой нам.

О к р о ш к а *(в движении).* Это я… Это я, дурр-р-ра старая…

П а в л о в н а. Что – «ты»?

О к р о ш к а. Всю жизнь мечтала ему стирать рубахи, которые его потом пахнут… готовить ему вкусную еду… А всё это сейчас будешь делать ему ты. Ты! Одна!

П а в л о в н а. А давай вдвоем? Раньше мы как-то Егора и совсем почти как не замечали… по этой линии…

О к р о ш к а. Ты про себя говори!

П а в л о в н а. А сейчас, когда постарели, да и своих мужей схоронили, а дети наши потеряли деревню из виду и нас в ней, тогда вот и про Егора вспомнили… Да, это так, Лизка: нам без

Егора будет горе… Все ж он крепкий дед еще… а в деревне без мужика как обойтись?

О к р о ш к а. Выпить нальешь?

П а в л о в н а *(наполнила рюмку и подала Окрошке).* Закусить дать?

О к р о ш к а. После третьей… Вчера в газете вычитала: сейчас люди пьют больше, чем в советское время. Конечно, больше… Вот брата моего возьми, Стёпку, который в Прудке живет… Раньше, как раз в советское время, он пил один, а сейчас у него и два сына … *(Выпила и молча ушла).*

П а в л о в н а. Ты куда это, Лизка? *(Засуетилась).* Она что, с ума сошла? Еще, чего доброго, руки на себя наложит… А ведь я виновата, я!.. Зачем Егора делить-то надо было? Зачем? Лизка-а-а-а!.. *(Выбегает).*

Конец первого действия

Д е й с т в и е в т о р о е

Картина шестая

Появляется Егор с мешком на плечах. Прибегает Павловна.

П а в л о в н а *(зло).* А она, кляча старая, на завалинке сидит!..

Е г о р. Ты о ком это?

П а в л о в н а. Ну о ком же еще, если нас всего трое в Шкирдюках?

Е г о р. Понимаю и сочувствую… Куда все это бросить? Понемножку начинаю переезжать. Барахлишко.

П а в л о в н а. Прям не знаю… *(Отвернулась, хнычет).* Соблазнил ты меня, Егор…

Е г о р. Когда-то же надо было.

П а в л о в н а. Перед Лизкой стыд и позор. Жили-жили как нормальные люди, как хорошие соседи, и вдруг приспичило нам… А?

Е г о р *(выкладывает из мешка вещи на стол).* Рубаха…В Журавичах покупал…Себе ко дню рождения… Портки… Сколько в них я похаживал – сам Бог знает… А это, слышь, галифе… Когда-то щеголял… Модно было…Они мне в наследство от фининспектора Жилки остались… Жилка в Ленинграде, или как он сейчас там называется, помер давно, конечно, а галифе сохранилось…

Аккуратно носил… Не баловал себя…Обувка… Сапоги… Из армии пришел в кирзачах… По пескам лазил в Туркмении в них…песка набьется, вытряхну, и дальше, и вперед… А это сандалеты… а это ботинки… И вся обувка… на большее не заработал за свою жизнь… А вот почему, скажи, артистам, которые в кине снимаются, дают одежду государственную, а нам, колхозникам, – в своём топай на работу, своё рви… Несправедливо… Нет, неправильно… Шляпа… *(Надел).* Как я в шляпе, Павловна? Идет? Ажур?

П а в л о в н а *(с надрывом).* Егор! Я места себе не нахожу, а ты мне про шляпу!..

Е г о р *(спокойно).* А вот и галстук… Не помню, пользовался им когда или нет…

П а в л о в н а. Как же: а на паспорте ты в чём?

Е г о р. А ты откуда знаешь?

П а в л о в н а. Видела, небось…

Е г о р. Ну вот и порядок. Ничего, ничего… А Лизка придет в себя и еще нам окрошку городскую состряпает… Только я – чур! – ни на зуб… Как тогда жив остался – не пойму… Всё было против меня…Из-за угла двое суток не выходил…

П а в л о в н а. Поди на стороне что-то не то съел, на бедную Лизку переложил.

Е г о р. Кабы!.. Вот и все мое состояние, не считая сковородки и зимней шапки с фуфайкой… Так что, принимаешь?

Пауза.

П а в л о в н а. Нет, Егор, не принимаю. Живи один.

Е г о р *(остолбенел).* Я шучу, но я серьёзно…

П а в л о в н а. Серьёзней не бывает.

Е г о р. А чё ж раньше обещала?

П а в л о в н а. Прости. Лизку жалко. Загнётся она одна… Я же знаю, что всю жизнь любила она тебя. И сейчас любит.

Е г о р. А я – тебя, ну так чё теперь!.. Ну где она тут, эта середина, эта ось, мать ее так!.. И зачем я пёр всё это сюда, спрашивается!?..*(Заталкивает назад вещи в мешок, а шляпу насадил на кол).* Пусть память останется на века от Егора-чудака!..

П а в л о в н а. А ты не уходи, не надо уходить.

Е г о р. Как понимать?

П а в л о в н а. Будем жить, как и жили…

Е г о р. Егор любит определенность. Ясно, Наталья Павловна! Не могу я сразу на вас двоих жениться, не могу!..

П а в л о в н а. А и не женись, не надо!

Е г о р. А если Егору приспичило?

П а в л о в н а. Как это?

Е г о р. Но я не бабник какой-нибудь распущенный. Всё должно быть по закону, чинно-благородно. Или хотя бы по преданности и верности…

П а в л о в н а. Прости, спросить хочу…

Е г о р. Спрашивай. Весь внимание.

П а в л о в н а. Так это я тебе что, ещё как женщина нужна буду?..

Е г о р. Обязательно! Непременно! А зачем мне мужик? Мужик – я сам!

П а в л о в н а. И вместе спать будем?

Е г о р *(уверенно).* О чём и речь!

П а в л о в н а. И не стыдно тебе, Егор?

Е г о р. Пусть будет стыдно тем, кто в мои годы боится женщин, как огня!

П а в л о в н а *(испуганно).* Тише ты!.. А то Лизка услышит…Тише!..

Е г о р *(вытряхнул вещи из мешка на стол).* Перебирай!… *(Сорвал с кола шляпу, тоже бросил на стол).* Никуда я не пойду больше от тебя!

П а в л о в н а. И я то так, то этак… Растерялась как-то… Все равно как плаваю… И к тебе льну, и от тебя…

Е г о р. Льнёшь, говоришь? Тогда разреши и мне прильнуть тебя?.. *(Прильнул Павловну к себе, гладит ее волосы).*

П а в л о в н а. Лизка… Лизка… Лизка, прости меня… Прости… Я, кажется, сошла с ума…

Е г о р. Лучше быть наглым вечером, чем идиотом – утром. (*Подхватил Павловну под руку и потащил в дом).*

Картина седьмая

В избе Егора. На стене висит коса. Егор собирает последние вещи, которые хочет перенести к Павловне.

Е г о р *(взял сковородку).* Да что у неё сковороды нету разве? И побольше у неё видал. И поновее. Вот шапку это другое дело… Шапку взять надо. Скоро осень, а там – зима… Фуфайка совсем обносилась… Пусть остаётся тут… Выкрою время, выберусь к Аньке в город, там на базаре чего только нету… С пенсии как-нибудь съезжу… Недалеко ведь… Чего тут езды той: за лесом, за горой, за полем – и город…

Стук в дверь.

Е г о р. Опять Олька разве?.. Так программу ТВ принесла…Не заперто, говорю же!.. Входи, кто там…

Стук повторяется.

Е г о р. Что, может Окрошка белены объелась? Ты, Лизка? Лизка, мать твою!.. Не стой, говорю, под дверью, не играй в кошки-мышки!.. Не те годы, понимашь!.. Ну, кому сказано?!.. Или туда, или сюда!.. Выбор невелик*…(Пошел отворять дверь).*

А н ь к а *(ворвавшись, бросилась на шею отцу, радостно).* Папа-а-а!.. Папулечка-а-а!..

Е г о р *(ворчливо, отбиваясь).* Чёрта вспомнишь, он тут как тут.

А н ь к а. Папулечка мой!.. Я приехала!.. Прости, что долго ждал меня…

Е г о р. Погоди ты! Задушись!

А н ь к а. Как я тебя люблю, папочка! Если бы ты только знал!

Е г о р. Так пенсия еще далеко…

А н ь к а. Какая пенсия?! Ты о чём, батя?!

Е г о р. Хотя ты с меня мало требуешь… врать не буду…

А н ь к а. Здравствуй, папа! А ты все такой же гордый и красивый!

Е г о р. Анька, тебе ж тридцать годков, а ты всё такая шебушная – ну прям ребенок.

А н ь к а *(игриво).* А кто в этом виноват? Чья кровь во мне бурлит, а, папуля?

Е г о р. Иди ты!..

А н ь к а. Признал, признал!.. Кто-то бы прятался в кусты, а ты молодец! Ну, где тут у тебя что вкусненькое? *(Ищет, чем полакомится).*

Е г о р. Ну вся мать, а. Та, бывало, когда с лугов вернешься через неделю какую и то затоскует… и сразу на шею… и давай меня целовать-обнимать… В молодости, конечно же…

А н ь к а. Ну а в кого же я должна быть! В папу-маму.

Е г о р. Лучше скажи, откуда ты взялась?

А н ь к а. А вот и взялась! А вот и появилась!..

Е г о р. Проездом или как?

А н ь к а. Шальным ветром занесло, папуля.

Е г о р. Во как!..

А н ь к а. Представь себе. Подхватил меня ветер и понёс, и понёс по городам и весям, пока не опустил в наших Шкирдюках. Опа! Мяккая посадка! Извини, я налегке.

Е г о р. Отчего же так?

А н ь к а. Глянь в окно.

Е г о р (подошел к окну, смотрит на улицу). Иди ты!..

А н ь к а. А ты как думал! Чем мы хуже других?

Е г о р. А не слыхал даже, как подкатила. Как кошка подкралась.

А н ь к а. Машина – супер, батя!.. Она ж не трактор… гусеничный…Так что собирайся.

Е г о р. Куда?

А н ь к а. В город.

Е г о р. Зачем?

А н ь к а. Что, не догадываешься? За тобой приехала. Будешь внучку няньчить, Веронику. Ну!

Е г о р. Так это… а кто ж их будет няньчить?..

А н ь к а. Кого – их?

Е г о р. Девок моих… Павловну и Лизку Окрошку…

Анька зашлась от смеха.

Е г о р. Чего в город-то? Ты дело говори.

А н ь к а. Я же и говорю: будешь внучку няньчить. Сказки ей рассказывать.

Е г о р. Сказки?

А н ь к а. Да, сказки.

Е г о р. А сами чего ж?..

А н ь к а. Ну, как тебе объяснить, что бы ты все понял… У меня бывает работа и в вечернее время… малую же одну не оставишь…

Е г о р. А муж, Леонид, говорил мне тот раз, в первую смену работает. Постоянно.

Пауза.

А н ь к а *(зло)*. Нету его больше, нету!

Е г о р. Понятно… Вот и мать твоя, Полина, такой была: одновременно и ласковой и строптивой.

А н ь к а. Ну так что?

Е г о р. Эх, Анька, Анька, пулемётчица ты моя синеглазая!.. Вот была бы помоложе, нарвал бы я крапивы… да так отхлестал бы – на всю жизнь!.. Такого мужа лишилась…

А н ь к а. Это сугубо наши личные дела.

Е г о р. «Сугубо»… А папка поезжай сказки рассказывай…

А н ь к а. Он изменяет мне, если знать хочешь!.. За каждой юбкой бегает.

Е г о р. Мой шарик тоже за каждой машиной бегает… Но это еще не значит, что он ее догоняет и садится за руль…

А н ь к а. Пап, успокойся ты, не нервничай.

Е г о р. Ну, поеду я к тебе в город, стану сказочником, а ты на следующий день нового Леонида приведешь – а меня куда?

А н ь к а. Да хватит места. У нас же две комнаты.

Е г о р *(хмыкнув).* Как же – хоромы!..

А н ь к а. В тесноте не в обиде.

Е г о р. Да и погоди ты, погоди. Не забегай вперед, не держи аллюр. А за то время, что я буду в городе, тут, в Шкирдюках, хата моя развалится, колодец грязью заплывёт… стоит не пожить всего ничего… и прощай, хата!.. Ну, что молчишь?

А н ь к а. Уезжают же отцы и матери других и ничего – живут.

Е г о р. Они живут, а гнездо помирает… прахом идет… ветер по полям разносит…

А н ь к а. Ты что, пап, собрался сто лет жить?

Е г о р. Сколько отведено мне, столько и продержусь…

А н ь к а. Прости, не подумала, сказала…

Е г о р. Слово улетело – и ладно. Не вернешь. Не поеду я, Аня. И не упрашивай. Решай свои дела сама. Сама, как говорят, кашку состряпала, сама и кушай. Да и не привыкну я к городской жизни!.. Тем более, что назревают в моей жизни перемены… Да! А сколько же лет Веронике, что она без сказок не может? Она же, поди, взрослая девка?

А н ь к а *(не может вспомнить).* Много…

Е г о р. В семье, где женщина давит на газ, а мужчина – на тормоз, сцеплением могут стать только дети. Понимаю, понимаю…

А н ь к а. Понимай как хочешь.

Е г о р. Я, доченька, когда один остался, и через алкоголизм прошел, но вовремя остепенился, пришел в себя… Взял себя в руки. Выпиваю. Не без того. Но меру знаю. Научила жизнь знать меру…

А н ь к а (замечает косу). А косу зачем в комнате держишь?

Е г о р. Эту, что ль?

А н ь к а. Ну да. А какую ж еще?

Е г о р. Так это не моя.

А н ь к а. Понятно. Женщин обслуживаешь?

Е г о р. Да нет. Тут другая ситуация… Как-то… ночью… или под утро уже… смерть ко мне явилась с косой… Собирайся, говорит, хватит небо коптить… Ну я и врезал ей тогда так, что она и косу забыла… чертовка!..

А н ь к а. Что, серьезно?

Е г о р. Как видишь – жив… Курить совсем бросил. Раз и навсегда. Как отрезал.

А н ь к а. Вот что курить бросил – молодец, папа! *(Достала сигарету, зажигалку; хочет закурить, но не решается).*

Е г о р. Так возьми с меня пример. За ним далеко ходить не надо.

А н ь к а. Ладно, подумаю… Но ты не беспокойся: я не буду воздух портить в комнате – выйду на улицу. Там, думаю, мне Бог простит…*(Намеривается выйти).*

Е г о р. Бог, говоришь, простит?

А н ь к а. Бог. Бог… Если он есть.

Е г о р. Как-то мне сон приснился… вроде бы сплю и не сплю… как живой сон… Как будто пришел к Павловне, она меня за стол усадила… Графинчик поставила с водкой…налила мне рюмку… А я долго до этого не пил… И думаю себе: а что будет, если одну рюмку выпью? Бог, думаю, простит… Выпил и потерял сознание… и вижу, будто бы душа моя от тела отделилась и летает сама собой… А тело лежит такое тяжелое, как тонну весит… И когда моя душа прилетела к Богу, Бог положил душу на ладонь и говорит: вот видишь, Егор, сколько душа твоя места занимает, а всё остальное оболочка… Он и еще что-то говорил… когда проснулся – не вспомнил… Но только я понял одно: он, Бог, мог сделать со мной всё, что угодно… что захотел бы…

Картина восьмая

Двор Павловны. Она перебирает полевые цветы, ставит букет в вазон.

Появляется Окрошка.

О к р о ш к а. Новость в наших Шкирюках! Не слыхала?

П а в л о в н а. Что ещё за новость?

О к р о ш к а. А догадайся!

П а в л о в н а. УЗИ показало: будет свадьба? Да?

О к р о ш к а (плюхнулась на табуретку). Да ну тебя! Без Егора остаёмся.

П а в л о в н а. Как?

О к р о ш к а. А вот так. Всему когда-нибудь приходит конец…

П а в л о в н а. Не похоже, чтобы помер…

О к р о ш к а. Для нас – и умер. В город уматывает.

П а в л о в н а. Насовсем?

О к р о ш к а. А то как же!

П а в л о в н а. Не говорил… Не собирался вроде бы…

О к р о ш к а. Это в цирк можно поехать и вернуться, а он насовсем.

П а в л о в н а. Не дури, Лизка.

О к р о ш к а. Да выдь глянь, машина перед носом у тебя стоит, а ты и не видишь…и не слышишь…

П а в л о в н а *(подошла к калитке, высматривает).* Ой, и правда стоит машина. Вижу. У Егоровой калитки. Кто это к нему?

О к р о ш к а. Кто-кто! Анька!

П а в л о в н а. Анька?!

О к р о ш к а. Стоит и курит. А я иду мимо. За батей, говорит, приехала. Как машина, тёть Лиза, спрашивает? Крутая, сказать нечего. И как заработала? Где?

П а в л о в н а. Ну и пусть уезжает Егор. Может ему там, в городе, и лучше будет?

О к р о ш к а. У Аньки-то?

П а в л о в н а. Раз она прикатила, то у нее – у кого ж?

О к р о ш к а. Чует мое сердце, что там Егор долго не протянет. От скуки умрет.

П а в л о в н а. А он вещи свои принес кой-какие… В мешке вон стоят…

О к р о ш к а. Дак у него что, всего и вещей-то мешок?

П а в л о в н а. Есть и второй…

О к р о ш к а. А второй кому понесет?

П а в л о в н а. Теперь, видать, никому… *(Взяла мешок, поставила поближе к дверям).*

О к р о ш к а. А знаешь, Наталья… а я и рада, что он уезжает… И ни тебе, и ни мне… По справедливости… Чтобы никому не было обидно…

П а в л о в н а *(нервно).* А что, скажи, Егор тебе должен был, Лизка? Что?

О к р о ш к а. А тебе?

П а в л о в н а. Он сам волен выбирать… Взрослый… Не ребенок… К нему, между прочим, никто на шею не вешался…

О к р о ш к а. Нальешь сто грамм?

Павловна молча налила Окрошке. Та выпила.

О к р о ш к а. Не взяло…

Павловна налила еще стопку.

О к р о ш к а. Взяло!

П а в л о в н а. Ну и что теперь?

О к р о ш к а. А теперь мне петь хочется. *(Поёт, ей помогает Павловна.).*

За печкою поёт сверчок,
Не плачь, угомонись, сынок,
Глянь, за окном морозная,
Светлая ночка звёздная,
Светлая ночка звёздная,
Светлая ночка звёздная.
Что ж, коли нету хлебушка,
Глянь-ка на чисто небушко,
На небе светят звёздочки,
Месяц плывёт на лодочке,
Месяц плывёт на лодочке,
Месяц плывёт на лодочке.
Ты спи, а я спою тебе,
Как хорошо там на небе,
Как нас с тобою серый кот
В санках на небо увезёт,
В санках на небо увезёт,
В санках на небо увезёт.
Будут на небе радости,
Будут орехи-сладости,
Будут сапожки новые
И пряники медовые,
И пряники медовые,
И пряники медовые.
Ну отдохни хоть капельку,
Дам золотую сабельку,
Только усни скорей, сынок,
Неугомонный мой сверчок,
Неугомонный мой сверчок,
Неугомонный мой сверчок.

О к р о ш к а. Укатил не попрощавшись Егор…

П а в л о в н а. Укатил…

О к р о ш к а. Туда ему и дорога!

П а в л о в н а. И шляпу забыл взять… Как же он там в городе-то без шляпы будет?

Поют дальше.

Появляется Егор с косой на плече. Старухи бросаются к нему.

О к р о ш к а. Не уехал?

П а в л о в н а. Или вернуться уже успел?

Е г о р. У Лизки это… в саду… под вишнями… всё выкосил, завтра у себя выкошу…

П а в л о в н а. Это у кого – у себя? Там или тут?

Е г о р. Как хочешь, так и понимай. Разница невелика. А скоси Лизке в последнюю очередь – всё, скандал!

О к р о ш к а. Еще какой скандал закатила бы – так и знайте!

П а в л о в н а. Ты можешь. В Москве вон и то отличилась.

Е г о р. Это когда?

О к р о ш к а. У-у-у! И сама забыла. Давно, давно было.

Е г о р. А, это когда в трусах в мавзолей к Ленину на свидание ходила?

О к р о ш к а. А чего ж они, милиционеры, не знают разве, кто такая Окрошка? Вздумали меня в мавзолей не пустить. Сколько стояла в очереди – и не пустить? Это когда меня, как передовую доярку, в делегацию от района включили на поездку в Москву… А бабы же заказов надавали, тогда у нас в Шкирдюках не две бабы было – много, ой много. Привези нам, Лизка, трусов. У нас же тут нигде ничего не достать. Десять пар аж купила. А милиционер перед самым входом в мавзолей и не пускает: сдавай, женщина, свое имущество в камеру хранения. Где я тут ее, ту камеру, искать буду? Хотя, признаюсь вам, мы и проходили мимо той камеры… а я решила сэкономить пятнадцать копеек. Ну не дура была, а?! Тогда что я предпринимаю: «Окружайте меня, бабы!» Обступили, значит, меня они, бабы-то, да и некоторые мужики наши тоже, я все трусы на себя надела, так мячиком и вкатилась в тот мавзолей.

Е г о р. А милиционер что же?

О к р о ш к а. А что милиционер? Засмеялся да и отвернулся.

Поёт мобильник.

П а в л о в н а *(по мобильнику).* Да, я! Слышу, слышу. Ой, а смогу ли я? Не знаю, не знаю, доча. А чего ж ты раньше не залазила в свой скайп? А, на море ездила…На семь дней… Понятно… Это если бы каждый день его включал – запомнилось бы, а когда через пятое на десятое… Хорошо, что Егор тут рядом… и Лизка. *(Егору и Окрошке).* Юлька! Сейчас говорить с ней будем. А как включать этот…

Е г о р. Скальпель?

П а в л о в н а. Ну да – скайп… Забыла как и где что нажимать… Нужна помощь.

О к р о ш к а. А ну-ка!

Е г о р. Не так шибко, Окрошка. Погоди.

П а в л о в н а. Что и как тут подключать, Егор? (Колдует у ноутбука).

Е г о р. Хоть это и не по моей части, давай попробуем.

О к р о ш к а. Сюда, сюда тыкай.

П а в л о в н а. Не мешай, Лизка. Егор знает, куда…

Е г о р. Где бумажка?

П а в л о в н а. Какая?

Е г о р. Ну та, что зять оставил. Петька.

П а в л о в н а *(всполошившись).* Кажется, перед телевизором. Сейчас, сейчас я. *(Выбегает).*

Пауза.

Е г о р. Вот так-то, Лиза.

О к р о ш к а. Вот так-то, Егор.

Пауза.

Е г о р. Вот так-то, Лиза.

О к р о ш к а. Вот так-то, Егор.

Пауза.

Е г о р. Просклоняй «я иду по ковру».

О к р о ш к а. Как это?!

Е г о р. Я иду по ковру, ты идешь по ковру, мы идём пока врём…

О к р о ш к а. Ой! Вы только гляньте на него! Грамотным стал. От Павловны, поди, набрался? Как же – учителка!..

Пауза.

Е г о р. Что сегодня ела?

О к р о ш к а. То, что и ты…

Е г о р. А, а я думал окрошку…

О к р о ш к а. Ну и подлец же ты, Егор! Сволочь! *(Смеется и награждает его тумаками).*

Появляется Оля.

О л я. Здравствуйте, дед Егор!

Е г о р. Низкий поклон, Оля.

О л я. Программа ТВ торчит в заборе. Увидите.

Е г о р. Спасибо, найдём и обезвредим.

О л я. Здравствуйте, бабушка Лиза!

О к р о ш к а. Чего уж: зови Окрошка, как все…

О л я. Не имею права. При исполнении. Ваша программа торчит напротив…

О к р о ш к а. Хорошо, хорошо. Если что торчит – всегда замечу, не пройду мимо…

Е г о р. Что там в газетах пишут?

О л я *(положила газету на стол).* Для Павловны ТВ. Что пишут, то и показывают. А ТВ я вам принесла, мои хорошие. Ну, поехала дальше. Мне еще три деревни надо объехать, а сумка, как видите, пуста. Одни программки. Восемь штук.

Е г о р. С Богом!

О л я. Да, забыла сказать: школу бурить не будут.

Е г о р. Не будут так не будут. У нас вопрос с дровами решен.

О к р о ш к а. У кого решен, а у кого и нет.

О л я. Скажите Павловне, она обрадуется… Пока! *(Уходит).*

Е г о р. Это ж надо – школу на дрова! Да в лесу дров этих – не ленись только! Не лес – полоса препятствий!.. А они школу!.. А вдруг пойдет малышня? Бывают же чудеса на свете – как думаешь, Лизка?

О к р о ш к а. Бывают. Всё бывает, Егор.

Появляется Павловна.

П а в л о в н а. Не нашла…

Е г о р. Иди ты! Хороший день сегодня получился…

О к р о ш к а. Хороший…

П а в л о в н а. А Юлька ждет, поди?

Е г о р. И ночь, чувствую по всему, не хуже будет… Вы идите, а я постою малость… На небо подивлюсь… Сколько звезд зажигается сразу, а?

П а в л о в н а. Много.

Е г о р. Там где-то и космонавты летают…

О к р о ш к а. И они тоже…

Е г о р. Нет, все же на земле лучше… Особенно в наших Шкирдюках… Какой воздух!.. Повезло нам, бабы, жить здесь…

Картина девятая

Егор один дома. Куда-то собирается. Входит Анька, какая-то грустная и задерганная. Сразу к ведру с водой.

Е г о р. Не пей эту воду – застоялась она. У Петровны живу, там ем и пью.

А н ь к а *(пьет).* А если и сдохну, отравлюсь – ну и пусть некоторые порадуются! Сволочь!

Е г о р. Ты откуда вся такая?..

А н ь к а. От верблюда, отец! От него!

Е г о р *(строго).* Я серьезно спрашиваю! Вид то у тебя… Ты что, дома не ночевала?

А н ь к а. А можно сказать, что и так. Нету, нету у меня больше дома! Как тебе это нравится?

Е г о р. Погоди, погоди…

А н ь к а. Лёнька выдворил… и все вещи мои на лесничную площадку выставил.

Е г о р. На Лёньку не похоже – самостоятельный мужик, кажется?

А н ь к а. А мне не кажется!

Е г о р. Доигралась.

А н ь к а. Хватит! Хоть ты оставь меня в покое!

Е г о р. Доигралась. Дохулиганилась, моя хорошая. А внучка, Вероника, где? Что, и ее выдворил?

А н ь к а. Она с ним осталась…

Е г о р. Сама? Или Леонид не отпускает?

А н ь к а. Поди там разбери!

Е г о р. А я знал, я чуствовал, что всё так у тебя кончится. Гулёна ты, Анька. Леонида не виню. Гулена. Вот и добилась своего. Не хнычь, а все, как есть, рассказывай. От меня всеравно ничего не спрячешь.

А н ь к а. Да. Я знаю.

Е г о р. Ну-ну!

А н ь к а. Сережу я полюбила…

Е г о р. А чем Леонид плох? Не пьет, не курит…

А н ь к а. Не могу объяснить, пап… А Сережа, наооброт, и пьет, и курит… а я его полюбила… Обещал со своей развестись…

Е г ор. Дальше в лес – больше дров, ну-ну.

А н ь к а. Обманул он меня, папа.

Е г о р. Понимаю. Но из квартиры-то тебя не может так просто вышвырнуть Леонид?

А н ь к а. В том-то и дело, что может.

Е г о р. Отсуди!

А н ь к а. Ему мать подарила. А я не знала… Подарок есть подарок – его не заберешь…Сейчас всё пропало… всё рухнуло… И я осталась…

Е г о р. … у разбитого корыта.

А н ь к а. Да. Буду проситься назад в свое общежитие.

Е г о р. А то бери вон нашу хату и живи?

А н ь к а. Тоже скажешь! И между Павловной и Окрошкой на скамейке семечки щелкать – да?

Е г о р. Эх, жизнь, жестянка!

А н ь к а. Павловна нас этому в школе не учила… к сожалению.

Е г о р. А ко мне чего приехала?

А н ь к а *(удивленно).* А к кому, пап? У меня же больше нету никого…

Е г о р *(прижал к себе Аньку).* Ох и горе вам всем будет без Егора. А когда меня не станет, к кому приедешь?

А н ь к а. Не знаю… Не знаю, пап… Живи долго…

Е г о р. На машине прикатила? Что-то я не слыхал вроде бы?..

А н ь к а. Одна беда не приходит… и другую с собой приводит…

Е г о р. Все понятно. Ну так что будем делать?

А н ь к а. Сначала ремонтировать машину… Поможешь? В аварию попала…

Е г о р *(собирается).* А потом тебя, Анька, надо ремонтировать. Обязательно. Витька не нашелся случаем?

А н ь к а. Не отвечает уже долго…

Е г о р. Непутевый. Ох и непутевый! Ну что, пошли пешью?

А н ь к а *(повеселев).* А сколько тут до агрогородка? Пять километров каких.

Е г о р. Это для тебя пять, а для меня уже и все пятнадцать будет. Сниму, так и быть, что скопил на смерть. На лавке, небось, долго лежать все равно не буду. Свет не без добрых людей.

А н ь к а. Спасибо тебе, папа.

Выходят.

Картина десятая

Двор Павловны. Егор клеплет косу. Приходит Окрошка.

О к р о ш к а. А где твоя?

Е г о р. Ты что сказала?

О к р о ш к а. Павловна где?

Е г о р. Да тут где-то. Где ж ей быть? А тебе чего?

О к р о ш к а, Что, зайти нельгя? Скоро зобор возведете, как на Рублёвке?

Е г о р. Иди ты! Откуда знаешь про Рублевку?

О к р о ш к а. Видела, как люди живут.

Е г о р. А что ты еще видела?

О к р о ш к а. Ой! Ой! Грамотный! Как же! С кем поведешься, от того и наберешься. Да?

Е г о р. Ты не права, Лизка: век, говорят, учись, а дураком умрешь. А тем с Рублевки не завидуй… Они, может, нам завидуют?

О к р о ш к а. Прямо уж завидуют! Было бы чему!

Е г о р. С маленьких и спрос мал.

О к р о ш к а. Анька, что ли, приезжала?

Е г о р. Была…

О к р о ш к а. Что без машины-то? Аль наездилась?

Пауза.

И куда это она тебя водила?

Е г о р. Присядь.

О к р о ш к а. Я и постоять соизволю.

Е г о р *(громко).* Присядь!

О к р о ш к а. Ну, села.

Е г о р. А я постою. Перед тобой.

О к р о ш к а. Что за честь такая? С чего бы?

Е г о р. Давно с тобой поговорить хотел, Лиза. Очень давно. Может с тех пор, как на Поле женился….

Окрошка хмыкнула.

Прости, что так все получилась.

О к р о ш к а. Как это?..

Е г о р. А так вот это. Не глянулась ты мне, хотя – не дурак, видел – ты ко мне сердцем горнулась… Вот ведь в жизни как бывает: и на лицо хороша баба, и телом, а душа не принимает. Отталкивает, и все тут. И ничего, оказывается, поделать нельзя с собой. Теперь я не удивляюсь, если в городе пару встречу: он крокодил, она красавица… или наооброт. Хотя зачем далеко ходить? А у нас не так ли было? Полина – красавицей, скажешь, была?

О к р о ш к а. Не мне сравнивать…

Е г о р. Ты красивее, и душа у тебя помягче, поласковей… а я в нее влюбился… почему-то.

О к р о ш к а. А то я не знаю, как все было!

Е г о р. Что ты знаешь, Лизка?!

О к р о ш к а. Много чего.

Е г о р. Ничерта ты не знаешь! Ни на грош!..

О к р о ш к а. Никак не на месяце живу! Когда Павловна на учительницу поступила, она тебе отказала: кто, мол, ты, а кто я? Ну не так было? Не так, скажешь? Поэтому и молчишь.

Е г о р. Да я сам посторонился, сам! Вошел в положение…

О к р о ш к а. А тут Полина под руку подвернулась. А выходи за меня замуж назло всем врагам своим!

Е г о р. А веришь, я не могу тебе объяснить, как все получилось… Само как-то… Молоды были, разве ж мы загадывали намного вперед? Провел Полюшку, поцеловал, правда, а тогда как-то и вырвалось у меня: выходи за меня. Она сразу и согласилась.

О к р о ш к а. Видать, поцелуй тот очень вкусным оказался?

Е г о р. Ты угадала.

О к р о ш к а. А почему же меня не провел? Может и я бы тебе поцеловать разрешила?

Е г о р. Не сошлись, Лизка, звезды, похоже… не сошлись…

О к р о ш к а. Ну и чего ты добился? Не было у тебя, Егор, счастливой семейной жизни. Разве же мы не видим и не знаем? Поперок слово ты не мог сказать своей Полюшке – крик стоял на всю округу: она сказала белое на черное, значит, белое.

Е г о р. А я потом как-то приспособился и думал, что так и надо. Белорусы такой народ. На дошечку его посадили с гвоздями, он покрутится, поматерится малость, а потом и рукой махнет: а может так и надо?

О к р о ш к а. А мне мой рта не давал раскрыть. Им бы с твоей Полиной сойтись – все наши Шкирдюки еще раньше бы разбежались!.. Хорошо еще, что я много детей с ним не завела, с Мишкой своим… Один сын и тот не путевый… Яблоко от яблони далеко не падает – правду говорят…

Е г о р. Прости, Лиза. Не судьба.

О к р о ш к а. И это все, что хотел сказать?

Е г о р. Все.

О к р о ш к а. Спасибо.

Е г о р. Не за что.

О к р о ш к а. Можно, и я признаюсь?

Е г о р. Конечно.

О к р о ш к а. Сколько и живу, все время думаю: как бы я счастлива была с тобой, Егор!

Егор подошел в Окрошке, обнял. Появляется Павловна. Чтобы обратить на себя внимание, кашляет. Сглаживает обстановку Оля.

О л я *(появившись).* Ура! У меня для вас две новости! С какой начнем?

Е г о р *(откашлявшись).* С хорошей. Давай с хорошей, Оля.

О л я. Так они обе замечательные, дедушка Егор!

Е г о р. Не томи, Оля!

О л я. А, какую первой телеграмму достану, та и будет первой новость. *(Чтобы придать важность моменту,зажмурилась и запустила руку в сумку).* Вам, бабушка Елизавета.

О к р о ш к а. Мне?

О л я. Вам, вам! Из Москвы.

О к р о ш к а. Ой, боже!..

Е г о р. Подойди, Окрошка, ближе!

О к р о ш к а. Никак мне мавзолей мой припомнили?..

О л я. Ну, не знаю… Вас приглашают на передачу “Жди меня”. Сын нашелся!

О к р о ш к а. Где?

Е г о р. Там, там скажут.

П а в л о в н а. Как хорошо, ей-богу!..

О к р о ш к а. А надо ли? Уже привыкла с вами, жила себе спокойно… Так нет же… Представляю: за руку – и потянет в агрогородок…в сберкассу… Пожить, негодяй, не даст спокойно…

О л я. Вы… вы что, не рады?

О к р о ш к а. Какая же мать не порадуется? Для каждой матери ее сын, каким бы он не был, самый лучший сын на свете. Приезжай, Володька. Приезжай, сынок…

О л я. Тогда распишитесь и получите! *(Вручила телеграмму Окрошке, та расписалась).* А вторая телеграмма вам, Павловна. Можно, я зачитаю?

П а в л о в н а. Конечно, Оля!

О л я. “Уважаемая Наталья Павловна! С днем рождения вас! Живите и дальше так открыто для людей, живите так, уважаемая наша именинница, чтобы Вы могли еще очень долго похвалить каждый прожитый день. Здоровья вам огромного и большой, светлой любви!.. Ваши ученики.” Ну, тут и фамилии… их очень много…

Е г о р. Иди ты! Давай сюда! *(Расписался в получении телеграммы вместо Павловны).*

П а в л о в н а. Ой, и правда ж! А я совсем и забыла про свой день рождения. Когда ж Егор голову задурил…

Е г о р. Валите всё на Егора! Валите, валите! Егор выдержит! Ну молодцы, молодицы! *(Обнял Павловну, затем Павловну вместе с Окрошной).*

Так и стоит Егор – как в цветнике.

З а н а в е с.

2013

Г О М Е Л Ь С К И Е Б А Й К И

Трагикомическое представление в двух частях

Б а й к а п е р в а я

П О Д С О Л Н У Х И

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а:

Ш к у т С я р г е й П а в л о в и ч.
И г о р ь.
А н я .
А н а с т а с и я С е р г е е в н а.
М и л и ц и о н е р .

Наши дни. Город. Площадка перед входом в многоэтажный жилой дом. Скамейка. Рядом – телефонная будка. Аня качает коляску и бросает короткие нервные взгляды по сторонам: она, похоже, кого-то ожидает…

А н я *(малышу).* А потом котик и говорит мышке: мышка, мышка, а поиграть ты не хочешь со мной? "Хочу, очень хочу!" – отвечает серенькая, и, вильнув хвостиком, спряталась в норке. И только видел её, хитренькую, котик Васька. Об-ма-ну-ла!

Малыш смеётся.

Появляется Шкут. В руке – чемоданчик.

(Улыбаясь, Шкуту). Ой, вас сам Бог послал!
Ш к у т. Вот как!
А н я. Представьте…
Ш к у т *(угодливо, и в то же время забавляясь).* Чем могу служить?
А н я. Спасайте нас, дедушка, с Мишуткой. Вот он какой у меня, Мишутка! *(Наклонилась над ним, погримасничала).* Лифт сломался, а мы кошелёк в квартире забыли. Собрались в магазин, вышли – и только здесь спохватились. Но весь фокус, дедушка…

Ш к у т *(чувствуя себя неловко).* Зовите меня Сергей Павлычем. Договорились?

А н я. Хорошо. Договорились… Весь фокус в том, что живём мы на девятом этаже, Сергей Павлыч… на самом последнем…

Ш к у т. Ого-о! Так высоко не бывал.

А н я. А нам вот «повезло». Спускаться с коляской ещё куда ни шло, а вот подниматься – жуть! Выручайте нас, деду… ой, извините, Сергей Павлыч.

Ш к у т. Ничего, ничего. Свои люди – разберёмся. Правильно, Мишка? Молодец – моргнул. *(Ане).* Вы, мамаша, можете заниматься своими делами. Мужики найдут о чем поговорить. За нас не волнуйтесь.

А н я. Поговорите, поговорите с ним. Он любит слушать.

Ш к у т. Это хорошо, что не берёт пример с моей бывшей жены – ту надо было только слушать, одну её, пока взятку не дашь – сам слова не вставишь. *(Ане).* Идите, идите, мамаша. Не волнуйтесь. Мужики общий язык найдут. *(Малышу).* Тю-тю-тю-тю-ю!

А н я. Я мигом. *(Исчезает).*

Малыш заплакал. Шкут машет в сторону двери, за которой скрылась Аня, чтобы та не волновалась.

Ш к у т *(трясёт коляску).* Плачешь? Что это ты, Мишка, слёзы по горошине льёшь, а? Зачем? Чего ж так? Ты солдат или нет? Ну, ну! *(Пригрозил пальцем).* Давай мирно жить, друг Мишутка. Цыц! Цыц мухам-комарам! От завелся, трескунок! Чует чужой запах, говнюк малый. Сколько там этого Мишутки, а шуму наделал на весь Могилёв? *(Трясёт коляску, но плач не прекращается).* Ку-ку! Ку-ка-рэ-ку-у-у-у! Курочка ряба… яичко снесла… а дед купил его… и тебе принёс… Цо-цо-цо-цо! Тю-тю-т-ю-тю! *(Улыбка на лице).* Хвалю! Молодец какой! Молодец! Вот… когда не плачешь – красавец, приятно на тебя и поглядеть. Ален Делон… Он не пьет одеколон… Что ж тебе за это презентовать? Заслужил, заслужил. *(Роется в карманах, достаёт узелок).* О-о-о! А знаешь, что это, Мишутка? Нет? Это семена подсолнухов. Это не совсем обыкновенные семечки. Они из Америки. Подсолнухи вырастают – не обнять руками… солнце закроют… если поливать да химии хорошенько положить. Чудо! Мишутка! Слушаешь меня? Ага! Я те вот о чём скажу… всю жизнь дед – то бишь я, Мишутка, хрен старый – мечтал свою землю иметь и подсолнухи посадить на ней… чтобы красиво было вокруг… как в сказке… а прожил жизнь, почитай, а своей земли так и не заимел… на балконе только что… в вазоне… там земли с твой кулачок… Эх, Мишка, Мишка! Хорошо

тебе. Плохо – деду. Я ж всю жизнь на Севере жил… Почему, думаешь, мечтал о подсолнухах? Потому что на снег нагляделся – перед глазами белым бело, как будто всё время смотришь на чистый лист бумаги. Лежу в своём Магадане, вьюга воет за стенкой, в окна стучит пурга, а мне подсолнухи видятся… всё поле в подсолнухах… *(Показывает Мишке узелок).* Вот оно, Мишка, всё моё богатство… всё, что на Севере скопил… семечки подсолнухов… Остальное свое богатство замкнул… всё, до иголки и пуговиц от трусов… в квартире – и поближе к дому… А ты не знаешь, случаем, зачем мужикам в трусах пуговицы присобачивают? И я, и я не знаю… Может, их девать некуда было, пуговицы те?.. *(Горестно вздохнул).* Копил деньги всю жизнь, чтобы подсолнухи на своём огороде посадить… ну и домишку, конечно, купить… хорошо ещё, что собрал денег на билет… А вообще, Мишутка, я плохой дед… тебе такого не надо… Где-то у меня тоже внуки есть… и дети, видать… Бабы-то были… а раз бабы были, то и дети должны быть… А подсолнухи свои спрячу, спрячу… в карманчик. Так надёжнее. Чемодан и потерять можно, а тут надёжнее… с телом рядом, их чувствуешь. Смотри ты, и тебе, карапуз, интересно деда послушать, вижу. О-о-о, я тебе про Магадан мог бы рассказывать и рассказывать – всю оставшуюся жизнь. Я, конечно, жил не в самом Магадане… от него ещё километров триста…

Вдруг раздаётся ошеломляющий женский крик. Шкут поднял глаза на окна.

Ж е н с к и й г о л о с. Убей, убей, гад!
М у ж с к о й г о л о с. Я тебе покажу курорт, медуза!

Женский визг переходит в крик, он то усиливается, то гаснет.

М у ж с к о й г о л о с. Кто письма пишет? До востребования? Кто-о-о? Колю нашла? Федя тебя уже не устраивает, курортница! Получай, получай, устрица!

Ш к у т *(с сочувствием).* Убьет! Что ж это, люди?.. (Шарит глазами по сторонам). Убьёт же! Если же их не пускать на курорты – то эти, кобели, сами наедут сюда… усатые. Пусть лучше ездят они туда… Пусть они лучше…

Крик усиливается. Звон разбитой посуды.

Ш к у т. Точно, убьет. Спасать надо. Спасать. *(Скрывается в телефонной будке, звонит).* Милиция? Милиция? Убивают! Муж за

курорт рассчитывается. Кулаками, поди. Так не знаю... мужик, одним словом, бабу лупит. И здорово, замечу. О даёт!.. Да, да, перевоспитывает.

Всё те же крики. Грохот. Звон посуды.

Ш к у т. Тарелки в ход пошли. Это, похоже, ещё артподготовка. Всё сражение впереди... А сейчас наступает вторым темпом. С чего ж они щи хлебать будут?

К коляске подбегает Игорь, забирает ребёнка, исчезает.

Ш к у т. Улица Белова, дом пять... Это написано так на доме. Я-то человек здесь новый. Прохожий. Пожалуйста.

Крики прекращаются.

Ш к у т *(повесил трубку, подходит к коляске).* Угомонились. Курорты эти иногда долго вспоминаются. *(Малышу).* Вот подрастай, коляску в сторону... а сам ножками топ-топ... *(Заглянул в коляску и обомлел).* Мишуля... ты где? *(Не веря глазам своим, нащупывает малыша в коляске, но испачкал пальцы, вытирает носовым платком).* Не хочу... не хочу подсолнухи в тюрьме сажать!.. Кто бы мог пацана скоммуниздить? Кому в наше время лишний рот нужен, а? *(Качает коляску).*

Появляется Аня.

А н я *(улыбается).* Спасибо вам, Сергей Павлыч. Выручили.
Ш к у т *(с горькой иронией).* Да куда уж больше!.. Прозвонил я Мишутку... Всю жизнь не везёт.
А н я *(ничего не понимая).* Вы... вы о чём?
Ш к у т. Глянь в коляску.
А н я *(посмотрев в коляску, покачнулась).* Ой! А где Мишутка?
Ш к у т. А мне откуда знать? Знал бы, сказал..
А н я. Где мой Мишутка? *(Трясёт Шкута).* Я вас просила посмотреть! Вас! Вас.!..
Ш к у т. Всю жизнь не везёт, всю жизнь меня трясут! Не ты одна. То попросят чемодан на вокзале покараулить, а его стырят. То поставят на углу человека в очках подождать, а вместо него легавый появляется с овчаркой.
А н я. Где? Где? Где? Ой, боже! Он же ходить ещё не может!
Ш к у т. Ну не знаю! Не знаю! Дёрнул меня чёрт согласиться!

Появляется Милиционер.

М и л и ц и о н е р. Где драка?

Ш к у т. Там!.. *(Безразлично махнул на окно).*

М и л и ц и о н е р. Понятно: Воронцовы.

А н я. Товарищ милиционер! Товарищ милиционер! Мишутка мой пропал. Сыночек.

М и л и ц и о н е р *(глянув на часы).* Ещё рано – вернётся. Набегается – и придёт.

А н я. Да он грудной! Грудной, понимаете?!..

М и л и ц и о н е р *(думая о своём).* Такой далеко не уйдёт. *(Спохватившись).* Как?.. Грудной?..

А н я. Да, конечно!.. Ему пять месяцев…

М и л и ц и о н е р. Каким способом исчез? При каких, так сказать, обстоятельствах? Докладывайте!

А н я *(кивает на Шкута).* Вот его попросила покараулить, а сама в квартиру побежала… за кошельком, если и это интересно.

М и л и ц и о н е р. Всё, всё интересно.

А н я. Вернулась, а его нет… Мишутки.

Ш к у т. Средь бела дня! Безобразие!

М и л и ц и о н е р *(оценивающий взгляд на Шкута).* А вы кто такой?

Ш к у т. Обыкновенный Шкут. Но я не брал! Не брал! Я, товарищ милиционер, своих побросал! Законных! А зачем мне чужой пацан? Смешно! Я что, не в своем уме? Похож на идиота? Вот когда я к вам звонил… это, кстати, я звонил… прошу учесть… как смягчающее обстоятельство… и умыкнули малыша. Ага!

А н я. Ой, горе-то какое! Мишутка, родненький, миленький! Сыночек!..

М и л и ц и о н е р. Успокойтесь, женщина. Найдём твоего отпрыска. Не иголка.

Ш к у т. Я – пас! Я – пас! *(С мольбой в голосе).* Люди! Кто видел Мишутку? Я у вас спрашиваю? Верните пацана! Гады-ы!.. (Милиционеру). Хотите, чемодан открою? Рубашка там, тапочки, носки… Вот ключ… сейчас, а то не поверите. *(Открывает чемодан, но на него никто не обращает внимания).*

А н я *(Милиционеру).* Помогите! Выручайте, что ж вы стоите?

Ш к у т. Ворюги!

М и л и ц и о н е р *(пристальный взгляд на Шкута).* Не брали, говорите?

Ш к у т. Вот те крест! Вот те!..

М и л и ц и о н е р. Что-то вы мне кажетесь подозрительным. Где я вас раньше видел? Так-так-так!.. Или не видел?

Ш к у т. В кино не снимался.

М и л и ц и о н е р. Но вы – артист! Артист хороший, должен заметить! На этого… генерала похожи… охотника… который водку хлестал стаканами…

Ш к у т. Ну, уж… скажете… за что такое уважение… такая популярность? Начнут автографы брать… если услышат… *(Покрутил головой по сторонам).*

А н я. Так почему же мы стоим?! Делайте что-нибудь!.. В конце-то концов!..

М и л и ц и о н е р *(достал бумагу, ручку, сел на скамейку).* Фамилия?

Ш к у т. Чья?

М и л и ц и о н е р. И ваша тоже.

А н я. Шкут Анна Вадимовна.

Ш к у т. Шкут Сергей Павлович.

М и л и ц и о н е р *(удивлённо).* Вы что – родственники?

А н я (растерянно крутит головой). Н… нет.

М и л и ц и о н е р *(Шкуту).* А вы что скажете?

Ш к у т. Не знаю… Так, товарищ милиционер, женщины были!.. У-у-у-у-у-у-у-у!

М и л и ц и о н е р *(строго).* Прошу за мной в отделение!

Ш к у т. Думаете, Мишутка там будет?

М и л и ц и о н е р. Будете много разговаривать… найду за что… Всё поняли?

Ш к у т . Я – всегда! Что – вперёд? В отделение?

М и л и ц и о н е р. Да. Вперёд. (Ане). А вы, гражданочка пострадавшая, прихватите фотокарточку сына. В ваших же интересах.

А н я. Да, да… Я сейчас. *(Исчезает).*

Появляется Игорь с ребёнком.

И г о р ь *(Милиционеру, виновато).* Здрасте! *(Аккуратно положил малыша в коляску).*

Ш к у т *(воспрянув духом).* Вот он, Мишутка! Он! А вот он, воришка! Тебе что, по моргалам заехать? Держите его, товарищ милиционер! Держите! *(Держит Игоря за ворот).* Вам деньги платят, а держу за воротник я. Зачем ребёнка брал, негодяй, подонок, обормот? Да я тебе!.. Ух, ворюга!..

И г о р ь. Тише… Не кричите… Спит… Он… спит. Ц-ц-ц!..

Ш к у т *(отпустил Игоря).* А-а… твоё спасение, что прикорнул малой… а то бы я тебе бока помял!.. Ты у неё, у матери, воруй. Понял? Выбирай момент… а мне туда, куда не пускают по блату, не надо.

М и л и ц и о н е р *(поманил пальцем Игоря).* И зачем вам, молодой человек, воровать детишек? Какова причина?

И г о р ь. Я временно!..

Ш к у т. Видали! Он по совместительству! На полставки!

М и л и ц и о н е р *(Шкуту).* Вы свободны. А то договоритесь, что арестую.

Ш к у т. Молчу, как хек!

М и л и ц и о н е р. Пусть бы он воровал – другое дело: старик. А ведь ты ещё и сам можешь заиметь.

Ш к у т *(защищая себя).* Ну-ну-ну! Это кто старик? Прошу поосторожнее. Мы ещё - о-го-го!

М и л и ц и о н е р *(Игорю).* Фамилия?

И г о р ь. Шкут.

М и л и ц и о н е р. Вы что тут… все… Шкуты?

М и л и ц и о н е р. Мать ребёнка. Прохожий. Вот он. Теперь вот – вы.

И г о р ь. Не знаю. Я отец Мишутки. Понимаете? Вот его. Законный отец. Вопросы имеются?

Ш к у т. А кто же тогда я? *(Закрыл глаза, пошатнулся, держась за сердце, но устоял на ногах).*

И г о р ь *(Шкуту).* Вам плохо, дед?

Ш к у т. Нет… нет… мне хорошо… Здравствуй, сын… Это я… папа… твой… папа…

И г о р ь *(расхохотавшись).* Я вас не знаю… и знать не хочу!.. Скажешь!..

Ш к у т. Как же? Мать разве не говорила, что у тебя есть отец?

И г о р ь. Нет, что вы! Она врать не умеет. Она сказала мне, это я хорошо запомнил, что я родился без папы. Мама забеременела самопроизвольно. Будто ружье: висит, висит на стенке, а потом вдруг как бабахнет!..

Ш к у т. Бред! Я, я твой отец! Клянусь высоким званием отца!.. Присягаю на верность семье!.. *(Приклонил колено земле).*

И г о р ь. Может, и в церковь сейчас начнешь ходить? Грехи замаливать?

М и л и ц и о н е р. Кажется, всё записал?

Появляется Аня. Заметив её, Игорь попытался убежать, но его придержал милиционер.

М и л и ц и о н е р. Стоять! Куда?

Ш к у т *(торжественно – Ане).* Нашёлся внук! Нашёлся!

А н я. Какой … внук?

Ш к у т. Мой! Мой внучок, а твой сынишка. значит. Ну Мишутка! Миша. Мишка. Михал Игоревич.

А н я. Что за бред? *(Подбегает к коляске).* Родненький мой! Спит. Золотце моё! Миленький! *(Игорю).* Ты? Твоя работа?

И г о р ь. Я! Это, между прочим, и мой сын! Он такой же, как и твой! Суда ещё не было…

М и л и ц и о н е р (*Ане).* У вас претензии к гражданину имеются?

Ш к у т. Какие могут быть претензии, когда всё хорошо кончилось, товарищ сержант?

М и л и ц и о н е р. С вами я не разговариваю.

Ш к у т *(Ане).* Скажи, скажи, что амнистируешь.

А н я (безразлично). Амнистирую… *(Игорю).* Но если ещё хоть раз такое повторится… вот при милиционере заявляю… да - да… не ухмыляйся… не прощу! Никогда! Запомни это раз и навсегда!..

Ш к у т *(Милиционеру).* За воровство собственного ребёнка статья есть? Что - то не слыхал…

М и л и ц и о н е р. Найдём!

Ш к у т. Дела - а!

А н я *(Игорю).* И домой заходить не смей! *(Исчезает вместе с коляской).*

Ш к у т. Дела - а!

Демонстративно смерив взглядом Шкута, уходит и Милиционер.

Пауза.

И г о р ь *(с укоризной).* Откуда ты взялся?

Ш к у т. Приехал. Когда - то… давным - давно я здесь жил. На Советской. Возле бани.

И г о р ь. Вспомнил?

Ш к у т. Родные места… Как же! Вспомнил. Присядем?

И г о р ь. Постою.

Ш к у т. В ногах правды нет.

И г о р ь. А где она есть?

Ш к у т. Значит, и ты так живёшь, как я жил. Наследственная болезнь. Деньги я ведь посылал.

И г о р ь. Матери. Не мне.

Ш к у т. Матери – для тебя.

И г о р ь. Не знаю. Я их в руках не держал.
Ш к у т. А сколько тебе сейчас?
И г о р ь. Много!
Ш к у т. Письма писал. Мать не отвечала. Года два бумагу портил. А потом… другая женщина, другая семья… Эх, жизнь! Широка Волга, да мне - то толку что? Ночевать пустишь?
И г о р ь. С Аннушкой разговаривай.
Ш к у т. Это она - то – Аннушка? Стерва она!
И г о р ь *(рванулся к Шкуту, но остановился).* Как ты смел?! Ты же её не знаешь!
Ш к у т. Любишь, значит, если так защищаешь. А я ни одной бабы не защищал. Я больше подсолнухи люблю. Ан-нуш-ка-а!
И г о р ь. Я пошёл. Если пустит, спи на моей кровати.
Ш к у т. А сам - то где живёшь?
И г о р ь. На чердаке. С голубями. Карантин у меня. Понял?
Ш к у т. Погрызлись?
И г о р ь. Не твоё дело.
Ш к у т. Ты вот что, сын: выше нос!
И г о р ь. Да пошёл ты!
Ш к у т. В меня, гляжу, в меня!
И г о р ь *(громко).* Не хочу! Не хочу быть в тебя-я-я!
Ш к у т. Не всё, дружок, от хотения зависит.
И г о р ь. Неправда!
Ш к у т. Задержись. Я ведь тоже с птицами спал. У тебя птицы получше… покрупнее… я с воробушками. У нас почему-то воробьи жили. А потом и уехал. Мать не простила, я не простил… Теперь вот ты меня за отца не признаёшь. Не будь мной, Игорь. Слышишь? Послушай старого дурака. Уступи. Кто-то же должен уступить.
И г о р ь. Аннушка идёт. Поговорите с ней. *(С иронией).* Она пустит.
Ш к у т. Закинь словечко.
И г о р ь. Хм. У неё когда дурь начинает бродить в башке – с ней сам чёрт не сладит. *(Удаляется).*
Ш к у т. Тебя искать по какому адресу?
Г о л о с И г о р я. Голубятня номер один!
Ш к у т *(кричит вслед).* Не стань только сам птицей, Игорь! Не улети! Держись гнезда!

Появляется Аня.

А н я *(недоброжелательно).* Вы всё ещё здесь?
Ш к у т. Тебя жду.

А н я. Зачем я вам?

Ш к у т. Разобрались! Понимаешь? Разобрались! Игорь – мой сын! Мой!

А н я. Тогда и вы такой прохиндей , как и он!

Ш к у т. Ну зачем же так? Зачем же?

А н я. Его отец давно умер.

Ш к у т. Это не правда. Я – вот! Вот он же я! Жив, здоров и не кашляю! А? Хочешь, пощупай меня?

А н я. Ещё чего!

Ш к у т. С чемоданом! Это всё, что заработал за всю жизнь. Чемодан купил ещё при Брежневе… Или при Хрущеве? Да это не столь важно… Так что, не признаешь?

А н я. Нетушки! Если умерли, то умерли! Много вас под старость найдётся. Нечего оживать!

Ш к у т. Ну, а переночевать вы меня хоть пустите?

А н я. Более глупого ничего не могли придумать? Как я могу совершенно чужого, совершенно незнакомого человека пустить ночевать? Вы думайте, что говорите.

Ш к у т. Да я уже и не знаю, что говорить…

А н я. А может, вы бандит, вор? *(Скрылась за дверью).*

Ш к у т. В некотором роде она права… Но я же свой бандит… свой вор! Да у меня же никого нету в этом городе! Кроме вокзала! *(Кричит).* Люди-и! Ищу вдовушку-у-у! Непьющую!.. С квартирой!.. С теплой водой!.. Примите меня, Шкута, бабы-ы! Я на грядках подсолнухов насажаю – красота-то будет! А-а-а? Отогрейте-е-е! Дайте голову к чему-нибудь приткнуть! Не толкайте меня снова в вечные снега-а-а! Я хочу подсолнухи выращивать!..

Г о л о с А н а с т а с и и С а з о н о в н ы. Эй ты, подсолнух!

Ш к у т. Я! Я! Как вы там поживаете? *(Задрал голову).*

Г о л о с А н а с т а с и и С а з о н о в н ы. Поднимайся на восьмой этаж. Я встречу.

Ш к у т. Ага! Ага! Бегу-у! Свет не без добрых людей… и им равных!. Не исчезни, проведение!.. Бегу, бегу на твой ласковый, на твой грудной голосок!.. *(Исчезает).*

Затемнение.

Комната в городской квартире. Она довольна скромно обставлена. Распахиваются двери, заходят Анастасия Сазоновна и Шкут.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Вот здесь я и живу.

Ш к у т. Вижу, вижу. Ничтяк. Мне нравится. Вполне, вполне. *(В окно).* О, как хорошо виден из ваших палат Дом Советов!.. Прелесть!.. А то что за шпала?..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Где, где?

Ш к у т. Там! *(Указал перстом).*

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Лифтовый завод.

Ш к у т. Прекрасно!.. А вот тут мы поставим аквариум…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Какой ещё… аквариум?

Ш к у т. Который побольше. С голубой водой. С настоящими морскими зарослями. И дно усеем ракушками…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Ах, да! Теперь мне понятно…

Ш к у т. В нарды играете? Нет – научим, это не проблема. А как с кин-боксингом у нас дела обстоят? *(Меряет комнату шагами).* Да, тут возникают определенные проблемы… Не развернешься. Но будем думать, думать будем! Так, на чем это мы остановились?..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Особо похвастаться нечем – квартира как квартира. Обстановку ещё с мужем покупала… пухом земля ему.

Ш к у т. Пухом!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. С Вадиком.

Ш к у т. Мне кажется, я попал удачно. Этаж только вот пониже бы… высоковато. Но я летать не собираюсь. *(Засунул ноги в тапочки).*

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Это будет зависеть от вашего поведения.

Ш к у т. Даже?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Представьте себе! Ноги вытерли?

Ш к у т. Я в тапочках…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Довольно быстро вы осваиваетесь.

Ш к у т. Нам не привыкать.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Похоже, вы прошли огонь, воду и медные трубы.

Ш к у т. И снега! Добавьте! Колыма! О, моя родная Колыма! После нее морг кажется раем!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Пожалуй, начнем… *(Протянула руку).*

Ш к у т. С большим желанием. А с чего начнем?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Ваш паспорт!

Ш к у т. Есть. А как же. *(Протянул паспорт).* Это Степка …поэт… друг мой пропил. Не сочтите за трудность познакомиться.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Не волнуйтесь. Опыт есть. Мне тоже не привыкать. Сергей Павлович… Приятное сочетание – Сергей Павлович…

Ш к у т. … и Анастасия Сазоновна?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Откуда вы знаете, как меня зовут?

Ш к у т. Ну, так!.. Подсказали кое-какие домашние предметы… «Зри в корень!» Это не я сказал. Это сказал один умный человек.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. А вы ловкий, вижу…

Ш к у т. Это как луна ко мне повернется… или передом… или задом…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Передом, задом…

Ш к у т. Или наоборот.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Седина в голову… *(оглядывает Шкута),* а бес в ребро. Но мужчину седина, между прочим, красит.

Ш к у т. Это мне комплимент?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Вам! Вам!

Ш к у. Спасибо. Премного благодарен.

А н а с т а си я С а з о н о в н а. Гордитесь!

Ш к у т. Непременно! Непременно! Горжусь!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а (продолжает знакомиться с паспортом). А вы старше за меня на целых одиннадцать… месяцев!

Ш к у т. Пустяки! Пустяки, Анастасия Сазоновна! Год туда, месяц сюда! Подумаешь, проблемы!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. А вы, гляжу, кися?

Ш к у т. Иногда! Иногда! Особенно, когда в уютной комнате нас двое… он и она. И лёгкая, как пёрышко лебедя, музыка…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Ромео?

Ш к у т. О, да, моя Джульета!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(резко).* Возьмите паспорт! Возьмите, возьмите!

Ш к у т. А в чём, если не секрет, препятствие к достижению моей самой заветной цели и к поражению вашего страждущего и жаждущего любви и ласки сердца, моя Афродита?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Вы женатый человек. Убирайтесь!

Ш к у т. Какой бред! Какой бред, госпожа Анастасия Сазоновна! На меня летят холодным дождем брызги оскорбления! Вот они! На моей ладони!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. У вас в паспорте имеется отметка, что вы женат.

Ш к у т. Всего лишь недоразумение. Отметка есть. Да. Но моя благоверная Маруся, к сожалению, там, где и ваш Вадик. И,

возможно, он добивается от неё там любви… негодяй! Как я от вас… Да я ему, поршивцу!.. Где он?.. Подайте его сюда!.. Ах, да!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Убирайтесь. Я не люблю повторять.

Ш к у т. Но вы уже повторили. *(Агрессивно-притворно).* А вы не кричите! Не гоните, госпожа, лошадей! Они не запряжены! Сама телега не покатится! Кто здесь хозяин? Кто? *(Наступает на Анастасию Сазоновну).* Кто? Я у вас, я у вас спрашиваю?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Я.

Ш к у т. А буду я! Шкут Сергей Павлович! Имею честь! *(Отбил поклон).* Прошу любить и жаловать! Я вас сразу признал, ёшкина мать!.. Вы спасли меня! Не забуду, как родину! Вы подобрали меня! Как упавший на мостовую цветок! Его хотели растоптать кирзовыми сапогами сорок пятого размера, но вы не дали! *(Упал на колено).* Вы! Вы! Вы! Идите ко мне, дорогая Анастасия Сазоновна! *(Протянул руки).* Бросьтесь в мои объятия и я заключу в них вас, как самый хищный зверь свою жертву! Не бойтесь меня! Я сильный! Я преклоняю пред вами свою лысую и седую голову!.. Это всё, что у меня осталось…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(отмахиваясь).* Прекратите этот концерт.

Ш к у т. Не могу. Я когда войду в азарт, в этот… как он называется …в раж – меня остановить может только наряд милиции. С овчаркой. Гав-гав!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Буду кричать.

Ш к у т. Да! Вы будете кричать! Но только от радости! От счастья! От удовольствия!.. *(Стонет).*

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(придя в себя).* А вы мне начинаете нравиться.

Ш к у т. Я знаю.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Боже, какая самоуверенность!

Ш к у т. Разрешите, Настья, ополоснуться? Что вы сказали? Или мне послышалось? (Ковыряется в чемоданчике). Полотенце у вас не найдётся? Мыло тоже… И мочалку, пожалуйста. Кстати, последний раз я покупал мочалку в Ташкенте… да-да… на базаре… но вечного, оказывается, ничего нет… Вот отмоюсь, посажу подсолнухи и поеду опять в Ташкент… за мочалкой, известное дело!.. На Алайский базар… Это лучший базар а мире! Запомните это! После Магадана… Это тот базар, который в центре… и с которого приносят самому Президенту республики самаркандские дыни и бухарские персики… Ну, и все остальное!..

Анастасия Сазоновна молча протянула Шкуту полотенце.

Ш к у т. Спасибом, как говорится, не отделаешься… но мы знаем, чем можно женщину, да ещё такую… *(хлопнул по заднице)* отблагодарить.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Вы мне нравитесь ещё больше.

Ш к у т. Я знаю. Не скучайте, пока я буду в ванной. *(Выкладывает из кармана сверток с семечками).*

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Нахал. А нравишься. Мужик.

Ш к у т. Ещё какой мужик!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(томно).* Но первое впечатление может быть обманчивым?

Ш к у т. Только не у вас!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Мойтесь, мойтесь, кися.

Ш к у т. Моюсь, моюсь, лапочка. *(Исчезает).*

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. А ничего… кажется. Значит, Клавка мне нагадала правильно… Ну, Клавка!.. *(Осторожно, как бы не спугнуть кого, ходит по комнате).*

Г о л о с Ш к у т а. Мне хорошо-о-о-о!

Журчит вода.

Фу-у-у! Колыму смываю!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Чай, Сергей Павлыч, с лимоном вам?

Г о л о с Ш к у т а. Желательно с колбасой!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Ага! Ага!.. *(Выходит и сразу появляется. Себе).* Чай поставила. Колбаса есть. Бутылочка – тоже.

Г о л о с Ш к у т а. А как у вас насчет детей?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а (охотно, как бы только и ждала этого вопроса). Имею. Имею. Не хуже других. Дочь.

Г о л о с Ш к у т а. А чего ж так слабо?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(не сразу).* Не было за что купить. Денюжки не было. А у вас, простите?

Г о л о с Ш к у т а. Четверо… по моим скромным подсчетам.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Такому мужику, как вы, стыдно не иметь столько детей.

Г о л о с Ш к у т а. Детей? Да нет, жён. Примерно четыре жены у меня было… дай бог память. А у них в среднем по двое наследников. Ну, как?

Анастасия Сазоновна потеряла на некоторое время дар речи.

Г о л о с Ш к у т а. Не слышу-у-у! Я больше скажу: здоровому человеку одной жены мало – приходится побираться…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(смеется).* Х… хорошо-о… «Побираться»…

Г о л о с Ш к у т а. Я думаю! Раньше песни хорошие были. Под них созидалось… «… И дух наш молод!..»

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(принесла чайник, разливает чай).* А у меня дочь… как я сказывала. Красавица. Не пьёт. Не курит. Замужем. Своя квартира.

Г о л о с Ш к у т а. А живет - то где?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Здесь рядом. По-соседски. В одном подъезде. Аннушка.

Перестала журчать вода.

Ш к у т *(не выдержал, выбежал из ванной, неловко прикрываясь полотенцем).* Аннушка?!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Хорошее имя, правда?

Ш к у т. А его… мужа… как… зовут?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Игорь. А что, вы знакомы? Знаете такого?

Шкут исчезает.

Г о л о с Ш к у т а. Нет-нет. Это я «Аннушку» самолет вспомнил. Крючков на нем летал в кино. Шустро так летал!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Неудачный зять попался. Дочка – прелесть, а зять – пустое место. Бездельник. Мало того, так еще и денег зарабатывает – кот наплакал, выпить любит. На других косит взглядом…

Г о л о с Ш к у т а. Понятно. «Лиловым глазом…» А у меня тоже сын Игорь есть. Нет, извини, дорогая, у меня их два сына Игоря. Один тоже здесь живет, рядышком…

Анастасия Сазоновна расковыряла узелок с семечками, понемножку щелкает семена.

Г о л о с Ш к у т а. …в одном с вами подъезде… но временно на голубятне… заведующим там… Большой начальник – завгол… Фильм «Любовь и голуби» смотрели?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Это где Гурченко?

Г о л о с Ш к у т а. Где Михайлов.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Терпеть её не могу. А Михайлов мужик ничего. Зажигательный…

Г о л о с Ш к у т а. На вид – да. И мне нравится…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Что-то больно долго вы там моетесь? Смотрите, не сотрите самое главное…

Г о л о с Ш к у т а. Жену его Аннушкой зовут…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Михайлова?

Г о л о с Ш к у т а. Игоря!..

Анастасия Сазоновна поперхнулась.

Г о л о с Ш к у т а. Жаловался, что кроме яичницы ничего не может готовить… Поглядывает на чужих мужчин… задницей перед ними крутит… покуривает… выпивает…

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(не находит себе места).* Вы! Вы!.. Нахал!

Появляется Шкут, причесывается.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Подлец! Вы оскорбили меня!

Ш к у т. Вас? Когда? Не может быть?!.. Успокойтесь, дорогая!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Убирайтесь! Сейчас же! Родственничек, называется! Комедии здесь разыгрывает!..

Ш к у т *(заметил, что нет семян, схватил тряпочку, в которой они были).* Подсолнухи! Подсолнухи мои! Родненькие! Слопала!.. Она!.. Я же их два года в левом кармане носил… из Америки… все деньги с кошельком за семена отдал… Что ж это ты так, Анастасия-я-я?!

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. А не вкусные… не-а. Тьфу!.. А когда это, между прочим, мы на «ты» перешли?

Ш к у т *(в движении).* Хотел, что бы вокруг были одни подсолнухи! Чтобы красиво было! Всегда! Везде!.. На мусорках посадить!… В подъездах!.. На даче!.. А ты… сожрала, Анастасия!.. Что ж ты наделала?.. И как ты за подсолнухи со мной рассчитаешься?.. Чем?.. Ну и аппетит же у тебя!.. Здоровая, значит, баба, если все, что не попадет, заглатываешь… Они же протравлены… Птицы дохнут!.. На лету!.. Воробьи и стервятники!.. Все дохнут!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. А ты что ешь каждый день? А? Знаешь хотя сам?..

Ш к у т. Да, ем… а что… и действительно… ты, как всегда, права, Анастасия!.. *(Чмокнул её в щечку).* Прелесть моя!..

Спасительница и пожиратель моих дум и планов, опустошитель моих карманов!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(приносит полмеха семян, сует Шкуту).* Держи! Будем вместе семена в землю тыкать. Ты и я. Откроем артель у меня на трех сотках… Хватит?

Ш к у т. Так… должно… Эти в карман не затолкаешь.

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Что не пощелкаем за зиму – посадим. А теперь пошли своих подсолнухов мирить.

Ш к у т. Так веди… в городе, на асфальте, какой подсолнух вырастает, что б его по шапке не потрепать?

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Повезло, кажется! Наконец-то мужика встретила… За мной!.. *(Исчезает).*

Ш к у т *(задержавшись, в зал).* Тепло у неё, у этой бабенции!.. Подсолнухи будут расти! И не только они!.. Не сомневайтесь!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а *(вернулась).* Мы же совсем забыли, Сергей Павлыч…

Ш к у т. Слушаю! *(Подал туловище вперед).*

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Дети подождут. Или я не права?

Ш к у т. Как всегда!.. И ничего, кроме!.. Ну-ну!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Сначала поужинать надо.

Ш к у т. Непременно!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Мы же совсем забыли и про чай, и про колбаску…

Ш к у т. Ах, да!..

А н а с т а с и я С а з о н о в н а. Ужин ведь давно на столе, любимый!..

Ш к у т. Кто бы был против, любимая!..

Идут к столу, обнявшись.

Затемнение.

Б а й к а в т о р а я

ЭКСПЕРИМЕНТ

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а:

С а з у р а – участковый.
Ц и т р у с – его сосед, мужчина в годах.
С т р е л а – ровесница Цитруса.
П л е м я н н и к.
Г о л о с М а р ь и.

Наши дни. Пригород. Частный сектор.

Более чем скромная комната в доме. В одну шеренгу стоят Цитрус и Стрела, перед ними ходит, заложив руки за спину, Сазура.

С а з у р а. Все собрались?

Ц и т р у с и С т р е л а *(вместе).* Все!

С а з у р а. Тогда приступим. Вы, мои уважаемые земляки, наверное, уже и сами догадались, зачем я вызвал вас в дом недавно ушедшей от нас в мир иной Марьи Куделькиной.

Ц и т р у с *(тянет руку).* Пару слов можно?

С а з у р а. Можно и больше. Говори, Цитрус.

Ц и т р у с. Я… я здесь лишний, товарищ участковый. Лишний я!

С т р е л а. А кто ж тогда я? Или всё на меня свернуть хочешь, ворюга?

С а з у р а. Тише, товарищи! Тише! Разберемся.

Ц и т р у с. Я не брал. Мне подсунули. Провокация!

С т р е л а. А чего ж это мне никакой дьявол не подсунул телевизор? Наложил в штаны – так стой и не шевелись! Ему подсунули. Хорошенькое дело!

С а з у р а *(Цитрусу).* Отрицаешь факт воровства, сосед? Только честно. Меня не обманешь. По глазам же видно. На воре и шапка горит. А?

Ц и т р у с *(потрогал голову, сам без головного убора).* Сгорела…

С а з у р а. Ну, так как? Прекратим сопротивляться?

Ц и т р у с *(махнув рукой).* Ладно. Заноси в свои чёрные списки: взял я тот телевизор поганый самолично, потому как посчитал, что если Марья на тот свет его с собой не прихватила, то ей он больше

не нужен. Вот. Ага. Лишай статуса нормального человека, участковый. Лишай. Напроказничал, так получается.

С а з у р а. Теперь, вижу, догадались, зачем я вас сюда вызвал? Или нет?

Ц и т р у с. Да понятно!

С т р е л а. Понятнее быть не может.

С а з у р а. Вот и хорошо. Поэтому будем брать, так сказать, быка за рога. Проведём следственный эксперимент.

Ц и т р у с. Ишь ты! Что это за штукенция такая?

С т р е л а *(дёрнула Цитруса за сорочку).* Стой и не шевелись!

Ц и т р у с. Я ещё шевелиться умею. О-го-о!.. Поэтому не дёргай.

С а з у р а. Прошу соблюдать порядок и дисциплину. Или вы, может, желаете, чтобы следственный эксперимент приехали проводить люди из прокуратуры города?

Ц и т р у с. Не дай Бог! Нет, нет! Чужих не надо! Проводи уж лучше ты, участковый…

С т р е л а. Экспериментируй.

Ц и т р у с. Ты же нас знаешь. Да и сосед. Вчера у меня валун брал для бани.

С а з у р а. Прошу личное не путать с государственным. Тут вам не шарашкина контора.

Ц и т р у с. Конторы они разные, а дела одни… получается.

С а з у р а. Внимание! *(Похлопал в ладоши).* Следственный эксперимент! *(В окно).* Внесите вещи!

Двое парней вносят сундук, третий – телевизор. И сразу выходят.

С а з у р а. А сейчас, товарищи подозреваемые, прошу и вас выйти. В комнате остаюсь я один. А вы заходите по очереди и показываете, как воровали. И не берите меня во внимание. Для вас меня нет. Не существует. Если бы я был в момент совершения преступления…

Ц и т р у с. Да какое это преступление? По-соседски… и преступление? Да пустяки, пустяки, участковый!

С т р е л а. А мне вообще Марья завещала…

С а з у р а *(упорно).* Если бы я был в момент совершения преступления, повторяю, то вы, конечно же, ничего бы не взяли. Ближе к делу. Кто был первым? Первооткрывателем, так сказать? Ты, Цитрус?

С т р е л а. А то я?!

Ц и т р у с. Валите всё на меня. Выдюжу. Всю жизнь так… Как что, так сразу: Цитрус!.. Я, между прочим, всего один апельсин

украл тогда на базе, когда там плотничал, а кличку дали на всю жизнь. Так что, давайте, приму и на этот раз удар… Очередной…

С а з у р а. Цитрус, ты был первым?

Ц и т р у с. Хорошо ещё, не говорите, что я первый ступил на Луну…

С а з у р а. Шутки в сторону.

С т р е л а. Цитрус по замкам специалист. Я, что ли, взламывала?

Ц и т р у с. Да там такой замок! Как сама Марья. Дряблый был. Только дотронулся, он и рассыпался.

С а з у р а. Разберёмся. Всё, вышли, вышли. И тебя, Цитрус, первого жду.

Все выходят. Заходит, крадучись, Цитрус, высоко поднимает ноги, словно аист, щёлкнул выключателем.

Ц и т р у с. Так, свет горит. Тогда не горел. Включил.

С а з у р а *(сел).* Меня нет.

Ц и т р у с *(как бы себе под нос).* Чтобы и совсем тебя не было, я бы не был против… Я сказал… хорошо помню… Марусе я сказал, значит: извини, что решил у тебя кое-что прихватизировать. Это, значит, я к портрету обратился… Зачем тебе? Жила ты одна, твой мужик, Петька, в армии погиб… детишек не успели завести… Сама на тот свет потопала, тебе больше ничего не надо, а всё, что осталось в хатенке твоей, прахом пойдёт… Разрешаешь, Маруся? Ты слышишь меня или нет? Разрешаешь. Спасибо тебе. Ты всегда была хорошей женщиной. Я, если честно тебе сказать, хотел после тебя корову к рукам прибрать… *(Сазуре).* Я правильно говорю?

С а з у р а. Мне ли знать? Говори так, как говорил, когда воровал.

Ц и т р у с *(почесал за ухом).* Ну разве всё запомнишь с моей памятью? Тем более под мухой был?

С а з у р а *(удивлённо).*Так ты ещё и пьяный был?

Ц и т р у с. А какой бы дурак сюда трезвый полез?

С а з у р а . Та-а-ак... Это усложняет ситуацию. И намного усложняет.

Ц и т р у с. Почему?

С а з у р а. Отягощающие обстоятельства.

Ц и т р у с. Лишь бы что! Переписывайте наново закон. Ишь, что придумали – отя… отя… птьфу! Обстоятельства. Тут, наоборот, получается, что воровали вдвоём – я и водка. А почему отвечать должен один? Почему ей, водке, ничего, а всё валите, как и при царе, на бедного мужика? «Я мужык-беларус, пан сахі і касы…»

С а з у р а. Продолжай, продолжай.

Ц и т р у с. Вспомнил! Вспомнил, товарищ участковый! Как соседу признаюсь – трезвый был, ну-у! Конечно, трезвый! Как стёклышко! Клянусь! Я никогда даже таким трезвым не был, как в тот день! О, теперь вспомнил!.. *(Постучал пальцем по голове).* Иногда варит котел, а как же! Иногда соображает…

С а з у р а. Цитрус , твою мать!..

Ц и т р у с. Чего?

С а з у р а. Если бы только иногда соображал! Спьяну и в центр города прешься, чего спросить бы? На площадь?

Ц и т р у с. А–а, то когда было! Это я, товарищ участковый, хотел поинтересоваться у знающих людей… у нас тут, на окраине, у кого ни спроси, никто толком ничего не скажет…И что за народ пошел? Никто ничего… Так вот я и хотел осведомиться…Вы слушаете меня?

С а з у р а. А кого ж ещё? Тебя, и только тебя.

Ц и т р у с. Хотел осведомиться, значит, в Ратушу будут пускать по билетам или как?

С а з у р а *(ударил кулаком по столу).* Цитрус! По существу! Эксперимент! Следственный! А ты меня за нос водишь, как пацана!

Ц и т р у с. И зачем мне понадобился тот телевизор? Два ведь есть! И ни один не глядим – некогда… чуть до постели добираюсь. Про бабу забыл. Правда, и на кой хрен мне тот телевизор понадобился? Когда я зашёл телевизор воровать… взять… попросить и получить… мне показалось, что Маруся – жива… стоит перед столом и мне миску с картошкой подаёт… дымок прямо вьётся… тянется змейкой такой…. Бери, говорит, Цитрус, умни пару картошин… Нет, говорю, не за тем пришёл! Показывай телевизор! Не заслоняй! Отойди! И отодвинул её… она и ушла. И до сегодняшнего дня… Лучше бы не отодвигал её… от сериала мексиканского не отвлекал… жила бы, может… А вдруг – сон это?.. Хотя вряд ли… сам прикапывал… А потом как жрать– ну, невмоготу! И та картошка перед глазами стоит, зовет, кличет!.. К ней бы колбаски! Нашей, местной… Я ж последнее время на мясокомбинате работал…На дверях стоял… Показывай, что везете, что несете? Баб, которые покрасивее и пофигуристей, любил лапать… Облапаю, бывало, как хочу. Некоторые щекотки боятся, а другим… хоть где лазь… Одна старушка носит и носит под одежкой что-то… Как – что-то? Продукцию нашего любимого комбината. Видно же – на работу идет как на праздник, веселая

такая, а с работы – сама не своя: руки трясутся, ноги дрожат, губы дергаются, глаза моргают, как подключенные от электричеству.

С а з у р а. Ближе к делу.

Ц и т р у с. К какому? К нашему? Или к мясокомбинатовскому?

С а з у р а. И ты что ее, бабу ту, задержал?

Ц и т р у с. Задержал! Как не задержал? Задержал! Показывай, говорю, что несешь? *(Смеется).* Она это… во и сказать при Марьином портрете-то совестно… *(На ухо Сазуре).* Ага… И ручеек побежал…*(Смеется).*

С а з у р а. И что ж несла? Колбасу или сосиски?

Ц и т р у с. В том-то и дело, что ни первое и не второе…

С а з у р а. Не иначе, кусок мяса?

Ц и т р у с. И я так думал. А на деле оказалось, что старушенция та каждый день, уходя со смены, уносила под верхней одеждой одну кирпичину. Слыхал? Одну кирпичину! Всего лишь.

С а з у р а. Так она где работала?

Ц и т р у с. Как где? У нас, на мясокомбинате.

С а з у р а. А почему не на кирпичном?

Ц и т р у с. Да ей же не дом надо было строить, а всего лишь облагородить могилку мужа…

С а з у р а. Дальше, дальше давай. Эксперимент продолжается!..

Ц и т р у с. А на чем это мы остановились?

С а з у р а. Вошел, включил свет..

Ц и т р у с. Ага! Это ж точно так и было!.. И тут меня обуяло такое настроение, такой зов изнутри идёт… я только руки к телевизору, только взять его прицеливаюсь, а меня кто-то за ухо…

Сазура ходит, нервничает, курит, мнёт папиросы.

Ц и т р у с. Вас не было. Спрячьтесь. Спрячьтесь, спрячьтесь!

Сазура спрятался.

Ц и т р у с. И говорит голос: так тебе чего? Жрать захотелось? Да, говорю, сильно. А он: "А ещё чего?"–« Кушать» А он: "А ещё?"– « Лопать, трескать, рубать, уплетать, глотать, поглощать, закусывать, наворачивать, заправляться, шамать, кормиться, питаться, принимать еду – поэтому её и не хватает… Мир ждёт голод!..»

С а з у р а *(вышел из укрытия).* У меня сегодня на обед, между прочим, кролик тушеный. (Проглотил слюну).

Ц и т р у с. А у меня суп из кильки.

Пауза.

Ц и т р у с *(убитым голосом).* На чём это я остановился?

С а з у р а. Быстрее выноси свой телевизор!

Ц и т р у с. Так он что, мой все -таки и был?

С а з у р а. Был. Но всего два дня. Потом его снова поставили на то место, где он и стоял. Тебе всё понятно? Или, может, похмелиться надо, чтобы ты соображал нормально?

Ц и т р у с *(охотно).* А что, есть?

С а з у р а. Доведёшь, что отведу в кутузку на пятнадцать суток. Там запоёшь лазаря!

Ц и т р у с. Прости, Марья... это я ей тогда сказал... ты ведь больше телевизор смотреть не будешь, поэтому я решил попользоваться им... если невзначай вернешься, тогда я тебе потом его верну... в целостности. Как говорят, и в сохранности...

С а з у р а *(удивлённо).* Кто... вернётся?

Ц и т р у с. Но мне так говорилось! И вообще, зачем ей на том свете этот чёрно-белый... там у всех цветные...

С а з у р а. Ей, может, и не нужен. Но и ты не имеешь право брать чужое.

Ц и т р у с. Да мы ж соседи! Почти родня!... Её брат женат на моей троюродной сестре... она в горисполкоме в финотделе работала... У троюродной сестры мать вышла замуж за моего кузина еще до войны, а тогда сын кузина женился на первой дочери моего второго отца от третьего брака...

С а з а р а. Повтори!

Ц и т р у с. С удовольствием. Её брат женат на моей троюродной сестре... она в горисполкоме в финотделе работала...

С а з у р а. Чей брат?

Ц и т р у с. А я не помню. А, Марьи! Конечно же!..

С а з у р а. Пришел, увидел телевизор. Ну?

Ц и т р у с. Слюнки потекли...Ситуация сложная получилась... Вроде бы и чужое... вроде бы и своё... Но ей на кой там? Она что – жаловалась? Жаловалось? Вам? И вообще, кто заявлял на меня? Кто состряпал стряпню?.. Кто донес по телефону доверия?!.. Кому жить надоело?!..

С а з у р а. Не прикидывайся, Цитрус, безвинной овцой. А может у неё, у Марьи, наследники живут в самой Америке? Или в Аргентине? Возьмут и предъявят претензии – что тогда? Позор тогда нам всем будет! Позор! Волосы на голове покраснеют от стыда! А? А ты об этом думал?

Ц и т р у с. Когда куриного помёта в самогон Верка… вам ли говорить… добавляет, и мозги, видать, куриными делаются… Что, говоришь, аж в Америке? Родственники?..

С аз у р а. А то! Жизнь, сосед, – вещь сложная! Кто бы мог подумать, что Зинкин Сашка директором базы станет. А?

Ц и т р у с. Хотя правда. Только сомневаюсь я, что Марьино барахло кого-нибудь из Америки заинтересует.

С а з у р а. Там все жадные, скупердяи, поэтому и богатые. Не мы, транжиры. Так что примчатся, коли что, будь уверен. Вот пройдет шесть месяцев, и потом увидишь, как из-за этой хатки начнутся схватки…

Ц и т р у с. Рожать, никак, кто будет… если схватки?..

С а з у р а. Говори дальше, Цитрус!

Ц и т р у с. А что ж тут забирать? Хату разве? Так её тронь только – ветер унесёт. Участок хороший, не спорю, в городской черте уже мы… А из той Америки кто знать будет, что было у нашей Марьи? Пускай берут!.. *(Смеётся).* С чёрта два тут возьмут они что!..

С а з у р а. Правильно. Если ты пройдёшь со Стрелой.

Ц и т р у с. Может, сосед, по чарке… да и весь твой эксперимент? У меня можно найти, если хорошо поискать. Тебе моя баба даст.

С а з у р а. Это я знаю. *(Смерил глазами Цитруса, выпрямил грудь, крякнул).* Но сегодня ничего, кроме эксперимента. Только он! Мундиром дорожу. Хотя и пенсия в кармане, можно сказать…

Ц и т р у с *(зевает).* Что-то мне спать захотелось. Послушай, а почему здесь, на этом эксперименте, нет нашего колхоза? Корову-то кто забрал?

С а з у р а. Ну, колхоз.

Ц и т р у с. Вот и приводи сюда весь колхоз. Всё село. Знаю, что не поместятся все, а мне какое дело? Эксперимент для всех эксперимент. А то, вишь, Цитруса решили общипать, как петуха, до конца. Всё, давай справедливость! *(Садится).*

С а з у р а. Ну, хватит, хватит. Не дурачься, Цитрус.

Ц и т р у с. Как колхозу у Марьи можно, а мне – нет. Х-хэ! Умники! *(Встал, в движении).* И завсегда так! А с книжкой что сталось? Где мои, что копил? Тыщи где? Государство своровало! Оно! А вот если бы я у государства стырил хотя бы сотню по тем деньгам, меня бы на Марьиных похоронах не было. Факт.

С а з у р а. Я начальник маленький.

Ц и т р у с. Тогда пошёл! Пошёл!.. *(Отталкивает Сазуру, который не даёт ему уйти).*

С а з у р а. Наручники надену!

Ц и т р у с. Только и впрямь обидно… Колхоз, значит, может корову забрать, а я телевизор – нет? Это что, его, колхоза, собственность, корова? Вернуть и её тогда в хлев, если на то пошло. Вернуть!

С а з у р а. Корова – живое существо, её кормить надо. Ну, вернут. Ты будешь её кормить?

Ц и т р у с. Если поставите в мой хлев – с удовольствием! И корить, и поить буду! Сам не съем, а ей дам.

С а з у р а. Заладил, от заладил! Ну колхоз же – один! А вас, голодранцев, сколько? Где на всех коров наберёшься?

Ц и т р у с. С твоей колокольни вроде бы и правильно.

С а з у р а. Думать надо, думать! Я уже и сам не рад, что с тобой связался. Нет, чтобы кто другой телевизор своровал, так обязательно ты.

Ц и т р у с. Когда Марья жила, то сена ей колхоз на корову…вот! *(Ткнул фигу).*

С а з у р а. Опять ты к корове прицепился! Забудь её! Забудь! Она пошла прямым ходом на мясокомбинат. На тот, где ты на дверях стоял…

Ц и т р у с. Хотя бы памятник на те деньги Марьи, что ли, поставили, а?..

С а з у р а. Сегодня на один памятник стадо коров надо.

Ц и т р у с. Брехня. Подешевели. Значительно подешевели. *(Смекнул).* Так вот, бери ручку и составляй протокол, товарищ участковый… По-новому… Записывай, записывай!..

С а з у р а. Я и так все запомню, а дома, вечерком, оформлю… Наутро подпишетесь под сказанным.

Ц и т р у с. Тогда запоминай. Для какой цели я, то есть Цитрус, решил взять телевизор у Марьи? Отвечаю – для следующей: чтобы вырученные за телевизор деньги внести на памятник соседке Марье, значит. Куделькиной. Пойдёт так?

С а з у р а *(смеется).* Ну, артист!, Ну, фантазер! Так придумать ловко!..

Ц и т р у с. Ловчее уже некуда. На памятник. В полный рост. И рядом с ней корова… За поводок держит… И, значит, в руке доёнка..

С а з у р а. Ты никак хочешь сказать, что и Стрела… тоже на памятник брала сундук? Чтобы продать, а деньги на общак?..

Ц и т р у с. За нее не держу ответ.

С а з у р а. Мы, кажется, отклонились? Я за занавеску, а ты действуй, действуй, а не морочь мне голову!… *(Прячется).*

Ц и т р у с *(входит в роль вора).* Пригнулся… ага… хожу и думаю, чтобы прихватить. Телевизор на меня посмотрел. Он давно

на меня засматривался, должен сказать. *(Погладил телевизор).* Хороший ты мой, шельма. Мой! Он – мой! *(Взял простыню, замотал в неё телевизор, взвалил на плечо).* Порядок! Не обижайся, Марья. Пусть будет у меня три. Бог троицу любит. Стол на одной ножке не стоит. (Выключил лампочку). Надо было бы и лампочку прихватить. Не забыть бы. *(Выходит).*

С а з у р а *(включил свет).* Принято! Принято, Цитрус! Ты куда? Вернись!

Ц и т р у с. А куда теперь его? После эксперимента?

С а з у р а. Поставь туда, где стоял.

Ц и т р у с *(держит телевизор на спине).* Можно подумать, что нам всем от этого легче станет. Прямо петь захочется. Особенно обрадуется Марья, что её телевизор стоит на том же месте, как и раньше, когда она смотрела свои мексиканские сериалы, и, засыпая, видела себя в тех шикарных апартаментах, в красивых одеждах, каждый раз в новых…в бассейнах, ела разную вкуснятину и пила… Что они там хоть пьют, дьяволы? Не знаешь, участковый?.

С а з у р а . Поставь, я сказал, телевизор туда, где он и стоял! Порядок такой. Закон. Кодекс.

Ц и т р у с. Ну, поставил… *(Стер с крышки пылинки).* В сарае моем запылился, холера!.. А экран, вишь ты, моя коза, видать, языком лизнула? *(Протер рукавом экран).*

С а з у р а. И ты потом приходил сюда ещё несколько раз? Забрал топор, лопату, гвозди?

Ц и т р у с. Честно?

С а з у р а. В обязательном порядке.

Ц и т р у с. Хотел, но не успел. Запил. Поэтому не смог. А так забрал бы. Хорошо, что запил. А то пришлось бы показывать, как топор тот из-под печки доставал, как лопату полдня искал. Какой дурак придумал этот эксперимент? Извините, товарищ участковый… Сорвалось. Это ж вы и придумали.

С а з у р а. Так запил или врёшь?

Ц и т р у с. Не верит! Он не верит! Это на работе я говорил, что болел все три дня, а тебе говорю, что запил. Разве ж я в школу не ходил и не знаю, кому что говорить? Я свободен?

С а з у р а. Нужен будешь – зайду. Кстати, где твое сейчас основное место работы?

Ц и т р у с. Уволили. По собственному желанию…

С а з у р а. Из мясокомбината?

Ц и т р у с. У, когда то было!.. Последнее место работы – стройка. Объект.

С а з у р а. Тоже… по собственному?..

Ц и т р у с. За то, что не поверили.

С а з у р а. Как это? Объясни.

Ц и т р у с. Как, как? Привезли две бочки белой краски. Понятное дело, одну надо… ну, сами понимаете… где кто… там и того… Ага… Одна, значит, бочка наша. А что придумать, чтобы и комар, как говорится, носа не подточил. Мы хотя и университетов не кончали, а кое-что умеем. Так сказать… не лыком шиты… Загнали бочку, как и следовало ожидать… А лошадке, она у нас на подхвате, морду мелом побелили… и чуток это от бочки поставили… в сторонке… И прорабу как бы жалуемся: беда, Егорович, лошадка бочку белой краски выпила… Вон, глянь… А он как заматерится: быстрее ветврача вызывайте, олухи, такой труженицы можем лишится!.. А Колька, был у нас такой, успокаивает прораба: да ты не переживай, Егорович. Ничего с ней не случится – она ведь на прошлой неделе машину кирпичей сожрала – и хоть бы что!..

С а з у р а. Так и запомним: безработный.

Ц и т р у с. Все же телевизор не там стоит… Чтобы он больше никого не соблазнял, я спрячу его там, участковый, где и ты прятался… *(Взял телевизор, который намеревался отнести во вторую половину дома, и споткнулся. Из телевизора выпал какой-то сверток).* Ё- мое! Бляха! У-у-у! Своей смертью у нас не умрешь, пока есть мастера проводить следственные эксперименты!..

С а з у р а *(поднял сверток).* Что здесь? Сейчас, сейчас посмотрим…*(Вскрывает сверток, там бумаги).* Бумаги. Письма какие-то или что?..

Ц и т р у с. А я думал – деньги… Стоило рисковать, падать? (Вдруг замечает среди бумажек крест, который участковый старается спрятать от Цитруса). Куда, куда прячешь, участковый? Э-э, нельзя так, нельзя!..

С а з у р а . И совсем не прячу. Но должен предупредить: ты ничего не видел.

Ц и т р у с. Я?! И чтобы не видел?! Тогда Цитрус не был бы Цитрусом!..

С а з у р а. Разобраться надо… Здесь столько всего… как в музее… Карточки, документы старухи…

Ц и т р у с. Глянуть хоть можно?

С а з у р а. После эксперимента.

Ц и т р у с. А давай поменяемся местами? Я буду милиционером…

С а з у р а. А я кем?

Ц и т р у с. А ты будь им тоже, но таким милиционером, который хотел умыкнуть крест…

С а з у р а. На, держи, что б не говорил! *(Подал Цитрусу крест).* А то и меня злоумышленникам сделаешь.

Ц и т р у с. Как некоторые лица при должностях сделали меня, между прочим. Вишь ты, какой крест! Да здесь что-то и написано. А он, случайно, не золотой?

С а з у р а. Поэтому и не болтай никому… Понял?

Ц и т р у с. Никому. Слово.

Са з у р а. Я сам разберусь…в городе покажу, кому надо…

Ц и т р у с *(присвистнул).* Ну, блин, даешь! А если там подменят? Вместо золотого подсунут позолоченный? Или сам обмишуришь меня и государство?

С а з у р а. Ну, ты-ы!.. Знай!..

Ц и т р у с. А то я мало на свете пожил, ничего не видел и не слышал. Крест будет у меня.

С а з у р а. Дай сюда! *(Протянул руку).*

Ц и т р у с.. Не пропью.

С а з у р а. Пропьешь!

Ц и т р у с. Сказал, что нет, значит, нет!

С а з у р а. А с бумагами этими как разобраться? Попробуй тут! Кто у нас специалист? *(Читает).*

Ц и т р у с. Я покурю.

С а з у р а. Ты ж не куришь. Верни крест!

Ц и т р у с. Кому?

С а з у р а. Мне.

Ц и т р у с. А ты кто такой?

С а з у р а. Я тебе так напомню, кто я такой, что ты меня вся жизнь будешь помнить!

Ц и т р у с. Ты и так в моих печенках сидишь.

С а з у р а. Пока про находку – никому! А то и действительно много родственников и знакомых найдется!.. Власти разберутся... Понял?

Ц ы т р у с. Ну, если так... рот – на замок!..

Появляется Стрела.

С т р е л а. Все, мое терпение лопнуло! Хватит! Или сейчас проводишь свой эксперимент, или увидишь только хвост Стрелы!..

С а з у р а. Заходи, тетка.

Цитрус юркнул из комнаты.

(Вслед Цитрусу). Далеко не отходи, Петр Титович!

С т р е л а *(удивленно).* А что, Цитруса Петром разве звать? Титовичем? А я и не знала. С чего б так? А, участковый? С чего б вдруг и Петром, и Титовичем? С какого времени?

С а з у р а. С этого, с этого времени, если так интересно. А сейчас твоя очередь, Стрела. Извини. Сейчас твоя очередь, Клавдия Петровна Стрельникова. Делай всё так, как делала, когда воровала сундук. Тютелька в тютельку.

С т р е л а *(робко).* Мне, между прочим, Марья завещала сундук. Это надо учесть.

С а з у р а. Документ есть?

С т р е л а. Да кто ж думал, что она так быстро окочурится?

С аз у р а. Нет. Ну вот, видишь? А поверить трудно. Нет оснований. Да хотя бы и поверил, толку- то что? Слово к делу не

пришьёшь. Так и Цитрус вон мог сказать: мне она телевизор завещала. И каждый! Да-да! И каждый!

С т р е л а. Когда ж сильно мне сундук понравился. Роскошный. Крышка хорошенькая, плотная. А то в шкаф моль лезет, перепортила всё лучшее, что осталось. Всю жизнь я завидовала на этот сундук. И когда Марья померла, так обрадовалась, так обрадовалась!..

С а з у р а *(раскрыв от услышанного рот).* Вы были рады, что Марья умерла?

С т р е л а. Я не смерти обрадовалась – сундуку.

С а з у р а *(проглотил таблетку).* Дальше, дальше. Я уже представил вас в тот момент…

С т р е л а. Как только Марья умерла, я и место приготовила под сундук… сразу… первым делом. Подмела. Подмыла. В уголочке. Под божницей. Скатерть подготовила.

С а з у р а. А пока покажите, как вы совершали преступление.

С т р е л а. Ой, какое ж это преступление! Лишь бы что!

С а з у р а. И Цитрус так говорит.

С т р е л а. Думайте, что хотите. А показать покажу.

С а з у р а. Это и требуется.

Стрела выходит и заходит. Начинает быстро ходить по комнате.

С т р е л а. Что бы ещё прихватить? Ага! Это у меня есть! Это тоже. Этого два… Нет, только сундук! Я баба честная! Мне много не надо! Домой его, сундучок родненький! *(Пробует поднять, но не может. Она и так его, и этак – не получается, недоуменно смотрит на Сазуру).*

Сазура с хитрецой во взгляде улыбается.

С т р е л а. Что ж это? Почему ж? Как это понять? *(Оставила сундук в покое).* Люди! Я же тогда схватила его, как мешок картошки, и попёрла. А сейчас не смогла. Не смогла сейчас.

С а з у р а. Хитришь, Клавдия Петровна. Кто с тобой ещё был?

С т р е л а. Никого. Я же сказала. Сама взяла и понесла.

С а з у р а. Бери – неси. Бери, бери!

С т р е л а. А сегодня не получается. Не могу поднять, с места сдвинуть. Вы ж видели… Чудеса какие-то!

С а з у р а. Чудес на свете, Клавдия Петровна, не бывает.

С т р е л а. Адам Карпович! Вы что, мне не верите? Сама понесла! Сама! И что это со мной? Ой! *(Схватилась за бок,*

скрючившись). Спасите… За Марьей… за Марьей иду… кажется… Я ещё живая, Адам Карпович?

С а з у р а. Нет. Ты уже – там! *(Ткнул пальцем в землю).*

С т р е л а. Шутите? Ой! *(Пошатнулась и упала).*

С а з у р а. И впрямь умрёт… Будет тогда мне за этот эксперимент нагоняй. (Суетится). Воды… Воды… *(Кричит).* Цитрус!

Ц и т р у с *(появившись).* Чего, сосед? *(Увидев Стрелу, перекрестился).* Вот тебе и сундук пригодился…из четырёх досок.

С а з у р а. Воды! Видишь?

С т р е л а *(быстро вскочив).*Так что, если бы я, к примеру, а, товарищ участковый, померла во время этого эксперимента, то тебе был бы нагоняй? *(Цитрусу).* Воды не надо. *(Сазуре).* А? Почему ж это ты, участковый, молчишь? Самовольничал, значит?

Ц и т р у с. Вот дает, а!

С а з у р а. Закурить… у кого… есть?

Ц и т р у с. Если б знал, что тебя подвернется случай угостить, участковый, носил бы в кармане…

Незаметно для всех на пороге появляется Племянник.

П л е м я н н и к. У меня есть. *(Подходит к Сазуре, угощает сигаретой).*

С а з у р а *(вернул сигарету назад).* Спасибо. Свои есть. Только здесь курить нельзя. Марья запах не переносила.

Ц и т р у с. Это ты правду сказал, участковый. Она меня, можно сказать, и отучила от дурного дела.

П л е м я н н и к *(засунул сигарету назад в пачку).* Пригодится. Здравствуйте!… С этого надо было бы начинать…

С т р е л а. Ходят тут всякие!..

Ц и т р у с. Здорово!

С а з у р а. Не из наших ли будешь?

Ц и т р у с. Наши не курят!

П л е м я н н и к. Из наших. Только вот кое-кто встречает недружелюбно. Кажется, я плохого ничего не сделал? Просто зашел…

С т р е л а. И хорошего тоже….

П л е м я н н и к. Ладно. Прощаю.

Ц и т р у с. Принимается.

С т р е л а. А вот на кого-то похож, а на кого – не вспомню… *(Рассматривает Племянника).* Погоди, погоди!..

П л е м я н н и к. Вы, я вижу, соседи… друзья моей тети Марьи…Я ее племянник…

С а з у р а. Что ж, будь, как гость…

П л е м я н н и к. Гость? В доме тетки?

С т р е л а. А тетки, к твоему сведению, уже нет.

Ц и т р у с. Померла, померла Марья.

П л е м я н н и к. Нам передали…

С а з у р а. И мне интересно стало. Ну, ну. Кому это – нам?

Ц и т р у с. Им!

С т р е л а. Отвечай!

П л е м я н н и к. Отцу. Матери. Мне. Мы в Речице живем.

Ц и т р у с. Фу-у, так это ж рядом! А я уже испугался, что из Америки будешь. Капиталист. Наследник, думал. Слава господи! *(Перекрестился).* А что ж это я тебя, землячек, первый раз вижу, а? Сейчас, сейчас я вспомню, кто это… Его батька – Марьин брат… меньшой. Николай, кажется?

П л е м я н н и к. Правильно. Он.

С т р е л а. Они не дружили. Черная кошка между ними пробежала.

П л е м я н н и к. Было, было такое…Что-то не заладилось в отношениях… Приехал вот посмотреть, что тут после тетки осталось.

С т р е л а. Сначала спросил бы, как тетка умерла, легко ли… трудно… кто гроб мастерил… яму копал…

П л е м я н н и к. А что интересного в этом? Быт! Зачем спрашивать? На лавке лежать не будет…

С т р е л а. Ай-я-яй-яй!

Ц и т р у с. Чего ты "айкаешь?" Это наш завтрашний день… Слетятся тоже, как мухи на мед… Стоит только обмолвиться – из всех щелей повыползают…

П л е м я н н и к. Вы как хотите… можете меня осуждать, корить, унижать… но я должен посмотреть, что здесь осталось. Последние наследники – мы! (Знакомится с тем, что осталось в доме). Себе в общежитие я телевизор возьму…

Ц и т р у с *(плюнул).* Провел, провел ты, участковый, не эксперимент, а меня вот с Марьей…

С т р е л а *(Племяннику).* Может, тебе и сундук приглянулся?

П л е м я н н и к. Этот?

С т р е л а. А больше здесь сундуков нет.

П л е м я н н и к. А чего? Крепкий. Старикам сгодится.

С т р е л а *(села на сундук).* Только со мной! Не сойду! Адам Карпович, дай наган! *(Протянула руку).*

П л е м я н н и к *(достал из кармана замок).* Можешь, тетка, не сторожить. Я замок прихватил.

С а з у р а. Знаешь, парень, бери свой замок и дуй, дуй отсюда!..

П л е м я н н и к. И это говорит мне человек в форме?

С а з у р а. И это говорю я.

П л е м я н н и к. Не много ли на себя берете?

С а з у р а. А где вы были со своими папами и мамами, когда вот эти люди *(показал на Цитруса и Стрелу)* твоей беспомощной… полуслепой тетке и огород обрабатывали, и корову пасли, и дрова заготавливали, чтобы зимой на печке не замерзла? Где?

Ц и т р у с. Где, у тебя спрашивают? Она, между прочим, померла, а мне должна осталась… бутылку. За дрова. Может, ты отдашь? Верни, верни бутылку! *(Схватил за грудки племянника).* Если ты единственный наследник, тогда и по долгам соблюдай справедливость! А?

С а з у р а. Отпусти его, Михаил.

С т р е л а. А я, будь мужиком, и морду набила бы такому племянничку. Ей-богу!

П л е м я н н и к. Чего это вы все мне тут угрожаете? Товарищ милиционер, примите меры.

С а з у р а. Не вижу криминала.

С т р е л а. На могилку сходил? Или первым делом сюда?

П л е м я н н и к. Хватит, хватит мне мораль читать? Сами с усами. Грамотные. Мы, мы единственные наследники! Мы! И точка! Завтра пригоню машину – и будь здоров! Захочу, и дом перевезу. Не укажете. А чего, и перевезем. На дрова сгодится… А землю продадим. Сейчас она в цене. Сами знаете.

Ц и т р у с. Падла ты, падла!… Скажи спасибо, что я уже унес… пометь, участковый… кочергу… а то я бы тебя отходил ею, что и мать родная не узнала бы. Вон!

С а з у р а. Он правильно говорит.

Ц и т р у с. Уходи! И чтобы мои… наши, наши чтобы глаза тебя не видели!..

П л е м я н н и к. Не пойду. Подвинься, тетка! *(Сел рядом со Стрелой).*

С т р е л а. А еще культурный человек. Одеколоном каким непонятным воняешь-то!..

П л е м я н н и к. Воняю, воняю..

С а з у р а. Цитрус! Клавдия Петровна! Я видел, как вы жили рядом с Марьей… как родные жили. Часто видел вас на ее огороде… когда болела, то приходили… ухаживали… лекарства приносили… Цитрус вот гроб сделал из своих досок…

Ц и т р у с. Для себя берег. Слава Богу, пронесло. Но снаряды, заметьте, ложатся всё ближе и ближе…

С а з у р а. Поэтому берите все, что понравится вам. Ну, разжалуют… снимут погоны… пенсион у меня есть… так что не страшно. Берите, берите!

П л е м я н н и к *(соскочил, нервно и суетливо).* Уходите! Не дам! Очистите дом, я сказал!

С а з у р а. Ну, чего стоите?

Цитрус взял телевизор, Стрела – сундук.

С т р е л а *(радостно).* Подняла! Подняла!

Ц и т р у с *(весело).* Это потому, что домой прёшь!

П л е м я н н и к *(встречает Цитруса и Стрелу в пороге, преградил дорогу).* Куда-а? Не пущу-у-у! Поставьте все, что взяли, на свои места!.. Вы что, оглохли? Я кому говорю?!..

Словно из дымки выходит Марья.

М а р ь я. Пропусти их, племянник… Пропусти… Пропусти…

Все поворачиваются к Марье.

Затемнение.

П р о л о г

У сундука и телевизора стоят Сазура, Цитрус и Стрела.

С а з у р а. Вопросы ко мне имеются?

Ц и т р у с . Нет, нету их самых!.. У матросов нет вопросов!.. Хотя – погоди, участковый! *(Взял телевизор, показал всем, что там внутри: пусто).* Опоздал я, оказывается. Не с теми, не с теми ты, участковый, проводил следственный эксперимент. Но как же они тогда крестик не заметили? Ума не приложу.

С т р е л а. Вспомнила! Она ж новый купила… незадолго… с пультом… телевизор-то.

Ц и т р у с. Точно, точно: было дело. Вот видишь, участковый?..

С а з у р а. Прошу прощения, если что было не так. Всё, что нашли в тайнике в телевизоре, передадим, куда и следует. А за то, что ты, Цитрус, не пропил золотой крест, – хвалю.

Ц и т р у с. Я ж… я ж много чего набрехал тебе, участковый… И про мясокомбинат. И про стройку… Чистая брехня!..

С а з у р а. Да это я знаю.

Ц и т р у с. Чего ж тогда слушал, разинув рот на длину своего пистолета?

С а з у р а. А интересно было. Ты неплохой человек, Цитрус. И где работаешь, тоже знаю... Не передовик, но и не в хвосте, как говорят, плетешься.

Ц и т р у с. Тебе, Адам Карпович, захотелось побывать на месте могилевского Шерлока Холмса, почему тогда я не могу побывать в роли доктора Ватсона?..

С а з у р а . Твоя правда, Петр Игнатьевич. Только у нас комедия получилась.

С т р е л а. И грустная комедия...

Ц и т р у с. Но ничего произведение вышло!.. Будет что вспомнить!..

С т р е л а А сундук я возьму, если вы против не будете?

С а з у р а. Не будем.

Ц и т р у с. Я тебе его домой отнесу, Стрела, если сто грам нальешь?

С т р е л а. Неси! Так и быть, уговорил! Разве ж без вас, мужиков, проживешь? Особенно в мои-то годы!..

Цитрус уносит сундук. Стрела идет рядом, старается помочь ему, но только путается под ногамиi.

САЗУРА. А я – на службу!.. *(Козырнул и ушел).*

З а н а в е с.

1995, 2012

БУРНАЯ ЖИЗНЬ ЛАЗИКА РОЙТШВАНЕЦА

Пьеса в двух действиях

по одноименному роману Ильи Эренбурга

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а:

Р о й т ш в а н е ц.

П р е д с е д а т е л ь (суда).

Л е в к а.

А н г л и ч а н и н. один актер

Ж а н д а р м.

Х о з я и н.

Г о л ь д б р у х.

Г у р е в и ч (прокурор).

Б о р и с С а м о й л о в и ч.

Р о т м и с т р. один актер

М и т ь к а.

Ш в е й ц а р.

А б р а м ч и к.

Л а н д а у.

П а с с а ж и р. один актер

П а с с а ж и р п а р о х о д а.

Л е в к а .

Н а т и к.

П ф е й ф е р.

М и н ч и к. один актер

С т о р о ж.

М о с к в и ч .

Ч е б ы ш е в.

В а с и л ь е в.

П е т р о в. один актер

С т о й к и й.

Г о р н и ч н а я.

П у к е.

Д у н я. одна актриса

Н ю с я.

Д р е к е н к о п ф.

М а р г о.

Ф е н я. одна актриса

Д е в у ш к а.

Д е в у ш к и (танцовщицы).

Д е й с т в и е п е р в о е

Г О М Е Л Ь

О т а в т о р а. Жил-был когда-то в Гомеле портной Лазик Ройтшванец. Про его бурную жизнь и пойдёт наш рассказ. Но сначала давайте поближе познакомимся с нашим героем. Вот и фамилия у него, как вы заметили, совсем не такая, как у многих

гомельских евреев: Ройтшванец. Из-за нее, фамилии, человеку тоже немало приходилось терпеть. Почему, скажем, Раечка прогнала его? Из-за прыщика? Спросите Лазика, он вам ответит: «Прыщик - глупости, прыщик всходит и заходит, как какой-нибудь гомельский комиссар». А фамилия... Можно ли гулять под ручку с человеком, у которого такая глупая фамилия? «С кем идет Раечка?» - «Да с Ройтшванецем...» - «Хи-хи».

Ничего! Пусть смеются, Лазик хитрее их. Когда Лазика вызывали для заполнения сорок седьмой анкеты в комхоз и тоже удивились, что у него такая редкая фамилия, он им объяснил все доходчиво и понятно.

Р о й т ш в а н е ц *(появившись).* Да, да: я имею фамилию Ройтшванец. Запишите. Почему вы удивляетесь, товарищ Горбунов? Простите, но это опытно-показательная фамилия. Другие теперь приделывают себе слово «красный», как будто оно у них всегда было. Вы нездешний, так я могу вам сказать, что столовая «Красный уют» была раньше всего-навсего «Уютом», а эта улица Красного Знамени называлась даже совсем неприлично - Владимирской улицей. Если вы думаете, что «Красные бани» всегда были «красными», то вы, простите меня, ошибаетесь. Они «покраснели» ровно год тому назад. Они были самыми ужасными «Семейными банями». А я от рождения - Ройтшванец, об этом можно справиться у казенного раввина. Но я вижу, что вы ничего не понимаете, так я объясняю вам: «Ройт» - это значит «красный». Так... А что же значит «шванец»? Достаточно, если половина что-нибудь значит. Это пустой звук.

Затемнение.

С У Д

На скамейке сидит Ройтшванец. Перед ним - Председатель, прокурор Гуревич, свидетельница Пуке. В полуосвещенном помещении сидят любознательные.

Р о й т ш в а н е ц. Виновен? Я виновен? Если в чем-нибудь виновен, то только в том, что я живу. Но в этом я тоже не виновен. В этом виновны смешные предрассудки и ужасная холера. Если бы не было холеры, не было бы вовсе Лазика Ройтшванеца, и тогда я спрошу вас, гражданин председатель, что бы делала эта

ненормальная гражданка Пуке? Я родился, потому что смешно было мерить аршином кладбище, потому что было такое несчастье, что его нельзя было измерить никаким аршином. Вы не понимаете, в чем дело? Это очень просто. Тогда была большая холера, такая большая, что почти все евреи умерли, а те, что не умерли, не хотели умереть. Теперь для этого существует народный губздрав и даже сам товарищ Семашко. Но тогда несознательные евреи думали, что если обмерить кладбище аршином, кладбище перестанет расти. Они мерили и мерили, а кладбище росло и росло. Тогда они вспомнили, что если нельзя надуть смерть, можно ее развеселить. Они нашли самого несчастного еврея, Мотеля Ройштванеца. У него не было за душой медной копейки. У него была только печальная фамилия. Он стирал постыдное белье, и в Пурим он разносил из дома в дом роскошные подарки за какие-нибудь пять копеек. Словом, он мог бы мог преспокойно умереть от холеры, и никто бы не жалел об этом. Но он как раз не умер. Богатые евреи наши Мотеля Ройштванеца, и они наши самую несчастную девушку. Они сказали: «Мы дадим вам тридцать рублей, мы дадим курицу и рыбу, но вашу свадьбу мы справим на кладбище, чтобы немножко развеселить смерть». Я не знаю, веселилась ли смерть и веселились ли евреи, ведь у жениха был кроме печальной фамилии большущий горб, а невеста была, говоря откровенно, хромая. Я не знаю даже, кончилась ли холера, но одно я знаю, что родился я, Лазик Ройтшванец, и в этом, кажется, единственная моя вина.

П р е д с е д а т е л ь. Может быть, вы все же скажете нам, что делали одиннадцатого июля в семь часов пополудни?

Р о й т ш в а н е ц. Я шёл к члену клуба «Красный Прорыв», к товарищу Фене Гершанович. Перед этим я утюжил брюки, а после этого я сидел, как настоящий злодей в тюрьме с решеткой.

П р е д с е д а т е л ь.. Однако, прочитав обращение к трудящимся, вы демонстративно выразили свои контрреволюционные чувства.

Р о й т ш в а н е ц. Как я мог выразить свои чувства, если я их вообще не выражаю? Вы думаете, что я торжественно хохотал, когда пали цепи самодержавия и когда околоточный Богданов сидел у нас на дворе под кадкой? Нет, я и тогда говорил себе: пусть издает возгласы Левка-парикмахер, он все равно ничего другого не умеет делать. Я не выражал, хотя тогда все выражали. Я - сплошная загадка, и ни гражданка Пуке, ни вы, гражданин

прокурор, никто на свете не знает, какие у меня, может быть, в душе чувства. Кому интересно, что у маленького портного внутри? А если вы все-таки будете настаивать, я прямо скажу вам: можно вывернуть пиджак, но не душу. Я шел к товарищу Гершанович, и я ровно ничего не выражал. Вы спросите, почему я вздохнул, прочитав это «Обращение ко всем трудящимся»? Как же я мог не вздыхать? Ведь это же было воззвание для вздохов. У меня висел на стене портрет товарища Шмурыгина. Я занимаюсь политграмотой. Я могу сказать вам наизусть хоть сейчас все произведения товарища Шурки Бездомного. Если же случилось такое несчастье, и я, Лазик Ройтшванец, попал на эту черную скамейку подсудимых, то я вам признаюсь, что пфейферские брюки я действительно скрыл от гражданина фининспектора. Я показал восемьдесят вместо ста пятнадцати. Это составляет ровно тридцать пять рублей разницы. За это меня можно оштрафовать, и я только вздохну, как тогда у забора. Но нельзя меня судить за оскорбление герба и флага, когда там не было ни герба, ни флага, а всего-навсего гражданка Пуке, и то я ее ничем не оскорблял.

П у к е. Врёт. Как и на предварительном следствии, я повторяю свои показания: подсудимый подбежал к воззванию, прочитал его и, нагло расхохотавшись, издал бесстыжий возглас, который, ввиду кампании по борьбе с хулиганством, не надлежит даже воспроизводить.

Р о й т ш в а н е ц. Я же говорил, что она или ненормальная, или глухонемая. Натик действительно наклеивал бумажку. Я действительно подошёл и прочитал. Зачем же наклеивают бумажку? Чтоб ее, кажется, читали. После этого я вздохнул…

П р е д с е д а т е л ь. Слово имеет прокурор….

Г у р е в и ч. Гражданин Ройтшванец - гнилой продукт клерикального оскопления личности. Он хочет на словах влить новый сок в старый мех, но, конечно, это типичное шкурничество. Неожиданное признание в злостном обмане органов государственной инспекции кидает новый свет на этого переодетого волка. Его заверения, что воззвание было вывешено для каких-то вздохов, всецело совпадает с инсинуациями белогвардейской прессы, в то время как бескорыстные показания гражданки Пуке продиктованы исключительно ее классовой смелостью. На основании всего этого я считаю необходимым подвергнуть гражданина Ройтшванеца исправительной мере…

Л а н д а у. Современной науке известны галлюцинации слуха, так сказать, акустические миражи пустыни. Арабы видят оазисы. Узник слышит пение соловья. Я не хочу кидать тень на гражданку Пуке. Но я подвергаю ее слова строго научному анализу. Конечно, Лазик Ройтшванец - дегенерат. Я настаиваю на медицинской экспертизе. То, что он называет «вздохами» - чисто патологическое явление. Быть может, мы имеем дело с тяжелой наследственностью. Брак, заключенный на кладбище, согласно евгенике, способен дать ненормальное потомство. Вы должны обвинить еврейскую буржуазию, создавшую талмудические школы и другие средства порабощения пролетариата, вроде оскорбительного венчания среди могил, но в порыве великодушия победившего класса вы должны оправдать этого несчастного кустаря-одиночку.

П р е д с е д а т е л ь. Не хочет ли добавить что-нибудь ко всему сказанному подсудимый?

Р о й т ш в а н е ц. Что же мне сказать после стольких умных речей? Когда лев разговаривает с тигром, кажется, зайцу лучше всего молчать. Я хочу только внести одно маленькое предложение. Товарищ Гуревич партийный и товарищ Ландау тоже партийный, и у них вышла между собой небольшая дискуссия, как у нас в клубе кустарей-одиночек. Так я им предлагаю мировую. Если, например, товарищ Гуревич хочет, чтобы меня посадили на шесть месяцев, а товарищ Ландау хочет, чтобы меня вообще отпустили домой, то я предлагаю сделать ровное деление и посадить меня на три месяца. Тогда все будут довольны, даже гражданка Пуке. А если я буду недоволен, то я же утаил пфейферские брюки и все равно я, как сказал товарищ Гуревич, гнилой продукт. Конечно, я предпочитаю, чтобы послушались товарища Ландау и отпустили меня домой. Я даже обещаю никогда больше не вздыхать и заниматься одной китайской проблемой всю мою недолговечную жизнь. Но, с другой стороны, я боюсь, что вы можете послушаться товарища Гуревича... Это же сплошная лотерея! И тогда мне будет совсем плохо. Вот почему я предлагаю вам немедленно пойти на мировую и, хорошенько высчитав все, дать мне как можно меньше месяцев, потому что меня ждут, наверное, какие-нибудь небольшие заказы, а также надежда на отзывчивость товарища Фени Гершанович. А без надежды и без заказов я могу умереть. Но ведь этого не хочет даже товарищ Гуревич, потому что все граждане, кроме некоторых отрезанных веток, должны жить и дружно цвести, как цветут безответственные деревья на крутом берегу нашего судоходного Сожа!

П р е д с е д а т е л ь. Хватит! Он, я опять повторюсь, заговаривает нам зубы! В тюрьму его!..

Т Ю Р Ь М А

За решеткой. Лазик здесь не один - с Левкой-парикмахером.

Р о й т ш в а н е ц. Кто же еще умер на свободе, Левка? Может быть, этот португальский бич?

Л е в к а. При чем тут португальский бич, когда мы живем, кажется, в Гомеле? И никто не умер, кроме старика Шимановича, но он все равно должен был умереть, потому что ему было восемьдесят два года. А у Хасина родилась дочка, чтобы он знал, как продавать мокрый сахар. Но я здесь вовсе не потому, что Шиманович умер, и не потому, что у Хасина родилась дочка. Это же мелкая семейная чепуха, а я здесь по делу чрезвычайной государственной важности. Я влип из-за... я влип из-за этой самой бочки... *(Зажал нос).* Мне кажется, она и тут воняет...

Р о й т ш в а н е ц. Кто бы мог достать для города трубы, чтобы не возить все неприличное в бочках?

Л е в к а. Прямо на улице, зажав нос, я возмущенно завопил: «Чтоб они сдохли с этой невыносимой бочкой!»

Р о й т ш в а н е ц. Если ты только издал возглас, почему же тебя посадили? Ты ведь всегда это делаешь. Я думаю, Левка, что здесь дело совсем не в бочке.

Л е в к а. Кто тебе говорит, что дело в бочке? Конечно, дело не в бочке: бочка ездит каждый божий день. Дело в какой-то гражданке Пуке. Она заявила, будто бы я произнес целую демонстративную речь.

Р о й т ш в а н е ц. Я ведь тоже влип из-за гражданки Пуке. Это какая-то перепуганная женщина. Но я спрашиваю себя, если она будет еще долго гулять по улицам Гомеля, то как же мы будем здесь шевелиться? Пока нас только двое, но завтра может быть девять, десять... Я теперь буду всю ночь думать, в чем же здесь дело и чего она боится, эта гражданка Пуке: румынского вмешательства или какой-нибудь кулацкой неувязки? Слушай, Левка, раз ты попал сюда, пожалуйста, сейчас же побрей меня, чтоб я не так много думал.

Л е в к а. И хотя я шел брить больного Осю Зайцева, бритву у меня отобрали. Оказывается, они боятся, чтобы я не покончил с собой. Смешно! Вдруг из-за какой-то Пуке Левка станет резать себе шею. Но если ты хочешь, Лазик, я могу тебя намылить, потому что они позволили взять мне с собой кисточку. У тебя, конечно, останется борода, но тогда ты сможешь думать, что у тебя больше нет бороды.

Р о й т ш в а н е ц. И тогда у меня больше не будет бороды?

Л е в к а. Не будет. Хотя она вроде бы и будет…

Левка долго мылил бороду Лазику, а потом уснул. Слегка похрапывает.

Р о й т ш в а н е ц. Я уже все понял. Ты знаешь, в чем дело? В этом самом режиме экономии. Она вовсе не боится ни румын, ни неувязки, она только боится, чтоб ее не сократили, потому что теперь всюду беспощадно сокращают неподвижных сотрудников. Конечно, даже такая Пуке хочет кушать курицу и рыбу. Это совсем понятно, и я думаю, что мы не должны на нее сердиться, нет, мы должны ей выдать замечательный аттестат, как на сельскохозяйственной выставке.

Молча входит одноглазый Натик, ищет, куда бы присесть.

Р о й т ш в а н е ц. Это замечательно, что тебя посадили, Натик. Во-первых, теперь некому будет наклеивать воззвания, и этой гражданке Пуке придется придумать какой-нибудь новый фокус; во-вторых, нас теперь уже трое… не буди Левку-парикмахера, он меня брил и выбился из колеи… Четвертый это сторож. Хоть он и уверяет, что он какой-то закавказский грузин из полусамостоятельной федерации, я думаю, что он скорей всего мой двоюродный племянник из Мозыря и что его настоящая фамилия Капелевич.

Появляется Митька Райкин.

М и т ь к а. Ну, что скажете?

Р о й т ш в а н е ц. Нас уже трое. *(Разглядывает костюм на Митьке).* Это самая настоящая контрабанда, может быть, из восьмидесяти рублей за аршин. Скроено не так уже важно. Кроил, наверное, Цимах: это не портной - это сапожник. Чтоб испортить такой материал!

М и т ь к а. Это же сплошной анекдот! Чтоб меня посадили за решетку, как обыкновенного бандита! Я же выдал пять червонцев в пользу этих самых китайцев. Я, кажется, должен строить не кафешантан, но просветительный киоск, четыре раза одобренный центром. Если вас, например, посадили, так, наверное, вы сделали что-нибудь противозаконное.

Р о й т ш в а н е ц. Да, я что-то сделал... Я вздохнул в присутствии гражданки Пуке.

М и т ь к а. Вот видите - это, наверное, составляет полное оскорбление нравов. Вас посадили за ваше дело. А меня за что? Они придумали такую смешную историю, что я бы смеялся до упаду, если бы не сидел в этой невыносимой тюрьме. Вы послушайте: если я хочу, чтобы «Укрспичка» купила арифмометры у меня, а не у Шварцберга, я должен дать заведующему двадцать процентов. Это совсем обыкновенная операция. Что же происходит? Сначала он хочет сорок процентов, как будто он не в губернском городе, а на большой дороге. Когда я ответил деликатно «нет», он покупает арифмометры у низкого Шварцберга. А потом меня хватают, как будто я зарезал живого человека, и кидают в этот невыносимый острог. Когда я спрашиваю, за что такие терзания, они отвечают мне: «Вы, Райкин, настоящий взяточник». Это же глупо называть обыкновенную операцию таким уголовным именем. Я вовсе не дурак, и я хорошо понимаю, в чем дело. Заведующий «Укрспичкой» - кошмарный антисемит. Это раз. Следователь готов съесть живьем каждого еврея, несмотря на все их замечательные декларации. Это два. И заступиться за меня некому. Остается сидеть и вздыхать.

Р о й т ш в а н е ц. Сидеть вы, конечно, можете. Но вот вздыхать вам не советую. Если вы обязательно хотите выразить свое негодование, лучше чихайте, как вы теперь чихаете, только не вздыхайте. Товарищ Ландау объяснил мне, что вздохи - это чисто патологическое явление. Причем я уверяю вас: если меня наполовину оправдали, то только из-за моего исключительного происхождения. А ведь ваших незабвенных родителей, наверное, венчали не на кладбище, но под каким-нибудь пышным балдахином, и вам за каждый вздох могут закатить несколько долговечных месяцев.

В камеру втолкнули нового арестанта – заведующего гомельским отделением «Беллеса» Чебышева.

Р о й т ш в а н е ц. Четвертый. Где вас берут? О, да вы же заведующий гомельским отделением «Беллеса». Напомните, пожалуйста, фамилию…

Ч е б ы ш е в. Чебышев.

Р о й т ш в а н е ц. Чебышев, точно. Я вам брюки не шил?

Ч е б ы ш е в *(кивнул на Левку и Натика, которые спят).* Отсыпаются. Как они могут в такое время спать? Я про вас не говорю. Вы симпатичный еврей. Не все такие. Хотя брюки вы мне и не шили. Я сам в свое время стоял за равноправие. Но ведь кто же тогда знал? Я могу еще понять уничтожение черты оседлости. Что же мы видим? Отбирают у нас земли и дают ее каким-то пришельцам. Где? В Сибири, куда нас теперь ссылают? Нет. В Крыму. Куда мы ездили когда-то наслаждаться лазурным морем. Может быть, на берегу, возле Ялты. Скажите, разве это не возмутительно?

Р о й т ш в а н е ц. Значит, у вас был на берегу лазурного моря хорошенький огород?

Ч е б ы ш е в. Я, миленький, с университетским дипломом. Огород? Я в эту Ялту только на весенний сезон ездил. Я до революции занимался исключительно римским правом. Это вам не капусту сажать. А погорел я на мебели. Согласен на сорок процентов, он начинает торговаться, как на базаре. Мне пришлось взять мебель у его конкурента. В итоге - здравствуйте, как вас звать?

Р о й т ш в а н е ц. Лазик Ройтшванец.

Г о л о с. Ройтшванец, к председателю комиссии по разгрузке мест заключения! Быстро!

Р о й т ш в а н е ц *(собираясь).* Меня не могут еще выпустить, и меня не могут уже расстрелять. Значит, они хотят, чтобы я заполнил сорок девятую анкету. Но скажите, откуда я знаю, сколько кубических метров воздуха проглотил мой безответный отец?.. Ну, да ладно. Даст бог, увидимся. *(Уходит).*

Затемнение.

Тюремная контора. За столом сидит председатель комиссии по разгрузке мест заключения прокурор Васильев.

Появляется Лазик.

Р о й т ш в а н е ц. Доброй ночи.

В а с и ль е в. Уже, дорогой... Ройтшванец, время идет к полудню.

Р о й т ш в а н е ц. У нас в камере всегда темно, так я думал, что круглосуточно ночь. Как на Севере полярный день.

В а с и л ь е в. Мы хотим вас освободить до срока.

Р о й т ш в а н е ц. На этот раз я действительно ничего не понимаю. Вы думаете, я не наводил маленьких справок? Мой двоюродный племянник, незапятнанный кандидат, товарищ Капелевич, рассказал мне, что до срока освобождают перед Октябрьской годовщиной и перед могучим праздником Первого мая. Но, к сожалению, гражданка Пуке узнала о сокращении штатов именно в июле. Это совершенно пустой месяц. Правда, некоторых гражданок освобождают к Восьмому марта, к всемирному женскому дню, но ведь теперь, конечно, не март, и я притом никак не гражданка. Почему вы хотите освободить меня?

В а с и л ь е в. Комиссия по разгрузке...

Р о й т ш в а н е ц *(перебил его).* Я же говорил этому жулику Райкину, что у нас не хватает места! Я, конечно, понимаю, что засиживаться в гостях неприлично, и я готов сейчас же разгрузить вас от всего моего печального присутствия.

В а с и л ь е в. Ваши шутки мне не по вкусу. Это пошлость и обывательщина. Прежде, чем отпустить вас, я хочу убедиться, действительно ли вы исправились. Обещайте мне больше не выступать против законов, установленных рабоче-крестьянским правительством, и я тотчас же подпишу приказ о вашем досрочном освобождении.

Р о й т ш в а н е ц. Мерси, нет. Сегодня, кажется, шестое августа. Конечно, я не скрою от вас - четыре дня это что-нибудь да значит. Мы вовсе не живем двести лет, как патриархи или слоны, чтобы швыряться четырьмя сияющими днями. Увидеть на четыре

дня раньше порхающих птичек в парке бывшего Паскевича и товарища Феню Гершанович - это ведь настоящее счастье! Но я не могу вам дать зловещего обещания, потому что я не читал законов рабоче-крестьянского правительства и потому что я не знаю, гуляет ли по улицам Гомеля гражданка Пуке. Нет, лучше уж я просижу еще четыре дня среди горючих слез и вековой паутины.

В а с и л ь е в. Вы меня не проведете, гражданин Ройтшванец! Не одного симулянта я вывел на свежую воду. Вы можете быть малосознательным. Это я допускаю. Но что такое честный труд и противозаконные демонстрации -это вы хорошо знаете. Итак, я последний раз спрашиваю вас: раскаиваетесь ли вы в вашем проступке и намерены ли впредь подчинять свое индивидуальное поведение общественным интересам?

Р о й т ш в а н е ц. Конечно, я раскаиваюсь в пфейферских брюках. Это было самое последнее злодейство. Я так и сказал на суде гражданину председателю. Потом я об этом, говоря откровенно, больше не думал. Я думал скорее о гражданке Пуке и о глазах товарища Фени Гершанович. Так что если вы думаете, что я раскаялся, сидя на каких-то занозах вместе с гражданином Райкиным, то вы вполне ошибаетесь. Я раскаялся один раз на суде, и это достаточно. Откуда я могу знать, что со мной будет завтра? Человек - это же крохотное бревно среди кипучих волн нашего Сожа. Почему я утаил от фининспектора тридцать пять рублей?

В а с и л ь е в. Ну, почему?

Р о й т ш в а н е ц. Потому что в окнах отсталой квартиры служителя культа загорелись безумные глаза одной недоступной гражданки. Я не хочу ни вкусных кушаний, ни крымского вина, ни пышных галстуков, ни бриллиантов. Но вот я увидел эти глаза, и моментально потерял всю свою классовую совесть. Я ходил и вздыхал, а она стояла и смеялась. Я кричал ей: «У меня сердце рвется на куски!» - а она хладнокровно исполняла свои международные мелодии. Тогда я решился на черное дело. Я утаил брюки от фининспектора, и на эти три рубля пятьдесят копеек я купил американский пульверизатор, полный ароматного дыхания орхидеи «Тэжэ». Я хотел им обрызгать, как поэзией моего сердца, эту недоступную гражданку. Но вот случилась интервенция одной известной вам особы, о которой я сейчас лучше не буду вам говорить. Пульверизатор остался в жестокой конторе, и он, наверное, опустел. Как я теперь встречусь с товарищем Феней

Гершанович? У меня нет ни ароматных струй, ни смеха, ни торжественных звуков. Может быть я кинусь в глубокие воды Сожа...

В а с и л ь е в. Нет, нет, не надо! Вы - свободны!

Затемнение.

Н А С В О Б О Д Е

Подойдя к своему дому, Лазик съежился и обмер.

Р о й т ш в а н е ц. Ущипните меня кто-нибудь, чтоб я видел наконец, сплю я или не сплю. Ущипните бедного Лазика! Это улиица Клары Цеткиной. Это третий дом от угла. Это сердце Лазика, беспокойное сердце, полное любви к Фенечке Гершанович. Почему же над левым окном, где висела роскошная вывеска «Мужской портной Л. Ройтшванец», теперь болтается какая-то юркая дощечка со зловещей надписью: «Изготовка флагов установленного образца, также лучшие пионерские барабаны Моисея Рейхенгольца»?

На стук в дверь открыл Пфейфер.

П ф е й ф е р. Ах, это вы, несчастный Ройтшванец! Вы, вероятно, ослепли в вашей замечательной тюрьме. На мне, кажется, серые брюки, и сшил их не кто иной, как товарищ Цимах, который честно кроет брюки, и не оскорбляет гербы. Вы хотели меня втянуть в ваш черный заговор с этими, будь они прокляты, брюками. Как будто я не знаю вашу подлую речь на суде, где вы ни с того ни с сего произнесли мою чистую фамилию? Ко мне приходили шесть раз из-за этих, будь они прокляты, брюк, и если меня что-нибудь спасло, то только мое чистое красное прошлое. Я их выкинул - будь они прокляты, брюки. Я их выкинул, как самую грязную клевету, хоть они стоили мне тридцать пять рублей, утаенных не мной, а вами. Прошу не разговаривать со мной, по крайней мере, в публичных местах.

Р о й т ш в а н е ц. Я пришел не по этому вопросу.

П ф е й ф е р. Но зачем же вы пришли сюда? Разве вы не видите, что вас здесь нет? Здесь живет теперь гражданин Рейхенгольц. И он вовсе не портной.

Р о й т ш в а н е ц. Я только хочу спросить вас - где же в таком случае находится мое печальное имущество, хотя бы необходимая мне рубашка?

П ф е й ф е р. Он, наверное, ее носит, этот Рейхенгольц. Что ему ваша рубашка, если он вошел ко мне, увидел на столе пять крутых яичек и моментально слопал их все пять. Он взял все ваше печальное имущество, и он отдал вам только два жестоких воспоминания: вот эту вывеску и портрет португальского бича. *(Уходит).*

Р о й т ш в а н е ц. Прощайте, Пфейфер! Вы были удивительным ответственным съемщиком, и не должны сердиться за то, что произнес на суде вашу чистую фамилию. Но в одном вы не правы: вы их напрасно выкинули. Это были замечательные брюки. Это были, наверное мои последние брюки или, как поет Фенечка Гершанович это была моя лебединая песня. Я, кажется, больше не мужской портной. Если я через четверть часа найду задуманное счастье, я буду жить на высоком берегу Сожа среди деревьев и питаться случайными ягодами. Я буду тогда счастливее, чем этот Рейхенгольц, со всеми его установленными связями. Но если я ничего не найду через четверть часа, я уеду куда-нибудь далеко - в Мозырь или даже в преступную Палестину. *(Стучит в дверь рядом).*

Г о л о с и з - з а д в е р и. Спрашивается, почему ты скандалишь? Тебя мало учили в тюрьме? Если тебе не открывают дверь, значит, ее тебе не хотят открыть. Я, конечно, отсталый гражданин, но я не бандит. Я молюсь за процветание всего объятного Союза, и я вовсе не хочу говорить с каким-то признанным злодеем.

Р о й т ш в а н е ц. Простите мой неприличный стук, гражданин Гершанович, но горячие чувства сильнее всякого разума, и я ждал этой минуты ровно шесть долговечных недель. Я попрошу только отодвинуть эту жестокую задвижку, чтоб я мог увидеть задушевные глаза вашей дорогой дочери.

Г о л о с и з - з а д в е р и. Я думаю, что моя дочка тоже не захочет разговаривать с таким ужасным преступником, если она

поет международные мелодии и если она теперь все время разговаривает с уважаемым товарищем Шацманом.

Р о й т ш в а н е ц *(услышав имя Шацмана, он начал сильнее стучать в дверь и визжать).* Откройте её! Если передо мной открылась железная дверь тюрьмы, передо мной откроется и эта смехотворная калитка. Фенечка не может разговаривать с Шацманом, потому что у Фенечки лебединая душа, а Шацман глуп, как индейский петух. Откройте дверь, а то я совершу преступление! Я его заколю ножом, как в позапрошлом столетии!

На крик вышла Фенечка. Увидев ее, Лазик упал на колени.

Р о й т ш в а н е ц. Вы настоящая сирень, и вы дивный лебедь из ваших мелодий. Вы не можете быть женой Шацмана. У Шацмана только высокое положение и нахальная душа. Я никогда не говорил вам этого, но теперь я скажу вам ужасную вещь - я люблю вас самой отсталой любовью, и я могу сейчас же умереть от этих преувеличенных чувств.

Ф е н е ч к а. Тоже... Поклонник! Перемените лучше рубашку, она такая черная, как будто вы пришли на похороны.

Р о й т ш в а н е ц. Я не могу этого сделать, потому что мои рубашки больше не мои рубашки. Но я пришел не на похороны. Если вы хотите, я пришел скорее на свадьбу, потому что, хоть я и презираю дешевый опиум вашего уважаемого родителя, я готов тотчас же выполнить все его условия, чтобы только заслужить один ваш поцелуй.

Ф е н е ч к а. Вы думаете, что я могу целоваться с таким жалким пигмеем? Я выбрала товарища Шацмана, и вы мне прямо-таки смешны. Чтобы стать моим свободным другом, нужен, во-первых, пол. А у вас нет никакого пола. Вы десять раз со мной гуляли в парке, и ни разу вам не пришло в голову, что меня можно нахально поцеловать. Вы должны жениться не на женщине, а на какой-нибудь божьей коровке. Во-вторых, нужны деньги. Что вы мне подарили за все время? Порцию мороженого с лотка и глупые разговоры. В-третьих, нужно положение. Замечательная фигура - бывший портной из воровской тюрьмы! В-четвертых, мне нужны духовные наслаждения. Может быть, вы скажете, что вы умны, как Троцкий? Может быть, вы скажете, что умеете танцевать фокстрот? Вы даже не повели меня ни разу в американское кино.

Вы только ходили и вздыхали, как товарный паровоз. Хорошенький любовник! Что же вы молчите?

Р о й т ш в а н е ц. Вы совершенно правы, товарищ Гершанович, и я сейчас уйду в глубокую ночь. Я только объясню вам, почему я не поцеловал вас нахально, гуляя в парке, и почему я не подносил вам самых роскошных туалетов. Это называется смешная история об одной корове. Может быть, я ее прочел где-нибудь в Талмуде, а может быть мне рассказал ее Левка-парикмахер - он ведь любит позорные анекдоты.

Одному еврею нужны были к субботе свечи, и у него не было денег. Тогда он продал соседу корову. Но вот проходит день или даже два дня, и сосед кричит в необыкновенном возмущении: «Твоя корова не дает молока!» Но еврей преспокойно ему отвечает: « Я не понимаю, почему ты сердишься? Она же не дает молока не потому, что она не хочет, а потому, что она не может. Ты знаешь, что я тебе скажу - у нее, наверное, нет молока».

Вот и все, товарищ Феня Гершанович. Правда, у меня была горячая любовь и другие позапрошлые чувства, но они теперь никому не нужны. Я желаю вам чудного счастья с этим неназываемым Шацманом, и я прошу вас не сердиться на поруганного пигмея. Сейчас вытрясу душу за рубашки и за мою вывеску у Рейхенгольца и сяду на пароход… и уплыву… куда глаза глядят… а там и в Палестину…

Свисток парохода.

Вот он, идёт! Если не сядет на мель, мы с ним еще посвистим!

Затемнение.

К И Е В

О т а в т о р а. Пароход шел в Киев, он всегда туда ходил раньше, туда и прибыл Лазик Ройтшванец. Но не заладилась у него там жизнь. Слишком большой город, шумный. Пробовал научиться танцевать - не получилось. Пробовал ещё что-то - не вышло… Но знакомых у него прибавилось, конечно. Встретил он там и своих старых друзей…

Квартира Минчика. Приходит Лазик.

Р о й т ш в а н е ц. Так ты не женился на Пуке?

М и н ч и к. Нет, я не женился на Пуке.

Р о й т ш в а н е ц. Жаль! Ты по крайней мере стал бесправным членом. А она? Она ничего не получила. Она, боюсь, вообще может стать бездетной. Я пришел к тебе совсем по другому делу. Мне придется покинуть Киев, как я уже однажды покинул родной Гомель. Я утешаю себя словами умного цадика. Он сказал, что двигаться - это значит жить, а сидеть на одно месте - это значит умереть. Самая скверная кляча лучше самого пышного дворца. Еврей, который не двигается, это даже неприлично, это как поломанный паровоз. Ты думаешь, я пришел к тебе проститься и поцеловать твои бритые ежедневно щеки? Как же я могу подобной глупостью отрывать тебя от твоих великих забот? Нет, я пришел, чтобы прежде всего спросить тебя - скоро ли установится настоящий мир, то есть после нашей смерти или до нашей смерти?

М и н ч и к. Какие тут могут быть разговоры? Конечно, до. Это зависит от одного-другого урожая и от полного уничтожения Чанг-Теолина. Это дело плевых минут.

Р о й т ш в а н е ц. Очень хорошо, что ты так думаешь, Минчик. Скажи мне теперь: в этом настоящем мире у каждого будет своя часть и все эти части будут равны - так или не так?

М и н ч и к. Конечно, так, за исключением паразитов, которых тогда вообще не будет.

Р о й т ш в а н е ц. Теперь послушай меня, Минчик, я пришел к тебе с очень выгодным предложением. Я хочу тебе продать мою часть за какие-нибудь десять несчастных рублей. Это же не деньги! Паразит Поль Виолон взял с меня за уроки позорных телодвижений тоже десять рублей. Это же не деньги!

М и н ч и к. Ты что, сошел с ума, Ройтшванец, после стольких злодейских прыжков? Как ты смеешь предлагать мне, проверенному марксисту, какой-то мистический кукиш?

Р о й т ш в а н е ц. Почему ты сердишься? Это вполне здоровый товарообмен. Я от тебя не скрою, что я надул Арона Кагана, но тебя вовсе не собираюсь надувать. Арон Каган купил у меня совсем

другое. Он, как и всякий отсталый продукт, верил в загробную жизнь. Ему было мало, что он был в Гомеле строительным подрядчиком и каждый день кушал курицу, он захотел кушать курицу и на небе, и так как он был неслыханным обжорой, он, наверное, побоялся, что ему дадут там слишком мало, ну, какую-нибудь лапку или крылышко. Каждому еврею приготовлена одна часть в будущей жизни, и вот я продал Арону Кагану мою часть. Я надул его вдвойне. Во-первых, я уже однажды продал эту часть, еще будучи мальчиком, в хедере, я ее проиграл, когда я играл с другими мальчиками на пуговицы. Конечно, Кагану я об этом не сказал, потому что нельзя же продавать уже проданную вещь. А во-вторых, я знал, что я умнее его... и мне трудно поверить в загробную жизнь. Кагана я надул, но с тобой я веду вполне деловой разговор. Я тебе предлагаю самую настоящую часть в настоящем мире. Если ты стойкий член и веришь в наше светлое торжество, как же ты не хочешь мне дать десять переходных рублей ради такого близкого счастья?

М и н ч и к. Мне некогда слушать твой смешной бред, Ройтшванец. Отправляйся лучше в какое-нибудь сатирическое обозрение, если у тебя такой пышущий талант Я тебе дам один рубль, чтобы ты сейчас же ушел отсюда.

Р о й т ш в а н е ц. Нет, ты дашь мне кроме этого рубля еще девять других рублей. Билет ведь стоит червонец, и я должен уехать отсюда. Если я останусь в Киеве, я останусь жить у тебя, Минчик.

Минчик молча отсчитал десять рублей, сунул их Лазику, и развернул того лицом к двери...

Р о й т ш в а н е ц. Я знал, что ты человек, Минчик. Куда будет первый паровоз - туда и уедет Ройштшванец. Если бы ты дал мне ещё на письмо один рубль, или даже два, я тебе тогда обязательно бы сообщил, куда и как добрался.

Затемнение.

К Р О Л И К И

Стук колес паровоза. Гудок. В поезде. Ройтшванец жует охотничью колбасу.

П а с с а ж и р. Простите, гражданин, вы не Пыскис ли из Белгорода?

Р о й т ш в а н е ц. То есть как это Пыскис? Я прощу вас прекратить подобные намеки. Я всего-навсего Ройтшшванец, и я, кстати, не из Белгорода, а из Гомеля. Я вовсе не знаю, кто этот Пыскис. Может быть, он последний растратчик? Может быть, он выстрелил в кого-нибудь? Тогда при чем тут я, если у меня билет до самой Тулы и трудовая книжка?

П а с с а ж и р. Да вы не обижайтесь! Этот Пыскис не убийца, а дантист. Правда, у моего сослуживца Егорова он вырвал четыре здоровых зуба, и Егоров обещал его отлупить. Я только из любопытства спросил. Вот какое сходство! Курьёзы природы...

Р о й т ш в а н е ц. Хорошенькие курьезы. У нас В Гомеле был сапожник Шайкевич. Они пил круглый год «пейсаховку» и ругал Вульфа «полосатой блохой». Так вот, пришли белые, и вдруг объявили, что этот Шайкевич переодетый командир Конной армии, хотя все в Гомеле знали, что Шайкевич умер бы от страха, если бы его посадили на живую лошадь, даже в самое мирное время, но его все-таки расстреляли. Это вам мало?

П а с с а ж и р. Бывает. Как говорится - судебные ошибки.

Р о й т ш в а н е ц. Я вижу, что вы не жили в Гомеле...

П а с с а ж и р. О, Гомель! Но я там не жил. Вы правы.

Р о й т ш в а н е ц. Если вы не жили в Гомеле, вы нигде не жили. Никогда. Вы еще не родились. Так я вам расскажу о носовых платках. В субботу еврею нельзя ничего носить, даже обыкновенного платочка, кроме как у себя во дворе. Но ведь насморки бывают и в субботу. Нельзя же весь день сидеть дома. А в синагоге, например, совершенно некуда высморкаться. Вы думаете, что евреи остались с двумя пальцами? Ничего подобного. Они подумали, и они придумали. Если протянуть проволоку вокруг всего Гомеля, то можно считать весь Гомель за один двор, и тогда можно ходить по всему Гомелю с дюжиной платков. Они сложились и купили проволоку и в десять минут обкрутили весь Гомель.

П а с с а ж и р. Кто скажет, который час?

Р о й т ш в а н е ц. Что такое часы? Когда человек голоден, а перед ним антрекот, каждая минута является часом.

П а с с а ж и р. Вот, кажется, и Тула?

Р о й т ш в а н е ц. Вот, кажется, и Тула? Тогда Ройтшванец приехал. Колбаску я доел? Доел. Теперь можно выходить. Никто не знает, этот Левша еще жив, который блоху подковал? Никто не знает. Интересно, он всех блох подковал или они ещё у него остались?.. *(Выходит).*

Затемнение.

О т а в т о р а. Не прошло и недели, как Лазик нашел подходящую дверь. Он стал сотрудником губернского отдела животноводства, и ему было поручено следить за размножением во всей Тульской губернии породистых кроликов, так как центр установил, что это одна из наиболее выгодных разновидностей предстоящего сельхозяйства.

Кабинет. За столом сидит курьерша Дуня. Появляется Лазик.

Р о й т ш в а н е ц. Простите, товарищ, где же они?..

Д у н я. Да где же им быть сейчас? Дома, чай пьют. Или у Марии Игнатьевны.

Р о й т ш в а н е ц. Тс-с! Я вас спрашиваю не о товарище заведующем. О нем я вовсе не хочу вас спрашивать. Довольно я в Киеве хватал авторитетные ноги. Нет, я вас спрашиваю только о вполне невинных кроликах.

Д у н я. Таких тут нет, а если вы хотите Кропоткова, то они же тут, в бухгалтерии.

Р о й т ш в а н е ц *(заглянул в ящик стола, но там оказалась только пустая коробка от папирос, в это время появился заведующий Петров).* Извините, товарищ Петров, я хочу вас только спросить, где же они, то есть порученные мне кролики, здесь или в губернии?

П е т р о в. А шут их знает! Кажется, в том шкапу. Поройтесь в бумагах.

Р о й т ш в а н е ц *(роется в шкафу).* Я что-то нашел в этом дырявом столе. Копия за подписью Рожкова... в Москву... Кто этот отсталый гражданин Рожков?

П е т р о в. Это ваш предшественник, ныне сотрудник музыкального подотдела.

Р о й т ш в а н е ц *(читает вслух).* «Подтверждая получение породистого груза, сообщаем, что присланные экземпляры не поступили в тульский случпункт ввиду особенностей местного климата, продовольственных затруднений, а также незнакомства местного населения с племенным кролиководством, так как в ящике оказались при проверке только мертвые разновидности и, по свидетельству ветеринарного пункта, смерть последовала либо от морозов, либо от поведения граждан на вокзале, самовольно вскрывших ящик и допустивших дезорганизованную охоту с участием беспризорных собак г. Тулы».

Бедная породистая чета - вот все, что осталось от вашего восторженного прыганья где-нибудь под американскими пальмами, - копия исходящий номер две тысячи сто семьдесят восемь! Но спрашивается, что же мне делать? Как я могу размножать по всей обширной губернии это жестокое воспоминание? Что же мне теперь делать, если они решительно умерли и даже припечатаны этой копией?

П е т р о в. Как что делать? Работать, товарищ, работать! Размножать! Производить! Интенсировать! Поняли? Видите сравнительную таблицу? Мясо - раз. Мех - два. Невзыскательность - три. Экономия времени - четыре. К концу отчетного года у вас будет не менее тридцати тысяч голов.

Р о й т ш в а н е ц. Извиняюсь, товарищ Петров, но откуда же вырастет этот замечательный мех или даже мясо, если их, безответных прородителей, растерзали дезорганизованные собаки. Я могу размножать только одну циркулярную скорбь, но это не даст нам никакой красивой таблицы, потому что они, извиняюсь, как назло, сдохли.

П е т р о в. Сдохли? Ха-ха! Действительно сдохли. Ну, между нами, какие же тут могут быть кролики? Я еще понимаю - свиньи. Но вы, товарищ, все-таки размножайте. Из Москвы пришлют новых, а пока что можно составить хотя бы инструкции сельхозам. Или устройте лекцию с гуманными картинками. Словом, не

углубляйте. Поняли? Вот, кстати, мы получили анкету из центра. По вашей части здесь семнадцать вопросов.

Р о й т ш в а н е ц *(взял анкету).* Первый вопрос: сколько в Тульской губернии голов кроликов ко дню заполнения анкеты? Один надгробный памятник в виде разрывающей мое сердце исходящей. Далее, далее, далее... Отчет готов. Против шестнадцати остальных вопросов провожу трагическую черту: ни мыла, ни рождаемости, ни семейных отношений - пустота, горе, небытие.

П е т р о в. Вы с ума сошли? Вы знаете, что такое сокращение штатов?

Р о й т ш в а н е ц. Еще бы! Кажется, шесть недель отсидел я, а не гражданка Пуке.

П е т р о в. Вы ничего не знаете! Вы хотите всех нас погубить. Как можно так отвечать на анкету! Надо углубить вопрос. Надо похвастаться достижениями. Таблицы, сметы, диаграммы. Если бы вы отослали этот бред, мы бы все попали под суд. У вас ни на грош понимания государственности. «Надгробный памятник»! Это что - остроумие?

Р о й т ш в а н е ц. Не мешайте мне, я работаю.

Лазик работает. Что-то пишет, что-то листает, стучит по голове, разодит руками, делает физзарядку...

Отчет готов! Я ответил на все семнадцать вопросов. Читаю: «Так как покойная чета была прислана в Тулу 18 ноября 1924 года, можно определить к текущему моменту кроличье население губернии в 11 726 с половиной головы. Ввиду исправных функций и отсутствия розовой водицы к 1 января 1930 года в губернии намечено 269 784 головы. Вредителей, вроде сусликов или филлоксеры, не замечено. Что касается других болезней, то, кроме несчастья с первой четой и возможного, ничего не выражающего насморка, благодаря героическому мужеству губздрава, не можем пожаловаться. Кроликов держат в плантациях под пальмами и в прочих шкапах. Рождаемость населения в связи с этим неслыханно бурлит, а мыльному производству, конечно, угнаться за нами трудно, потому что если и производится на двор какой-нибудь жалкий кусочек, наполовину смыленный, то в круглых цифрах можно сказать, что это голый нуль рядом с роскошным оперением тысячи-другой кроликов».

Затемнение.

Прошло время. В канторе появляется гость из Москвы.

М о с к в и ч. Мы прежде должны вас поздравить, товарищ.... *(Ищет в отчете, как фамилия составлявшего его).*

Р о й т ш в а н е ц. Не трудитесь - Ройтшванец.

М о с к в и ч. Да, правильно... Ройт... шва... нец. В нашей губернии больше кроликов, чем во всем Союзе. Очевидно, вы нашли наиболее удачный корм. В Англии подобные результаты достигнуты фосфорными препаратами. Но мы им утрем нос. Чем же вы их кормите?

Р о й т ш в а н е ц. Исключительно служебной фантазией.

М о с к в и ч. Ну, это мы увидим на месте. Завтра мы отправляемся в сельхозы. Скажите, в каком уезде предпочтительно водятся кролики?

Р о й т ш в а н е ц. Где они водятся? Не в уезде и не в шкапу, а здесь... *(С гордостью показал на свою крохотную головку).*

Москвич недоумевает. Видя это, Петров завопил.

П е т р о в. Вы всех подвели! В тюрьму! Под суд!

Р о й т ш в а н е ц. Почему вы кричите на меня, товарищ Петров? Когда я написал, что от покойников трудно ждать пышного размножения, вы начали топать ногами. Тогда я измучил свою хилую грудь таблицей умножения, и сделал настоящее служебное чудо: я заставил этих мертвецов размножаться...

П е т р о в. Вы прикидываетесь Иванушкой-дурачком, но посмотрим, что вы скажете, когда вас посадят!

Р о й т ш в а н е ц. Ничего, я привык. Но я не люблю одного: когда меня берут. Тогда у меня делается ужасное сердцебиение. Я лучше сейчас же сам пойду к тюремным воротам, и попрошу, чтобы меня пустили, скажем, на один час вперед. Там будет гораздо спокойнее. Прощайте, товарищ Петров! Прощайте, тишина этих столов в отделе животноводства, чай курьерши Дуни и

прискорбные тени двух погибших прародителей, которые прыгали день и ночь в моей неудачной голове вполне преданного спеца!

Затемнение.

М О С К В А

Силуэты Москвы...

На скамейке сидит рослый детина в трусиках и в порванных от времени штиблетах. Это Архип Стойкий. Он держит портфель под мышкой, насвистывая военный марш и перебирая ногами, как загнанная лошадь. Перед ним проходит туда-сюда Лазик.

С т о й к и й. Потеряли что-нибудь?

Р о й т ш в а н е ц. Потерял? Нет, мне нечего терять, кроме нашей гомельской надежды, но ее я еще не потерял. Можно, конечно, потерять жену, или деньги, или даже собственное имя. Это совершенно пустяки. Сегодня человек теряет зубы, а завтра американский дантист вставляет ему новые. Но нельзя терять надежду.

С т о й к и й. Здорово! Вы, значит, товарищ, тоже литературой занимаетесь? Давайте знакомиться: Архип Стойкий. Читали в «Комсомольской правде» отрывок из романа «Мыловаренный Гуд»? Вот это эпос! Производство и без слюнтяйства. А вы где печатались?

Р о й т ш в а н е ц *(выждав паузу).* Печатался? Да где угодно, и у меня было, кажется, штук сорок хорошеньких псевдонимов. Меня, например, в Гомеле считали почти что Пушкиным, конечно, без инстинкта собственности, как у фабриканта. Вы слыхали, наверное, о нашем гомельском барде Шурке Бездомном? Он пишет стихи исключительно о ненормальных комбригах. Так вот я ему и давал советы: «Вставь-ка еще одну улыбочку на чело, дорогой Шурка Бездомный». И он всегда вставлял.

С т о й к и й. Устарело, товарищ. И Пушкин, и Шурка Бездомный, все это - слюнтяйство. Вот я покажу вам, как теперь пишут у нас, в Москве. *(Вытащил из портфеля несколько*

листков, и дрыгнул голой ногой). Отрывок девяносто восьмой. «Мыло гудело, как железные пчелы. Бодро тряхнул головой Сенька Пувак: «Так-то, братва, отстояли». Рядом с ним улыбалась Дуня. С гордостью взирала она на приводные ремни, и красная звезда колыхалась на ее груди, полной здорового энтузиазма. Мыло кипело. «Обслужим весь Союз», - сказал Сенька. Он смотрел теперь на звезд у девушки: «Что же, Дуная, пойдём! Наша дорога молодого класса к солнцу. Забудем о грязных забавах тех, что владели когда-то этим заводом. Дай я тебя прижму к себе трудовой рукой! И, отдаваясь биению новой жизни, Дуня, чуть заалев, прошептала: «Ты видишь, мы обогнали довоенную норму. Гуди, мыло, гуди! Если у нас будет сын, мы назовем его просто: «Мыловаренный Гуд».

Здорово? Вот и вы так валяйте. Можно, например, о шелковичных червях...

Р о й т ш в а н е ц. После мертвых кроликов я уже ничего не боюсь.

С т о й к и й. Главное - гнуть линию. Я вам советую, товарищ, сразу войти в нашу группу «Бди». Мы бдим, чтоб в издательства не пролезли всякие трупы. Если вы войдете в нашу группу, вас будут повсюду печатать. Идет?

Р о й т ш в а н е ц. «Бди» так «Бди». Только скажите мне, что я должен немедленно делать? Снять рубашку, конечно, дело минут, но у меня, например, нет портфеля.

С т о й к и й. Пустяки! Это необязательно. Я, например, стою за загар. Это - здоровье, и это отделяет нас даже с виду от разных бледных выродков из промежуточных групп. Я загораю. Я ем черный хлеб и пью артезианскую воду. Я прост, суров, непримирим. Я настоящий «бдист», и вы теперь тоже «бдист».

Р о й т ш в а н е ц. Конечно, вкуснее, когда на этом черном хлебе - ломтик промежуточной колбасы. Но если «бдист» должен есть только хлеб, я в текущий момент не возражаю, я только прошу об одном: скажите, где мне его моментально найти.

С т о й к и й. За мной!

У стойки в пивной. Стойкий приносит четыре бутылки пива, разливает. Пьют. Балагурят.

Р о й т ш в а н е ц. Если это - черная вода и артезианский хлеб, то спрашивается, кто же я и кто же вы? Я думаю, что тогда вы Лев Толстой, а я сам Пушкин, хотя у меня нет никакой жены, которую можно было бы ревновать, кроме Фенечки Гершанович, но она скорей всего жена петуха Шацмана, а у вас нет бороды, то есть борода у вас растет под мышкой.

С т о й к и й *(пьет на славу).* Мы их отовсюду выкурим! Да здравствует бдизм!

Подходит Хозяин пивной.

Х о з я и н. С вас восемь рублей двадцать копеек.

С т о й к и й. Ну, ну, я не спорю... Так и быть, сегодня платите вы. А в следующий раз я выставлю батарею.

Р о й т ш в а н е ц. Я тоже не спорю. Зачем спорить? Я ведь, кажется, не труп. Но у меня в кармане только портрет португальского бича и, может быть, еще одна дырка.

С т о й к и й. Черт побери - нет даже карманов, чтобы хоть для виду пошарить. Эй вы, гражданин! Анекдот, но факт: забыл дома пиджак с бумажником. Ничего не поделаешь - физкультура. Ну, пока...

Хозяин пивной попробовал было потрясти за шиворот оставшегося Лазика, но убедившись, что ничего из него, кроме какого-то портрета не вытряхнешь, удовлетворился тумаком...

Р о й т ш в а н е ц. Вы еще увидите, Лазику Ройтшванецу поставят хорошенький памятник в парке Паскевича. Я буду стоять в бронзовых штанах и пренебрежительно улыбаться. Вот тогда-то и придет к этому памятнику Феня Гершанович и заплачет: «Почему я полюбила петуха Шацмана без памятника, а не этого прославленного на весь белый свет (на всю Америку) героя?» *(Принял позу памятника).*

Затемнение.

Д е й с т в и е в т о р о е

Ж Е Н И Т Ь Б А

О т а в т о р а. К осени Лазик устроился. Правда, в его новой службе не было ничего возвышающего душу, но, наученный горьким опытом, он больше не мечтал о мировой славе. Некто Борис Самойлович Хейфец получал из Минска контрабандное сукно. В обязанности Лазика входило разносить материал частным портным. Конечно, в Москве было теплей, чем на Северном полюсе, но Лазик все время дрожал. Он нес сукно, как бедная мать подкидыша, прижимая его к груди и пугливо озираясь на щебечущих воробьев.

Единственным утешением Лазика были две соседки - товарищ Нюся и товарищ Лиля. Так, например, одна из них, столкнувшись в дверях с Лазиком, сказала: «Такие арапы зря занимают жилищную площадь...»

В скромной квартире Лазика. Входит Нюся.

Н ю с я. Почему вы все время на меня смотрите и не здороваетесь?

Пауза.

Вы что же - немой?

Р о й т ш в а н е ц. Нет, я не немой. Немая это Пуке. А я - Ройтшванец. Но как я могу с вами говорить? О, если б я вас встретил раньше, когда я был кандидатом в Пушкины или хотя бы просто кандидатом! А что я теперь: отпетый курьер вполне частного предприятия, то есть Бориса Самойловича. Вы же - бронзовое божество.

Н ю с я *(рассмеялась).* Я не божество, а делопроизводительница, но комната у вас хорошая. Вы один ведь живете? Как только вам раздобыть удалось?

Р о й т ш в а н е ц. Это - Борис Самойлович. У него удивительные связи. Но почему вы говорите о глупой комнате, когда вы даже не передовой отряд, а бронзовое очертание?

Н ю с я. Что вы к бронзе привязались? Я не из бронзы. Я, кажется... *(Она не договорила, вместо слов только повиляла своими формами).*

Р о й т ш в а н е ц (*зажмурился).* Какой сверхъестественный фейерверк!..

Нюся подошла к окну, тщательно осмотрела скромную обстановку. Лазик не сводил с нее глаз: мираж, дивное видение!

Н ю с я. Вы все еще на меня глаза пялите? Нравлюсь?

Р о й т ш в а н е ц. Ох!.. Ох!.. Нравитесь? Какое постыдное слово! Почему я не Пушкин? Почему я хотя бы не Шурка Балаганов? Я смеюсь, когда думаю сейчас о моих недавних сомнениях. Вы слышите, как я ужасно смеюсь?

Нюся только пожала плечами: Лазик ведь не смеялся.

Вы не слышите? Ха-ха! Теперь вы слышите? Я смеюсь, потому что я сомневался в связи с этим товарищем Лилей. У нее же ничего нет, кроме носа. Она недостойна даже спать с вами в одной комнате. Когда я гляжу на вас со всех четырех сторон, в мои глаза летит электричество. Вы стоите сейчас над миром, как бронзовая...

Н ю с я. Тьфу! Снова бронза? Да вы попробуйте - я же холодная.

Лазик вскочил на табуретку. Сразу стал высоким и дерзким. Тонкими ручками обнял он массивную шею. Он поцеловал Нюсю прямо в губы. Но здесь и произошло непредвиденное: у него закружилась голова, и под хохот Нюси он упал на пол.

Н ю с я. Хи-хи! Что ж вы не встаете? Расшиблись?

Р о й т ш в а н е ц. Нет, я не расшибся, но я, может быть, окончательно умер от таких обжигающих чувств. Может быть, перед вами лежит только холодный труп тореадора или даже Евгения Онегина.

Н ю с я *(помогла Лазику встать).* Лилька и мне надоела. Лезет со своим носом куда не следует. Нельзя никого к себе позвать - сейчас же отобьет. А вы хоть ростом не вышли, но в общем ничего, сойдете. Словом, хотите поженимся? Завтра с утра пойдем в загс, а после службы я перетащу мои пожитки. Будем жить вместе.

Р о й т ш в а н е ц. Вы слаще бананов! Вы бурлите, как сто Днепров! Когда я получу от Бориса Самойловича шесть червонцев, я куплю вам теннисную ракетку. Я люблю вас, как ископаемый бог!

Н ю с я *(погладила Лазика по голове).* Значит, до завтра... *(Ушла).*

Р о й т ш в а н е ц. Завтра утром я заявлю Борису Самойловичу, перед этим презрительно отпихну ногой пакет с коверкотом: сегодня я вообще не работаю. Я открыл себе высший план. Может быть, завтра я отнесу весь материал Сухачевскому, на эту дикую Шаболовку. Но сегодня я даже не хочу с вами разговаривать, потому что вы живете на земле с вашим собачьим коверкотом, а я порхаю среди сплошных очертаний. А Борис Самойлович вытаращит на меня глаза, как сонный таракан: что с вами?.. Вы с утра налакались?.. или у вас грипп с осложнением?.. У меня любовь с осложнением. Завтра я к вам не приду, но сегодня я женюсь, и не на обыкновенной женщине, а на приснившемся очертании.

Ройтшванецу слышится вальс Мендельсона. Появляется Нюся. Они танцуют. Нюся заваливается на кушетку.

Р о й т ш в а н е ц. Ты знаешь, мы играли в Гомеле трагедию товарища Луначарского. Тогда я ничего не понимал. Я был слеп, как бронзовая крыса. Мне нужно было кусать герцогиню, но я только несознательно хрипел. Теперь я понимаю, что это за замечательная трагедия! Если бы я был настоящим классовым герцогом, я бы стал сейчас же кусать тебя от предпоследней вспышки. Но я не герцог, и я только хочу ещё раз поцеловать эту не бронзу… *(Хочет поцеловать Нюсю).*

Н ю с я. Пошёл к черту! Я спать хочу!

Нюся спит. Лазик караулит ее сон. Потом прилег рядом.

Н ю с я *(проснулась, зевая).* Ну, теперь идем в загс.

Р о й т ш в а н е ц. Мы же вчера там были…

Н ю с я. Вчера! Вчера поженились, а сегодня разводиться пойдем.

Р о й т ш в а н е ц *(присел на табуретку и тихо заплакал).* Нюся! Очертание! Но разве есть такой закон, что если молодые спали вместе, то они обязаны утром развестись?

Н ю с я. Надоел ты мне, пискун! Ну, спали! Кажется, встали. Хватит! Не буду же я с таким клопом каждую ночь возиться! У нас свобода теперь. Выбирай кого хочешь. А не пойдешь в загс, я и одна забегу - мне по дороге. Вот давай-ка лучше с тобой о комнате поговорим. Пополам ее не разделишь. А назад к Лильке я не могу. Я с ней из-за тебя поссорилась. И потом, она сказала, что сегодня тоже в загс пойдет с Гариным. Жить будут у нее. Ну, а ты мужчина, тебе легче устроиться. Значит, комната за мной.

Р о й т ш в а н е ц. Я знал, что я несчастен. Тетя Хася говорила, что я ударился головой о горшок. Когда у меня кончается мираж, ты говоришь о какой-то смешной жилплощади. Будь у меня Академия, я отдал бы тебе и Академию. Прости, что я разбудил тебя ночью с моими театральными аплодисментами. Я сейчас иду бродить по миру, как подобает проклятому Ройтшванецу. На земле есть квадратные метры, и загс, и даже что-то из бронзы. Но на земле нет счастья. Это только отсталое слово могучего языка.

Затемнение.

Как-то вечером, возвращаясь домой, Лазик увидел Бориса Самойловича, обмотанного башлыком и который почему-то хромал.

Р о й т ш в а н е ц. Где это вы упали, Борис Самойлович? Может быть, на шоссе Энтузиастов? Там таки скользко…

Б о р и с С а м о й л о в и ч. Тише! Я уже не Борис Самойлович, а Оскар Захарьевич и хромаю с самого детства. Во-первых, держи этот сверточек. Только осторожней - здесь все мое будущее. А во-вторых, они стащили Тыченко, и оказалось, что Тыченко вовсе не в партии, он работает вместе с Марьянчиком. Значит, это идет через Минск, и сегодня схватят меня. Если бы еще в Нарым, я подумал бы. Но здесь пахнет процессом. Ройтшванец, я решил удрать в Лодзь. Там у меня племянник. Не как ты - настоящий. Только бы перевезти этот сверточек. Теперь спрашивается, что тебе делать?

Р о й т ш в а н е ц. Мне? Ничего. Я привык. Самое большое, что я могу сделать в данной ситуации, это пойти в парикмахерскую.

Б о р и с С а м о й л о в и ч. Ты дурак, Ройтшванец! Ведь если я убегу, схватят тебя. Пойди, доказывай им, что ты не племянник. Потом, кого видали с материалом? Тебя. Хочешь десять лет тюрьмы? Хочешь? Идиот! А что если тебя расстреляют?

Р о й т ш в а н е ц. Зачем же я стану заглядывать вперед, в мое кровавое будущее? Лучше я пойду и переменю на всякий случай белье.

Б о р и с С а м о й л о в и ч. Постой!.. Знаешь что, я возьму тебя с собой. Ты перевезешь этот сверточек. Я тебя озолочу. Нас переправит Файгельсон из Минска. Ты еще сомневаешься? Но ты, можно сказать, идиот, ты дерево. Я тебя устрою в Лодзи.

Р о й т ш в а н е ц. Я не понимаю, зачем мне бежать? Вы, конечно, спасаете вашего Рафаэля и беленькие бумажки. А что мне спасать? Если себя, то ради этого не стоит ехать в Лодзь, я спокойно могу умереть на Дорогомиловском кладбище. Если не себя, то кого? Мою бывшую супругу Нюсю? Или, может быть, ваш сверточек? А вам я верю, как позапрошлому снегу. У меня была тетя в Глухове, она торговала яичками, но ее уже нет. Зачем мне бежать или хотя бы ускорять походку? И вот я все-таки соглашаюсь, и я бегу с вами впопыхах в вашу проклятую Лодзь. Бежим, Оскар, или Борис, или Репин с кистью, бежим! Мы - листики, а кругом ураганы. Но стойте - я плачу заядлыми слезами. Я прощаюсь с моей провалившейся молодостью. Я прощаюсь с Гомелем и с наперстком. Я прощаюсь с этим Иваном Великим и с табуреткой моей бывшей супруги. Я стою, как вкопанный, я рыдаю, и я все-таки ничего не могу поделать с подобным землетрясением - я бегу, и бегу, и бегу...

Затемнение.

П О Л Ь Ш А

Беглецы благополучно миновали пограничные посты. Устало опускаются на землю. Приходят в себя.

Б о р и с С а м о й л о в и ч *(увидел польского жандарма, подозвал Лазика).* Ну, теперь давай-ка сюда этот сверточек.

Р о й т ш в а н е ц. А когда вы начнете меня золотить? *(Вернул сверток).*

Подошел Жандарм. Долго всматривается в непрошеных гостей.

Ж а н д а р м. Кто таке?

Б о р и с С а м о й л о в и ч *(улыбаясь, протянул ему одну из шуршащих бумажек).* То, пане, лепший паспорт…

Ж а н д а р м *(решил поторговаться, кивнул на Лазика).* За одно? А это кто?

Б о р и с С а м о й л о в и ч. То не есть мой человек. Я его совсем не знаму, то есть, наверное, большевик. По морде видно, что то есть пся крев.

Ж а н д а р м *(Лазику).* Что скажешь?

Р о й т ш в а н е ц *(Борису Самойловичу).* Я же говорил еще в Москве, что я вам верю, как позапрошлому снегу. Вы можете кланяться от меня вашему дорогому племяннику, а потом золотить себя со всех сторон. Тогда вы станете таким красавчиком, что все польки устроят один беспроволочный телеграф. А Ройтшванец будет сидеть на заграничных завозах и думать, что нет на свете даже воровской справедливости.

Ж а н д а р м *(толкнул Лазика вперед).* Пшел, маленький большевик!

Жандарм и Лазик уходят в одну сторону, Борис Самойлович - в другую.

В комнате для допросов. Ротмистр ест кусок мяса. Входят Жандарм и Ройтшванец.

Ж а н д а р м. Большевик, пан ротмистр!

Р о т м и с т р *(согласно кивнув).* Понятно. На десерт.

Жандарм вышел.

(Лазику). Здравствуй, лайдак! Ты что же, червонный шпег?

Р о й т ш в а н е ц. Я? Нет, я скорей всего горемыка Ройтшванец.

Ж а н д а р м. Не прикидывайся глупцом. Какие планы ты хотел выкрасть, например, варшавские или виленские? Или, может быть, ты хотел замордовать самого дедушку Пилсудского?

Р о й т ш в а н е ц. Он мне вовсе не дедушка, и я никого не хотел мордовать. Я даже не хотел замордовать этого Бориса Самойловича, хоть он обещал меня озолотить, а потом убежал вприпрыжку. Планы мне тоже не нужны, я не рисовальщик, и у меня нет кисти Репина. Одну ночь я, правда, провел в высшем плане с моей бывшей супругой, но она кончилась простой жилплощадью.

Р о т м и с т р. Это же не человек! Это же ясная холера! Здесь тебе не советская гноювка, чтобы молоть глупости. Отвечай, почему ты перешел в Польшу?

Р о й т ш в а н е ц. Скорее всего потому, что на меня подул задний ветер. Если у вас есть часок другой времени, я, конечно, расскажу вам все по порядку. Началось это с глухонемой Пуке. Я был влюблен тогда в Феню Гершанович, а вы сами знаете, что любовь не простой овощ...

Р о т м и с т р. Быдле! Так ты разговариваешь с польским офицером? Здесь тебе не Азия. У нас Париж. У нас Лига Наций. У нас в Вильне - шиковный университет. Мы Коперника родили. У нас роскошные кокотки в цукернях. Я тебе морду развалю! Отвечай по порядку: кто ты такой?

Р о й т ш в а н е ц. Бывший мужской портной.

Р о т м и с т р. Ага! Кравец.

Р о й т ш в а н е ц. Я вовсе не Кравец, а Ройтшванец, но у нас в Гомеле немало Кравцов. Один Кравец даже состоял комиссаром и давил тифозных блох, а другой Кравец готовил из венгерского скипидара «пейсаховку», потом его, конечно, загнали куда теленок Макара не гонял...

Р о т м и с т р. Помолчи, болван! Откуда ты родом?

Р о й т ш в а н е ц. Я уже сказал вам, что я из самого Гомеля.

Р о т м и с т р *(утомившись, задремал, разбудили его шаги за дверью).* Еще едно бутэлька!.. Откуда ты, сукин сын? Из Хомеля? Вот так! Значит, ты поляк. Хомельщина это же наши крессы. Стань во фрунт перед офицером, старая шкапа! Хомельщину мы скоро отобьем. Вы все хомельские на самом деле поляки. *(Пьет водку из чайного стакана).*

Р о й т ш в а н е ц. С вами же будет, как со мной в «Венеции», и здесь даже нет чашки. Вы говорите, что я поляк? Может быть. Я об этом еще не думал. Но я был ученым кандидатом Академии. Почему же мне не стать поляком? Вот с Пфейфером вам будет, наверное, сложнее, потому что он упрям, как осел, и потом, он сейчас в польском Гомеле, а вы еще здесь. Он может сказать, например, что он еще не поляк, а гневный член ячейки. Я же стою здесь и не спорю. Поставим десять точек и скажем, что я полноправный поляк...

Р о т м и с т р. Встань, холера! *(Хоть Лазик стоял).* Встань и пой наш богатырский гимн «Еще польска не сгинела, пуки мы жиемы»!..

Р о й т ш в а н е ц. При чем тут Пуке?..

Р о т м и с т р. Молчи, стерва! Ты ликовать должен, бить в бембены, дуть в тромбы, ходить на голове, а ты еще ищешь что-то. Я из твоей морды компот сделаю! Я тебя выкину в окошко! Ты у меня будешь на брюке лежать!..

Р о й т ш в а н е ц. Снова брюки? Но эти суконные близнецы преследуют меня до самого гроба!..

Р о т м и с т р. Я тебя в козе загною! Ты у меня узнаешь, что такое Речь Посполита!

Р о й т ш в а н е ц. Нельзя ли, чтоб меня всегда допрашивали утром, когда господа ротмистры пьют кофе с молоком, а не эту «чистую»?

Ротмистр ничего не ответил, уснул за столом.

Пан, а мне куда? *(Убедившись, что Ротмистр спит).* Вы - быдло! А я пан ученый секретарь. Настанет день, когда меня

выпустят и я ударю с размаху в бембены. Где тут у вас тюрьма? Ах, моя ближайшая тюрьма в Гродно? Здравствуй, Родина!..*(Выходит).*

Затемнение.

О т а в т о р а. Лазиик просидел в тюрьме четыре месяца. Из Гродно его перевели в Вильно, из Вильно в Ломжу, из Ломжи во Львов. Потом он каким-то образом очутился в Варшаве, в Берлине, в Париже... Там уже - по своей, конечно же, воле.

Путешествие нашего героя продолжается. И часто в дороге, от нечего делать, Ройтшванец вспоминал о своих похождениях. Особенно нравилось ему вспоминать о мимолетных встречах с женщинами. О, да, они были, эти встречи! И тогда на задний план отодвигались пинки, затрещины, которых он частенько удостаивался.

И что интересно: сам Ройтшванец и не помнил, в каких странах были эти встречи с женщинами. Главное - они были!..

В квартире. Лазик наблюдает, как госпожа Дрекенкопф есть клецки.

Р о й т ш в а н е ц. Вы похожи на Лозингрина... Когда так хотят, можно ли отказать? *(Упал на колени).* Один раз! Только один раз! Муж не узнает. Он спит. Мы назовем это выдуманным сном. Дайте же мне две или три клецки!

Д р е к е н к о п ф. Я дам тебе четыре клецки. Потеряйся в моей любви!..

Р о й т ш в а н е ц *(ест клецки).* Вы видите - я потерялся, и я уже нашелся. Я весь в поте моего лица, и я умоляю вас, дайте мне скорее, например, свиную котлету с бобами! Я слышал, как они неслыханно пахли, когда их лопал этот толстый дурак.

Д р е к е н к о п ф *(кормит Лазика)* Ты такой маленький, что я боюсь - ты можешь потеряться, как булавка.

Р о й т ш в а н е ц. Ещё! Еще*!(Ест).* Не бойся, я не потеряюсь. Меня сразу все замечают. Стоило мне переступить через порог великой Польши, как меня сразу все заметили...

Затемнение.

Лазик в комнате с Марго.

Р о й т ш в а н е ц *(любуюсь Марго).* Вы совсем дитя.

М о р г о. Я тоже люблю мужчин постарше. Они требовательней, зато они понимают, что им дают. У тебя, наверное, тонкий вкус. Расплатись, и мы…

Р о й т ш в а н е ц. Хорошо, я вам дам эти бумажные орхидеи, но не терзайте мое скачущее сердце постыдной бухгалтерией.

М а р г о *(спрятав деньги, начала раздеваться).* Малыш! Идем спать…

Р о й т ш в а н е ц. Одно из двух: или вы сбежавшая Венера, или вы стопроцентная марксистка и посещали лекции товарища Тривиса. Что значит «идем спать», когда я дорожу предпосылками? Я хочу с вами порхать и щебетать, и говорить о любви, и петь вам колыбельные песенки, и носить вас на руках, как тихую былинку, и умереть от того, что это не жизнь, а рай. И вот предлагаете мне голые функции. Ваше имя уже благоухает, не говоря о губах. Если вам хочется спать, спите. А я буду сидеть в этом кресле и заслонять вас от ветра, чтобы он не развеял мой предпоследний идеал.

М а р г о. Черт с тобой - сиди! Очень ты мне нужен! Блоха! *(Ушла).*

Р о й т ш в а н е ц. На земле нет справедливости. Нюся сказала, что я клоп. А теперь вот - блоха.

Скажите мне просто, что такое жизнь, и любовь, и погасшие звезды?

Затемнение.

В ТЕЛЬ-АВИВ!

Ройтшванец сидит на бочке - плывет в Тель-Авив на пароходе.

О т а в т о р а. Лазик Ройтшванец плывёт в Тель-Авив. Иногда он садился на бочку и, одинокий, молчал. Он не соврал в письме Пфейферу, за годы блужданий он действительно осунулся и постарел. Ему теперь давали за сорок. Он хворал, кряхтел, кашлял,

жаловался - грудь, болит бок. При малейшем напряжении его лоб покрывался холодной испариной. Может быть, он простудился, или это перестарался майнцский колбасник - не знаю, но стоило поглядеть на его лихорадочные глаза, чтобы воскликнуть: эй, дорогие гомельчане, вы живете припеваючи, среди фининспектора, оперетки и гусиных шкварок, а вот наш Лазик Ройтшванец погибает! Он много видал, он узнал и любовь, и горе, он все узнал, теперь он сидит в сторонке, кашляет, горбится... а когда надо, вскакивает, чистит обувь пассажирам первого класса...

Появляется Пассажир парохода, ставит ногу на подставку, подходит Ройтшванец и чистит обувь.

П а с с а ж и р п а р о х о д а.Что же вы ничего не скажете?

Р о й т ш в а н е ц. Я должен чистить обувь, говорить я не обязан. Я, кажется, достаточно в своей жизни разговаривал. Если б вы меня увидели без рубашки, вы бы, наверное, ахнули, потому что там нет местечка без печати , как будто мое скорбное тело - это паспорт. Я говорил два коротких слова, а они переходили, скажем, на полный бокс. Почему я еду в эту Палестину, а не в Америку и не на голый полюс? Я думаю, что евреи не умеют организованно драться, и это для меня еще маленький шанс на жизнь. Я думаю, что в еврейской Палестине меня перестанут печатать. Тогда вы уже правы, и это вполне Святая Земля. Почему я не читаю рефераты? Я устал. Это бывает со всяким - бросил щётку, встал. А потом - откуда вы знаете, может быть, я сейчас разговариваю с этой сумасшедшей водой?

Пассажир медленно, оглядываясь, уходит от Ройтшванеца.

Старик Берка в Гомеле, тот говорил, что всякая вещь поет. Я слышу, как поёт это море, и не только плеск воды, но разные предрассудки: о большой жизни без всяких берегов, когда сходятся море и небо, и они - настоящий мир, а эти три класса со своими свистками...

Свисток парохода.

...только фальшивая нота. Я уже слышал в жизни, как поют самые разные штуки. Когда я хорошо кроил брюки, они радовались, и они пели. А каждой вещи хочется быть лучше, как вам и как мне, только люди стыдятся красивых мотивов, а брюки раскрывают себя до конца.

Вот я и увидел своими глазами выдуманный рай. Здесь, наверно, столько орхидей, что из них делают смешное сено, а на бананы здесь вообще никто не смотрит, как у нас на подсолнухи. Конечно, такое солнце - уже половина счастья, и оно для всех. Но кушать португальцы тоже хотят. Нельзя ведь весь день нюхать орхидеи. Вот и получается: вместо Португалии просто-напросто Гомель. Вы что думаете, если на Гомель издали, это не красота? Можно выпустить тоже восторженные вздохи. Потому что издали виден крутой берег, и могучие деревья, и парк Паскевича со всеми драгоценными беседками. Счастье видно за сто верст, а горе нужно уметь разнюхать. Вот и все.

Ройтшванец перегнулся через бортик. Раздался звонок.

Г о л о с г о р н и ч н о й. Туфли в каюту сорок три! Живее! Почему вы их не чистите?

Р о й т ш в а н е ц. Я могу только сделать с ними полное наоборот. И вообще не говорите мне о каких-то туфлях, когда я торжественно умираю. Что ж это за «святая земля», куда так трудно попасть маленькому еврею? Лучше уж сорок лет ходить по твердой пустыне. Уберите, уберите эти туфли, иначе будет плохо!..

Появляется Горничная.

Г о р н и ч н а я. Тебя все ищут, а ты что - рыбу ловишь? Где ботинки?

Р о й т ш в а н е ц. Я… я не могу.

Г о р н и ч н а я. Не валяй дурака. Качка кончилась.

Р о й т ш в а н е ц. А вдруг она снова начнется? Это же не по заказу; так я сразу встал в удобную позу.

Горничная отлупила Ройтшванеца сапогами английского майора. Сапоги были солидные и со шпорами.

Затемнение.

Тель-Авив. Суета сует. Он пошел на встречу с Гольдбрухом. Тот принял его в беседке. Он лежал и пил ледяной лимонад. Его раскрытую грудь обдувал электрический вентилятор.

Р о й т ш в а н е ц. Додя! Ты видишь, что свет уже не так велик, - мы с тобой увиделись! В Тель-Авиве ! Ну, как вы себя чувствуете?..

Г о л ь д б р у х. Вы кто такой?

Р о й т ш в а н е ц. Немножко загорели, а так совсем как живой. Я бы вас узнал даже на парижской площади. Что? Вы не знаете, кто я? Я прежде всего ваш сосед. Вы жили на Владимирской. Теперь она, простите меня, стала улицей Красного Знамени. А я жил на улице Клары Цеткиной. Это в двух прыжках. Интересно кто вам шил брюки? Наверное, Цимах. Теперь вы меня узнаете?

Гольдбрух набычился.

Я же портной Ройтшванец.

Г о л ь д б р у х. Мне это ни о чем не говорит.

Р о й т ш в а н е ц. То есть как это вам ничего не говорит? Я - говорю. И хватит! Как ваши детки поживают?

Г о л ь д б р у х. У меня нет детей.

Р о й т ш в а н е ц. Что? У вас нет деток? Для кого же вы строите ваши дома? Ну, не огорчайтесь, детки еще будут. Что вы там, кстати, пьёте? Постыдный лимонад? А когда же у вас попросту обедают?..

Г о л ь д б р у х. Вон-н-н!!!

Лазик отлетел на несколько шагов.

Р о й т ш в а н е ц. Почему вы кричите, как в пустыне?

Г о л ь д б р у х. Потому что вы нахал. Говорите просто, что вам от меня нужно, и убирайтесь?

Р о й т ш в а н е ц. Что мне нужно? Например, кусочек родной колбасы на древнееврейском хлебе.

Г о л ь д б р у х. Работайте!

Р о й т ш в а н е ц. Ах, у вас есть что-нибудь перелицевать? Дайте же мне наперсток, и я в одну секунду выверну или даже укорочу...

Г о л ь д б р у х. У меня нет работы. Вы портной?

Р о й т ш в а н е ц. Мужской, да-да.

Г о л ь д б р у х. Так напрасно вы сюда приехали. Здесь больше портных, чем штанов.

Р о й т ш в а н е ц. Что же я буду делать, скажем, завтра, если я до завтра не умру?

Г о л ь д б р у х. Ничего. Вы будет как все - самый обыкновенный безработный.

Р о й т ш в а н е ц. А им дают что-нибудь кушать? Тогда я уже согласен.

Г о л ь д б р у х. Что им дают? Шиш. У нас настоящее государство, а разве есть государство, чтобы не было безработных? Вы будете тихо сидеть и ждать, пока кончится этот кризис.

Р о й т ш в а н е ц. Сколько же я просижу натощак?

Г о л ь д б р у х. Годик-другой.

Р о й т ш в а н е ц. Вы говорите, годик-другой? Вы, вероятно, выступаете в каком-нибудь цирке? Но я вас прямо спрошу: что, если я сейчас возьму из вашего драгоценного буфета одну библейскую булочку?

Г о л ь д б р у х. Очень просто - вас моментально посадят в тюрьму. У нас настоящее государство, а разве есть государство без тюрьмы? И я уже нажимаю эту кнопку, чтобы вас выкинули на улицу, потому что мне слишком жарко для таких дурацких разговоров.

Р о й т ш в а н е ц. Я сам ухожу. До свидания, Додя, и в будущем году, скажем, в Гомеле.

Г о л ь д б р у х. Это мне не нравится.

Р о й т ш в а н е ц. Это вам не нравится? Постройте себе в утешение еще один домик. Ой, как вы хрипите! Знаете что? Я здесь не видел ни одной свиньи. Откуда же здесь будут свиньи, когда это наша еврейская родина? Вот вам один минус. Разве бывает государство без свиней? Но не волнуйтесь, успокойтесь. Подвиньте поближе к себе вентилятор... у вас таки настоящее государство, и у вас есть даже свиньи, потому что вы, например, в полный профиль... (*Лазику не удалось закончить сравнения, увидев широкоплечего лакея, он только воскликнул...)* Начинается! Кажется, лакей? И прямо с Голиафов! *(И скрылся).*

Затемнение.

От а в т о р а. Началась для Лазика обычная неразбериха чередования профессий, раздирающие душу запахи в обеденные часы, пинки, философские беседы и сон на жесткой земле. Но все труднее и труднее было сносить ему эту жизнь: подкашивались ноги, кашель раздирал грудь, и по ночам снились: Сож, международные мелодии, смерть.

Надели две прослужил он у Могилевского, который торговал сукном в Яффе. В Тель-Авиве было слишком много лавок, а в Яффе дела шли хорошо; одна беда - арабы избивали евреев. Каждое утро, отправляясь из Тель-Авива в Яффу, Могилевский надевал на себя феску, чтобы сойти за араба. Пришлось и Лазику украсить сою голову красной шапчонкой..

Р о й т ш в а н е ц. Ну да! Я стопроцентный араб. У меня дома настоящий горем и бюст вашего Магомета. Вот только где я умру: под этим забором или под тем?

В НОЧНОМ КАБАРЕ

Ночное кабаре. Девушки танцевали, задирая к потолку голые ноги. Это производило на Лазика сильное впечатление.

Р о й т ш в а н е ц. Здесь таки цветут святые апельсины. Я падаю на колени. Я влюблен в вас всех оптом. Сколько вас? Восемь? Хорошо, я влюблен в восемь апельсинов, и я предпочитаю умереть здесь от богатырской любви, чем где-нибудь на улице от постыдного аппетита.

Д е в у ш к а. Вы настоящий комплиментщик. Сразу видно, что вы из Одессы.

Р о й т ш в а н е ц. Положим, нет. Я из Гомеля. Но это неважно. Перейдём к вопросу об апельсинах…

Подбегает Гольдбрух, его не сразу узнал Лазик.

Г о л ь д б р у х. Нахал! Как вы смеете вносить в эту высокую атмосферу ваш рабский жаргон? Когда они говорят на священном языке Суламифи, выскакиваете вы, и вы пачкаете ваши благородные уши вашей гомельской грязью. Вы, наверное, отъявленный большевик!

Р о й т ш в а н е ц. Додя, Голиаф с вами?

Г о л ь д б р у х. Негодяй. Он ещё смеет острить, когда за этим столом все члены комитета! Эй, швейцар, освободите нашу долину молодых пальм от подобного пискуна!

Появляется Швейцар.

Ш в е й ц а р. Господин Гольдбрух велел сдать вас полиции. *(Выводит Лазика).*

Р о й т ш в а н е ц. Остановитесь! Вы кто такие? Вы евреи или вы полицейские доктора?

Ш в е й ц а р. Мы, конечно, евреи. Но ты сегодня потеряешь несколько ребер. Эти англичане еще кричат, что мы не можем справиться с большевиками. Хорошо! Они увидят, как мы с тобой справились.

Затемнение.

О П Я Т Ь - Т Ю Р Ь М А

Р о й т ш в а н е ц. Они дерутся не хуже певучих панов. Что и говорить, это настоящее государство! Я не знаю, сколько у меня было ребер и сколько осталось, я им вовсе не веду счет. Но одно я знаю, что Ройтшванецу - крышка.

Появляется англичанин.

При чем тут великие британцы? Может быть, вы тоже недовольны, что я говорил с этими апельсинами не на языке покойной Суламифи?

А н г л и ч а н и н. Вы большевик?

Р о й т ш в а н е ц. Какая же тут высокая политика, когда меня свели с ума их ноги? Вы что-то пронзаете меня вашим умным взглядом. Уж не получили ли вы открытку с видом мистера Роттентона? Тогда начинайте прямо с копания могилы.

А н г л и ч а н и н. Мы не потерпим у себя большевизма! Мы его искореним. Мы очистим нашу страну от московских шпионов.

Р о й т ш в а н е ц. Интересно - сплю я или не сплю? Может быть, я сошел с ума от этих Голиафов? Правда, они вытряхивали бедра, но они могли вытряхнуть и мозги. Я, например, не понимаю, зачем вы вспоминаете вашу великую страну с письмами Троцкого и даже с картофельным пудингом, когда я не в Ливерпуле, а в еврейской Палестине?

А н г л и ч а н и н. Вы показываете черную неблагодарность. Мы вам возвратили вашу родину. Мы вас опекаем. Это называется «мандат». Теперь вы поняли?

Р о й т ш в а н е ц. Как сказал бы наш Берка из Гомеля...

А н г л и ч а н и н. Мы построили военный порт для великобританского флота и авиационную станцию для перелетов из Англии в Индию... Мы ничего не жалеем для вас. Но большевистской заразы мы не потерпим.

Р о й т ш в а н е ц. Мерси! Мерси прямо до гроба! Но скажите, может быть, вы снимите с меня этот мандат, раз я такой неблагодарный Ройтшванец? Все равно я скоро умру, так дайте мне умереть на свободе, чтоб я видел эти апельсиновые сказки, и солнце, и колючую землю, которая меня зачем-то родила! А потом, через месяц или два, вы сможете вовсю опекать мою заразительную могилу. Я дам вам на это безусловный мандат.

А н г л и ч а н и н. Не спешите в могилу. Ваше место в тюрьме! Вы правильно здесь!.. *(Вышел).*

Затемнение.

У СТЕНЫ ПЛАЧА

Лазик рассматривает окрестность, приложив руку козырьком ко лбу. Появляется Абрамчик.

Ройтшванец. Что за мираж? Неужели это вы, Абрамчик?

Абрамчик. Я. Это я.

Ройтшванец. Но почему же вы стали рыжим, если вы были вечным брюнетом?

Абрамчик. Тсс! Я просто покрасил бороду, чтоб они меня не узнали после того факта с окурком. Ну, давайте уже выть!

Оба завыли. Это продолжалось недолго.

Ройтшванец. Слушайте, Абрамчик, я хочу поднести вам конкретное предложение. Как вы думаете, не пора ли нам уже возвращаться на родину?

Абрамчик. Мало я слушал эти слова? Ведь мы уже, кажется, вернулись на родину. О чем же вы еще хлопочете?

Ройтшванец. Очень просто, я предлагаю вам вернуться на родину. Здесь, конечно, певучая речь, и святая земля, и еврейская полиция, и даже мандат в британском мундире, слов нет, здесь апельсиновый рай, но я хочу вернуться на родину. Я не знаю, где вы родились - может быть, под арабскими апельсинами. Что касается меня, то я родился, между прочим, в Гомеле, и мне уже пора домой. Я поездил по свету, поглядел, как живут люди и какой у них в каждой стране свой особый бокс. Теперь я только и мечтаю, что о моем незабвенном Гомеле. Вдруг у меня хватит сил, и я доплыву туда живой!.. Я снова увижу красивую картину, когда Сож сверкает под берегом, наверху деревья, и публика возле театра, и базар с отсталыми подсолнухами. Я увижу снова Пфейфера. Я скажу ему: «Дорогой Пфейфер, как же вы здесь жили без меня? Кто вам шил, например, брюки? Наверное, Цимах. Ведь здесь же складочка совсем не на месте.» И Пфейфер обольется слезами. А маленький Монюша будет прыгать вокруг меня: «Дядя Лазя, дай мне пять копеек на ириски!» И я, конечно, отдам ему всю мою душу. Я увижу Фенечку Гершанович. Она будет гулять с молодым сыном по роскошному саду Пашкевича. Я вовсе не подыму низкий шум. Нет, я скажу ей: «Доброе утро! Гуляйте себе

хорошо. Пусть цветет ваш маленький богатырь. Я был в двенадцати странах и на двадцати занозах. Я переплывал все моря вплавь. Я видел, как цветут орхидеи. Но я думал все время только о вас. Теперь я, конечно, умираю, и не обращайте на меня никакого внимания, но только принесите на мою могилу один гомельский цветок. Пусть это будет не нахальная орхидея, а самая злостная ромашка, которая растет на каждом шагу». Да, я скажу это Фенечке Гершанович, и потом я умру в неслыханном счастье.

Я хочу умереть дома-а-а!

А б р а м ч и к. Вы совсем напрасно говорите о смерти. Вы еще юноша, и вы можете даже жениться. Я не понимаю только одного, как вы поедете отсюда в Гомель? Это же не в двух шагах.

Р о й т ш в а н е ц. Ну что ж, я снова сяду на эту качалку, и я закрою глаза. Хорошо, выматывайте из меня все кишки! Одно из двух: или я умру, или я уеду.

А б р а м ч и к. Но вы с ума сошли! Кто вас повезет?

Р о й т ш в а н е ц. Это очень просто. Янкелевич в Париже рассказал все по пунктам. Я беру лист, и я немедленно открываю полномочный «Союз возвращения на родину». Причем это будет великая федерация: они вовсе не обязаны ехать в Гомель. Нет, они могут возвращаться в Фастов и даже в Одессу. Я соберу сто подписей, и я отошлю в Москву заказным письмом всем самым роскошным комиссарам, а тогда за нами приедет настоящий пароход Вы думаете, здесь мало охотников? Юзька не закричит «ура»? Старик Шенкель не прыгнет мне на шею? Какие тут могут быть разговоры! Все поедут. Я сейчас же пойду с анкетным листом.

Лазик ушел. За ним и Абрамчик. Слышен шум, гам. Крики, ругань. Прибегает Лазик.

Р о й т ш в а н е ц. Они не хотят ехать! Теперь я знаю, что евреи могут драться! Где же мой рай? Или я его еще не выкроил?.. Искать!.. Искать рай!.. *(Уходит).*

Затемнение.

На знойном белесом небе темнеют купола и минареты Иерусалима. Лазик прибрел на кладбище.

Р о й т ш в а н е ц. Кажется, здесь можно поставить хорошую точку.*(Упал без чувств: устал).*

Вскоре его обнаружил бородатый сторож.

С т о р о ж. Спрашивается, что ты здесь делаешь?

Р о й т ш в а н е ц. Я? Я - уже.

С т о р о ж. Что значит «уже»?

Р о й т ш в а н е ц. Уже умираю.

С т о р о ж. Вы видели такого второго нахала? Ты знаешь, где ты? Это вовсе не место для подобных попрошаек, это могила самой Рахили. Ты понимаешь, что это за замечательная святыня, или ты вообще оглох? Здесь вовсе не умирают, здесь дают мне немножко денег, и я кидаю записку, и я читаю несколько молитв. А потом отсюда уходят. Ты понял? Чего же ты не двигаешься? Как зовут тебя и твою, скажем, мать? Отвечай скорей, пока никого нет, и я тебе устрою это по самому дешевому тарифу.

Р о й т ш в а н е ц. Вы напрасно волнуетесь скажем, что меня зовут «Горе», а мою мать «Печаль». Что же дальше? У меня нет ни одного пенса. Я через час, наверное, умру.

С т о р о ж. Нахал! Богохульник! Последняя собака! Сейчас же убирайтесь отсюда, не то я тебя истерзаю! Уходи умирать на помойку! Этот гроб Рахили вовсе не для тебя устроен. Он устроен для порядочных людей.

Р о й т ш в а н е ц. Вы думаете, я знал, что здесь живет гроб Рахили? Нет, я думал, что здесь никто не живет. Я хотел вежливо умереть, чтобы никого не обидеть последним вздохом...

С т о р о ж. И кто же будет платить за твои дурацкие похороны?

Р о й т ш в а н е ц. Знаете что, еврей, вы мне надоели. Вы мне мешаете умереть. Я должен сейчас подумать о чем-то высоком, а вы ко мне пристаете с пошлыми деньгами. Вы можете выкинуть мое мертвое тело хоть в яму, мне все равно. Но сейчас, когда во мне все гудит, я хочу думать только о самом высоком.

С т о р о ж. Подумаешь, что за важная птица! Я еще понимаю, когда умирают какие-нибудь ученые цадики, или министры, или

щедрые господа с большим капиталом, там им есть на что оглянуться, у них позади пышная жизнь. А над чем ты можешь философствовать, если ты жалкий попрошайка, неуч, нахал с улицы?

Р о й т ш в а н е ц. Да, я не ученый секретарь. Я только гомельский портной. Но все-таки перед смертью мне нужно подумать. Вот я вижу всю мою бурную жизнь. Она кипит внизу, как наш Сож. Мне самому смешно, когда я вспоминаю печальные факты. Это даже не похоже на жизнь. Это просто постыдный анекдот нашего Левки. Я вспоминаю, и я улыбаюсь, может быть, за пять минут до последнего вздоха…

С т о р о ж. Но теперь ты поговорил, и ты можешь убираться. Слышишь? *(Понюхал табак, почесал бороду, не понимая, что же приключилось с этим нахальным нищим, взял свечу и поднес ее к лицу Лазика).* Ну, что это за поведение?..

Лазик лежал неподвижно. Он больше не дышал. На его мертвом лице была детская улыбка... Увидев ее, сторож обомлел. Он выронил на пол свечу, он зарыдал...

О т а в т о р а. И если бы Сторож знал, как зовут этого человека, ушедшего на его глазах в мир иной, и хотя бы немножко знал о его бурной жизни, он бы сказал: «Спи спокойно, бедный Ройтшванец! Больше ты не будешь мечтать ни о великой справедливости, ни о маленьком ломтике колбасы».

Горят свечки и в руках всех, кто так или иначе встречался с Лайзиком Ройтшванецем на его житейском бурном пути.

Занавес.

2012 г.

ЧАРОДЕЙНЫЙ РЮКЗАЧОК

Пьеса-сказка в двух действиях

Стихотворения Николая Чернявского

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а:

К у в ш и н ч и к, актер; он же – Медведь.
М а л и н к и н а, актриса; она же – Маша.
П е р ч и к о в а, актриса; она же – Мышка, а также может быть и кустиком, и пеньком…

Д е й с т в и е п е р в о е

На сцене появляются три актера. Рюкзачок за спиной у Кувшинчика. Поют "Песню о рюкзачке". В движении.

Он давно ждал этой встречи
И готовился в поход.
Рюкзачок закинь за плечи –
Он нигде не подведет!

Припев:

Как живой, всегда он с нами.
Наш затейник, наш дружок,
Наш заботливый, послушный,
Наш надёжный, всюду нужный,
Наш весёлый, добродушный,
Чародейный рюкзачок.
Рюкзачок, рюкзачок,
Чародейный рюкзачок!

Он придёт – и без подсказки
Станут явью в добрый час
Волшебства, мечты и сказки,–
Вы готовы встретить нас?

Припев.

Он придёт, ведь точно знает,
Что его, как друга, ждут.

Он всегда добра желает,
Самых радостных минут.

Припев.

Когда закончится песня, актеры останавливаются, удивлённо переглядываются, пожимают плечами.

М а л и н к и н а. Погодите, погодите! Кувшинчик! Перчикова!

К у в ш и н ч и к. Что, Малинкина?

П е р ч и к о в а. Ты, Малинкина, видать, никак не поймешь, куда мы пришли?

М а л и н к и н а. Сейчас вижу: в зале – дети, мальчики и девочки.

П е р ч и к о в а. Да. И взрослые также есть.

М а л и н к и н а. Их мамы и папы.

П е р ч и к о в а. А может и дедушки, бабушки?

К у в ш и н ч и к. Слышал, слышал! Молодцы! Значит, мы правильно пришли. По адресу. Здесь самые лучшие мальчики и девочки. Я по их вижу. Вон они какие все красивые, улыбающиеся… И поэтому я могу смело снять с плеч наш чародейный рюкзачок. *(Снимает).* Вижу, заинтересовались? Да-да, вы, ребята, правы: это не совсем обычный рюкзачок… Носил бы я рюкзачок за спиной, если бы он был самый обыкновенный рюкзачок, а тем более – пустой. Хе, не дождётесь! Малинкина! Перчикова! Первым делом что мы должны сделать?

М а л и н к и н а. Поздороваться со всеми.

П е р ч и к о в а. Да, да!

В м е с т е. Всем – здравствуйте!

М а л и н к и н а. Никогда не угадаете, что в нашем рюкзачке.

П е р ч и к о в а. А давайте мы сами скажем…

В м е с т е. … что он полон сказок.

П е р ч и к о в а. … и всяких разных других историй и приключений.

М а л и н к и н а. Поэтому рюкзачок и есть чародейный. Ведь где вы еще видели, чтобы в рюкзачках, как застегнуть, было полно сказок? Нигде, правильно. Вот, вот, они уже и вылазят, сказки…так и лезут… Назад, назад, не торопитесь! Каждой сказке своё время*!..(«Заталкивает» сказки назад).*

К у в ш и н ч и к. А наш рюкзачок– исключение.

П е р ч и к о в а. Редкое…

М а л и н к и н а. … и приятное.

К у в ш и н ч и к.. Так что, ребята, заглянем в наш рюкзачок? Посмотрим, что в нём? Не пора ли?

Дети отвечают.

К у в ш и н ч и к. Сейчас, сейчас мы здесь разберемся. Одну минуточку. Но сначала надо сказать волшебные слова: рюкзачок, рюкзачок, покажи свой язычок! Вот, пожалуйста! *(Достает из рюкзачка маленькую ёлочку).* Где растут ёлочки, ребята?

Дети отвечают: в лесу.

К у в ш и н ч и к. Правильно, в лесу. Значит, ёлочка будет лесом.

Малинкина поставила ёлочку чуть подальше от Кувшинчика.

К у в ш и н ч и к. Молодец, Малинкина. А леса без грибов не бывает. *(Достал несколько грибков, подал Перчиковой, та расставила их).* Молодец, Перчикова. Растут у нас и грибочки. Красавцы какие, а! А что еще, кроме грибов, растет в лесу? Правильно, ягоды. *(Достал кустик, подал Малинкиной).* У тебя фамилия Малинкина, вот и кустик с твоими ягодками… Держи.

Малинкина "посадила" кустик.

К у в ш и н ч и к. Какой красивый и чудесный у нас лес получился! Какой сказочный! Деревья растут, а под ними – грибы-ягоды. Прелесть! Но для нашей сказки этого мало. Поэтому заглянем еще в наш необычный рюкзачок. *(Достал платок, подал Малинкиной).* А это тебе, Малинкина. Повязывай, повязывай. Будешь девочкой.

М а л и н к и н а. А какой… девочкой? Из какой сказки?

К у в ш и н ч и к. А сама ты с какой хотела бы быть?

М а л и н к и н а. Я? А подумать можно?

К у в ш и н ч и к. Почему же нельзя? Думай. Прежде, чем что-то сделать, всегда надо сначала подумать.

М а л и н к и н а. Я бы… я бы хотела быть девочкой Машей из сказки "Маша и Медведь". *(Повязала платок).*

К у в ш и н ч и к. Хочешь, и будь ей. Твое желание – здесь самое важное, самое главное.

М а л и н к и н а. Похожа я на девочку Машу?

К у в ш и н ч и к. Вся она! Как две капельки воды! Я бы вас никогда не отличил... *(Подал корзину).* Грибы собирать нашей Маше во что-то же надо? Надо. Держи корзину, Маша.

М а л и н к и н а. Ой, правда! *(Взяла корзину).*

К у в ш и н ч и к *(роется в рюкзачке).* А Медведем буду я, значит. Потому что тут я самый смелый, сильный и большой. Ну, где он, мой домик? *(Достал).* Вот он. Куда бы мне его здесь поставить? А, так возле ёлочки! *(Поставил).* Как тут и стоял. С сегодняшнего дня здесь его будет законное место. Адрес укажу, чтобы почтальон Заяц лопоухий мне письма, телеграммы и газету «Медвежья услуга» аккуратно приносил. Ну что, можно и сказку начинать?

П е р ч и к о в а. А про меня... забыли?

К у в ш и н ч и к. А про тебя и забыли, получается. Прости, актриса Перчикова. Сама виновата – руку не тянула.

П е р ч и к о в а *(тянет руку).* Я уже тяну руку! Тяну!..

К у в ш и н ч и к. Да вижу, вижу...А кем бы ты хотела быть в нашей сказке?

П е р ч и к о в а. Также девочкой Машей. Но поскольку в сказке Маша одна, тогда давайте я буду Мышкой. А?

К у в ш и н ч и к. А есть разве в сказке про девочку Машу и Медведя Мышка?

М а л и н к и н а. Нет, Мышки нет, кажется... в этой, в этой сказке нет её...

П е р ч и к о в а. А я буду все равно, есть там она или нет. Со мной сказка интереснее станет. Мышки везде есть!

К у в ш и н ч и к *(Малинкиной).* Поверим?

М а л и н к и н а. Поверим!

П е р ч и к о в а. Ура-а!..

К у в ш и н ч и к. Хорошо. Пусть будет и так. *(Подал серенький балахончик, на котором написано "Мышка").* Держи, Мышка! В нашем чародейном рюкзачке всё есть. Ну, а сейчас моя очередь... *(Натянул шапку-ушанку, кажушок и руковицы. Бодро).* Кто скажет, что я не Медведь?! Га-га-а-а-а-а! Где здесь улей с моим любимым медом?! Может кто со мной хочет побороться?! То знайте с кем!.. Ух!.. Ах!.. О-го-го-о-о!..

Кувшинчик, Малинкина и Перчикова стали Медведем, Машей и Мышкой.

М а ш а. Побыстрее приходи к нам, сказка!

М ы ш к а. Все детишки ждут тебя!

М е д в е д ь. И молодцы, если ждут. Сказка – начинается!. Или, вернее, продолжается!...

Медведь и Мышка исчезают. Маша бродит по лесу с корзинкой – собирает грибы.

М а ш а *(поет):*

Дома бабушка сказала,
Чтоб я в глушь не залезала.
Не ходила слишком далеко.
Чтоб грибы у тропки брала,
От подружек не отстала, –
Заплутать одной в лесу легко.

Дед сказал, прекрасно зная,
Как грибы я собираю,
Чтоб в лесу внимательней была.
Чтоб, как плиска, не летала,
А тропинки примечала,
Чтоб вернуться из лесу могла.

Ой, грибы-грибы-грибочки,
Не сидите, словно квочки.
Не сидите в одиночку тут и там.
Лучше дружно, без заминки
Полезайте мне в корзинку,
Сразу станет веселее вам.

Ой, грибы-грибы-грибочки,
Грустно вам сидеть в тенёчке.
В прятки поиграйте вы со мной.
Как найду кого, увижу –
Не оставлю, не обижу…
Ой, куда зашла я, ой!

М а ш а *(наконец вспомнила про подружек, зовет).* Настя! Вероника-а!.. А-у!.. Ой! А где же они, мои подружки? Неужели это я заблудилась? А-у!..Настя! Вероника-а!.. Вы где?...Девочки-и!.. Подружки-и!..Ой, мне уже страшно стало!... И дороги я одна не найду из лесу к своему дому. Что же делать? Как мне быть? А вдруг Волк? Или сам Медведь? Страшно как!.. Кто за меня заступится?

Нет ни дедушки, нет ни бабушки… Какой ужас!.. И почему, почему я не послушалась их?..

Крик птиц. Действительно – ужас!..

И птицам этим не сидится и не спится!.. Тише, птички*!..(Маша то исчезнет, то появится).* Там дальше – сплошная глушь, везде темно, как ночью. Ой, а чья это избушка?! Да такая маленькая, аккуратненькая, красивая! *(Постучала в дверь).* Никто не отвечает. Может, хозяин этой избушки также где-то по лесу ходит? Может, и он заблудился, как я? А что, если я возьму да и зайду внутрь, в избушке этой хозяина подожду? Там не так, видать, страшно будет. Только разве же можно входить без разрешения? Избушка же – чужая. А в то же время и замка на дверях нету и никто не отвечает на мой стук. Видимо, можно войти, я же ничего плохого делать не стану… просто спрячусь от страха. Пусть будет страх во всём виноват! *(Толкнула дверь – дверь и распахнулась, и совсем маленькая избушка стала большой: заходи – живи. Маша зашла).* Есть кто в этом домике? Есть здесь кто? *(Села на лавку, вдруг услышала, как под полом грызет что-то Мышка).* Мышка? Или кто это?.. Кажется, она…Мышки я не боюсь… *(Мышка успокоилась).* Кто же, интересно, здесь живет? *(Спохватилась).* Ой, а почему же это я сижу? Вдруг придет хозяин, а еда не приготовлена? Крупы есть – будет каша. Горшок тоже вот имеется у нас… Вода… Сахар… Соль… И печь… А больше ничего и не надо! *(Варит кашу).* А я кашку у своей бабушки научилась готовить. Учись, говорит, внучка, в жизни все пригодится… За себя бросишь, а впереди возьмешь…Пока каша варится, я приберу в комнатке… Почему-то мне кажется, что здесь живёт кто-то не очень приспособленный к быту… *(Прибирает).* Ой! А как же там наша кашка-малашка? Совсем забыла про неё. *(Подбегает к горшку, пробует).* А она уже, кашка, и готова!

Прибегает Мышка.

М ы ш к а. Привет, Маша!

М а ш а . Ой, Мышка?!

М ы ш к а. Мышка, Мышка. Я – местная Мышка. Я тут живу. Под полом. *(Зевает).* Не выспалась маленько…

М а ш а. Так же темно, наверно, под полом?

М ы ш к а. Ну и что? Зато никто меня там не видит. Что хочу, то и делаю.

М а ш а. И вред… тоже делаешь?

М ы ш к а. Кому там тот вред сделаешь? Некому. Так, иногда… Поцарапаю иной раз… просто так, чтобы о себе напомнить… Другие по телику выступают, в кино снимаются… а мне, бедной Мышке, и засветиться негде…

М а ш а. А с кем ты живешь рядом, Мышка?

М ы ш к а. Сначала накорми кашкой, а потом я тебе скажу, с кем живу.

М а ш а. Пожалуйста! *(Подала тарелку с кашей Мышке).*

М ы ш к а *(ест).* Вкусная какая каша! Никогда такой не ела! Кто же тебя научил такую вкусную кашу варить?

М а ш а *(грустно).* Бабушка, кто ж еще? Как они там, бабушка с дедушкой, без меня?

М ы ш к а. Хорошая у тебя бабушка, мой привет ей. До чаго же вкусная кашка!.. Вот обрадуется так обрадуется Медведь!

М а ш а *(аж выпустила ложку).* Мед… мед…ведь?!

М ы ш к а. Медведь, Медведь. Михал Потапыч. Ага. Он. Да-да, это его домик. Не удивляйся. Летний. Чтобы от дождя прятаться… На зиму он в берлогу забирается, а когда снега нет и в колодах много мёду, его туда не заманишь.

М а ш а. А я же без разрешения вошла… Что ж мне будет, а, Мышка?

М ы ш к а. Хе! Я тут без разрешения уже четыре года живу. Вот новую дырочку в полу прогрызла… в самом уголке… Запасной ход… На всякий случай… Чтобы удобнее было убегать от Потапыча…

М а ш а. А что, он такой злой?

М вы ш к а. Злее не придумаешь! Ужас! Ух и злюка! За каждую мелочь готов убить меня, растерзать. А сейчас вот ты появилась, то, может, хоть от меня отстанет, будет на тебе злость срывать… Сама скоро узнаешь, что он за фрукт… А какие у него лапы!.. А зубы!.. А пасть!… Самый настоящий людоед!..

М а ш а. Ой! Так что же ты мне посоветуешь, Мышка?

М ы ш к а. А что я тебе посоветую, Маша? Одно только скажу: Медведь тебя домой не отпустит. Не-а.

М а ш а. Как это?

М ы ш к а. Очень просто..

М а ш а. Меня же дедушка с бабушкой ждут.

М ы ш к а. А его это мало волнует. Стариков своих надо было слушаться. А так ты попала в плен к Медведю, и одному ему известно, чем все это кончится.

М а ш а. Неужели он и в самом деле такой не хороший, такой страшный, Медведь?

М ы ш к а. Ужас какой! Правда, один день бывает так себе… немного даже и хороший как бы, а другой – нет, совсем поганый. Вот и не пойму, от чего у него так часто меняется настроение.

М а ш а. А сегодня? А сегодня какой он?

М ы ш к а. Не видела еще… проспала. Но какое не будет у него настроение, а в прятки тебя заставит играть. Обязательно. Это его любимое занятие.

М а ш а. В прятки играть я умею! *(Радуется).*

М ы ш к а. Погоди радоваться! Он тебе такое условие поставит: если поймает, то на всю жизнь и останешься у него жить.

М а ш а. Что, и без бабушки, и без дедушки? Да?

М ы ш к а. Конечно! Кто их сюда пустит в медвежий лес?

М а ш а. А если я возьму и перехитрю его и не попаду ему в лапы? Или сама его поймаю? Что тогда?

М ы ш к а. Беда в том, что только он, Медведь, и ловит. Один. Сам.

М а ш а. Да так же не справедливо!

М ы ш к а. Справедливо или нет, а у Медведя правда одна.

М а ш а *(всхлипывает).* Хочу домой… К бабушке… К дедушке…

М ы ш к а. Хотеть не вредно. Но сначала я тебе скажу следующее, Маша. Слушай меня внимательно.

М а ш а. Да-да, я тебя слушаю, Мышка.

М ы ш к а. Когда Медведь начнет играть с тобой в прятки, то он даст тебе в руки колокольчик. Я выручу тебя…. Только ты за это каждый день должна давать мне сто пшённых зёрнышек. Говори, согласна или нет? Принимаешь условие?

М а ш а. Согласна… Принимаю… А что мне ещё остаётся делать?

М ы ш к а. Тогда мы с тобой перехитрим косолапого!

М а ш а . А как?

М ы ш к а. «Как», «как»! Ты как маленькая все равно, Маша. Слушай меня внимательно. *(Оглядывается по сторонам).* Нас тут никто не подслушивает?

М а ш а. Мы одни, кажется…

М ы ш к а. Это и хорошо. Ага, значит, действуем так… Ты привяжешь колокольчик за мой хвостик. Поняла?

М а ш а. Да, да, поняла. За хвостик…. За твой…

М ы ш к а. А меня он пусть попробует поймать! Он будет думать, что за тобой гоняется, а на самом деле – за мной. А я под лавку – скок, под кроватку – прыг, в щёлочку какую-нибудь пролезу, как бы между прочим – привет, Медведь!

М а ш а. Молодчина ты, Мышка! Ты смелая и сообразительная…

М ы ш к а. А ты как думала! Жизнь научит. Не гляди, что я маленькая и серенькая. Кажется, он, Медведь, уже идет? Его, его шаги. Слышишь, все, что попадается ему на пути, как он крошит своими лапищами? Лапищи – во!.. Пасть – во!.. Слышишь?

Совсем уже рядом трещит под лапами Медведя валежник.

М а ш к а *(испуганно).* Слышу…

М ы ш к а. Помни про наш уговор… про зёрнышки… А я побежала прятаться. И будем делать все так, как договорились. В самую нужную минуту я окажусь рядом с тобой.

М а ш а. Ой, у меня все тело трясётся. Я боюсь. Очень…

М ы ш к а. Наберись мужества, и все будет хорошо. Мышка тебя в беде не оставит. Я хотя и сама боюсь Медведя, но за тебя вступлюсь. Да и нас же двое, помни об этом!.. Только не забывай про зёрнышки. Угу?

М а ш а. Да помню, помню!…

М ы ш к а. Гляди же у меня!.. *(Исчезает).*

М а ш а. Нет, нет!.. Я точно умру от страха!… Я очень боюсь Медведя!… Очень!.. Ой, а где каша? (Поставила на стол горшок. Чуть не плача). Приятного аппетита, косолапый!.. А теперь куда бы мне спрятаться? Где найти хоть какой-нибудь уголок, чтобы от меня там не увидел? *(Суетится, наконец-то спряталась).*

Входит Медведь.

М е д в е д ь. О, что я вижу?! Не иначе каша?! Каша! Гляди ты! Что за чудеса! *(Ест).* А какая вкусная!… Я давно не ел такой кашки! Любо-дорого! И кто же, интересно мне, ее приготовил? Покажись, прелестный повар!.. Прими от меня благодарность!.. И поклон!.. *(Поклонился).*

Маша выходит.

М а ш а. Я… я… я…

М е д в е д ь. Спасибо тебе за кашу, девочка.

М а ш а. Нет за что…

М е д в е д ь. Ого нет! Я такой вкусной каши никогда не ел. Как же тебя звать-величать, красавица?

М а ш а. Маша я.

М е д в е д ь. А, Маша! Как это я тебя сразу не узнал? Верно – Маша!

М а ш а. Ага…

М е д в е д ь. Будешь жить у меня, Маша. Теперь я тебя не отпущу. Будешь печь топить, будешь кашку варить…

М а ш а. Отпусти меня домой, Михал Потапыч.

М е д в е д ь. Зачем это? Разве у меня тебе плохо?

М а ш а. Я у дедушки круп возьму… Тогда много каши получится. Круглый большой чугун, если и еще не больше, выйдет каши… вот…

М е д в е д ь. Хитрая, однако! Так не будет. И запомни, Маша: если только убежишь от меня, я тебя обязательно найду и съем. Чтобы это я, Михал Потапыч, да не поймал тебя? Где это видано? Будет всегда только по мне. Ну, а теперь мой посуду, подмети пол… А я по лесу поброжу, может где на мёд попаду…Подсластить во рту хочется. Какой Медведь сладкого не любит! Отвернись, я штаны переодену. Эти у меня выходные. В город или в гости к кому сходить…А по деревьям лазать и эти хороши будут…С дырками они…

М а ш а *(радостно).* А я штаны заштопать могу, Михал Потапыч!

М е д в е д ь. Нету у меня ни иголки, ни ниток…

М а ш а. У бабушки есть!

М е д в е д ь *(долгий, пронизывающий взгляд на Машу).* Хм!.. А мёду у твоей бабушки, случайно, нету? *(Переодел наконец-то штаны).*

М а ш а. И мёд есть!

М е д в е д ь. Иди ты! Во как! И мёд, говоришь, есть?

М а ш а. Ага.

М е д в е д ь. Только мне кажется, ты всё же, Маша, хочешь от меня убежать. Не получится. Нравишься ты мне… В моей летней избушке светлее стало с твоим появлением… Сразу видать, что ты хорошая хозяюшка… А такими, как ты, не разбрасываются… Я скоро вернусь… *(Направился к двери, однако остановился, повернулся к Маше).* Штаны мне и эти сгодятся… А про бабушкин мёд мы с тобой ещё поговорим, Маша. *(Исчезает).*

М а ш а. Поговорим… Хорошо…

Маша моет посуду, подметает пол. Села на лавку, поет:

Мне бабуля, будто знала,
Отправляя в лес, сказала:
«Заблудившись, внученька, не плачь,
Не беги с испуга вскачь.
А присядь, остынь немножко –
И найдут дорогу ножки,
Потеряться не дадут,

Прямо к дому приведут» .

Говорил дедуля строго,
Что в лесу волков ой много.
Что в чащобе в сумрачные дни
Страх наводят даже пни.
Я же слушать не хотела,
Как на крыльях, в лес летела.
А теперь сижу в глуши,
Где ни солнца, ни души.
А теперь сижу в глуши.
Где ни солнца, ни души.

Если б знать могла бабуля,
Если б только знал дедуля,
Где теперь их внучка, где
И в какой она беде!

Может, плачут там, как дети,
Я же в логове медведя.
Как мне выбраться отсюда?
Кто поможет? Может, чудо?
Кто печаль мою поймёт?
Ой, медведь сюда идёт!

Прибегает Мышка.

М ы ш к а. Ну что, убедилась, какой он, Медведь?

М а ш а. Не такой он уже и страшный…

М ы ш к а. Погоди, погоди! Ты ещё не до конца его узнала. Поживешь – увидишь. Вот если не найдет в лесу мёда, он тогда всю злобу на тебе сорвёт. Идёт, кажется? Ну, я побежала к себе! Не люблю ему на глаза лишний раз показываться! Ну его, злодея!..

Возвращается Медведь.

М е д в е д ь. Что-то грустная, печальная ты, Маша?

М а ш а. По бабушке грущу, по дедушке. По своим подружкам…

М е д в е д ь. Ну что с тобой поделаешь, девочка? Хотя и тебя понимаю. И себя. Отпустил бы я тебя, если бы ты была мне не нужна… Скучно одному мне жить… Хоть плачь… Иной раз и плачу… Только кто и когда медвежьи слёзы видел?

М а ш а. Я… я тоже не видела.

М е д в е д ь. А давай по справедливости сделаем, Маша. Идет?

М а ш а. Не знаю, как будет выглядеть та справедливость?

М е д в е д ь. В прятки поиграем, это же совсем просто… Играла когда-нибудь?

М а ш а. Играла.

М е д в е д ь. Вот и чудесно. Я даю тебе вот этот колокольчик прямо в руки… Держи, держи… *(Подал колокольчик).* Себе завязываю глаза…

Пока Медведь завязывает глаза, появилась Мышка, и Маша к ее хвостику привязала колокольчик, а сама спряталась.

М е д в е д ь. Завязываю, завязываю… Завязал, кажется. Ничего не вижу. Ты прячься, Маша, я тебя буду искать.. Если найду – не отпущу домой, а не найду – так и быть, твоя взяла. Начали!…

Прятки продолжаются довольно долго, Медведь не выдерживает, садится на лавку, сопит, а Машка тем временем отвязала от хвостика Мышки колокольчик. Мышка исчезла.

М е д в е д ь. Тут что-то не так. Что-то нечисто, потому как я, я должен был… только я должен был победить!.. А как это тебе, Маша, удалось? Такой кнопке, да еще в моей избе, а?

М а ш а. Не знаю…Удалось… вот… ага… Может быть потому, что я очень и очень хочу домой… к бабушке и дедушке… Они уже там, я знаю, я чувствую, плачут…

М е д в е д ь. Дом твой никуда не денется. И старики подождут. *(Запел).* «Старики вы мои старики… дайте я вас сейчас поцелую…» Мне вот одно интересно: как это я тебе в прятки проиграл? Ума не приложу.

М а ш а. А где твое слово, Потапыч? Что обещал?

М е д в е д ь. Слово? Мое? Ах, слово! Да-да-да! Давай что-нибудь другое придумаем? Видишь, стар я стал, маленько побегал за тобой – и устал, дух испустил. Кхе-кхе-ке!.. Ты молодая, думай, а я отдохну. Думай! Изобретай какую-нибудь новую игру. Да такую, чтобы я мог победить! Только я!.. *(Лёг, храпит).*

Прибежала Мышка.

М ы ш к а. А здорово мы его облапошили с колокольчиком!

М а ш а. Что толку? Он меня все равно домой не отпустил…

М ы ш к а. А ты говоришь, что он не такой уже и страшный. Ещё тот тип!.. *(Пригрозила Медведю лапкой).* У!.. Что он тебе тут наговорил, прохиндей старый?

М а ш а. Говорит: стар я, мне уже бегать тяжело… Придумай, говорит, что-нибудь еще…

М ы ш к а. Эх, если бы я знала дорогу к твоим старикам, я бы мигом отвела тебя к ним, и ищи тогда ветра в поле. И ничего не надо было бы придумывать… И поклон Медведю–соне!.. *(Поклонилась, покривлялась).*

М а ш а. Как жалко, что и я дорогу не запомнила. Я же не собиралась заблудиться…

М ы ш к а. Чего же теперь слёзы лить попусту? *(Поманила Машу к себе поближе, что-то шепчет той на ушко, не отрывая взгляда от Медведя).* Всё поняла?

М а ш а. Ага. Всё…

М ы ш к а. Я всегда буду, так и знай, рядом с тобой в самую тяжелую, в самую ответственную минуту. Имей ввиду и помни о зёрнышках. Я могу стать и кустикам, и пеньком… *(Исчезает).*

М е д в е д ь *(проснулся).* Ну, придумала что-нибудь, Маша?

М а ш а. Отпусти, Михал Потапыч, всего на один денечек меня в деревню. Я бабушке и дедушке пирожков отнесу.

М е д в е д ь. Дело нужное. Бабушки и дедушки пирожки любят.

М а ш а. Да. Очень.

М е д в е д ь. По себе знаю. Но … но как же я тебя отпущу, когда ты дороги не знаешь? Заплутаешь. Пропадешь и сама, пропадут и пирожки. Давай твои пирожки, так и быть, я их сам отнесу. Ничего не могу с собой поделать – больно добрая у меня душа. Отнесу, отнесу. А ты маю избушку стереги.

М а ш а. Ну, пусть уже будет по-твоему… *(Сложила в короб пирожки и грибы).* Вот смотри: снизу пирожки будут лежать, сверху – грибы. Отнеси все это бабушке с дедушкой.

М е д в е д ь. Будет сделано. Чин чином. Аккуратно и в срок. Запомни, Маша: Медведь слов на ветер никогда не бросает. Имей ввиду. О!

М а ш а. Да запомни и ты, Михал Потапыч…

М е д в е д ь. Весь внимание…

М а ш а. …короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок взберусь, за тобой следить буду!.

М е д в е д ь. Хорошо. Давай короб. *(Взвалил короб на спину, уходит).*

Идет Медведь по лесу, устал, поставил короб на землю около кустика, а им стола Мышка, поглядывает на пенёк, а им стала также Мышка, и говорит):

– Сяду на пенёк,
Съем пирожок!

М а ш а *(идёт вслед, глаз с Медведя не сводит, а сама, когда Медведь надумает обернуться, все время за кустик прячется, которым становится Мышка):*

– Вижу, вижу!
Не садись на пенёк,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

М е д в е д ь. Видали её, какая глазастая! Всё видит! *(Поднял короб и пошел дальше. Затем опять остановился, сел и говорит):*

– Сяду на пенёк,
Съем пирожок!

М а ш а *(из-за кустика-Мышки):*

– Вижу, вижу!
Не садись на пенёк,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

М е д в е д ь. Вот какая Маша хитрая! Высоко сидит, далеко глядит! А вон и деревня. Похоже, ее дом. Фу, притопал, кажись. *(Стучит в дверь).* Открывайте, я вам пирожки от внучки Маши принес! Дед? Баба? Вы что, спите все там? Не слышите? Не выходят. Наверное, боятся. Голос мой услышали, и спрятались, дверь – на защелку, не иначе… А кто меня, Медведя, не боится? Смельчаков таких мало есть. *(Стучит).* Не открывают. А хорошо, вкусно как пирожки пахнут! (Нюхает). Сам бы съел, да нельзя: дал слово Маше доставить по адресу и в срок… хотя соблазн изнутри большой идёт…

Наплывает бешеный лай собак.

М е д в е д ь. Собаки?! О, откуда это они, собаки эти, здесь взялись?! Не было же раньше! С собаками шуточки плохи! Шуб на зиму не напасешься!.. Убегать надо! Пока мою новую шубу не изорвали в клочья и без штанов средь бела дня не оставили! Ай-я-яй-яй! *(Исчезает, только слышен его голос).* А чтобы вас!.. Вон!..

Ай-я-яй!.. Больно же! Больно!.. Я же пирожки приносил!… Хорошее дело делал!… Ай-я-яй!… Спасите-е-е!..

Появляется Маша. Хватает палку и бежит спасать Медведя.

М а ш а. Остановитесь, собачки! Он хороший Медведь! Он хороший! Не кусайте его!.. Не надо!.. Он ласковый!.. Остановитесь, собачки!.. *(Исчезает).*

Постепенно исчезает и лай собак.
Появилась Маша. Подняла короб.

М а ш а. Встречайте меня, бабушка и дедушка! Это я пришла, ваша внучка!
Г о л о с а: Идем, идем к тебе навстречу, Машенька!
–Заждались мы уж тебя давно!.. Думали, случилась что!..
–Ночь не спали, по лесу бродили, тебя искали!..
–Идём, идём!… *(Скрип двери).*

Маша исчезает вместе с коробом. Прибегает Мышка.

М ы ш к а. Я жду обещанных Машей зёрнышек! Я их, между прочим, честно заработала. Помогла Маше убежать от Медведя? Помогла. Все видели, не дадут соврать. Или, может, кто не видел?

Дети отвечают.
Появляется Маша со стаканчиком проса.

М а ш а. Давай свой карман, Мышка!
М ы ш к а. А я думала, ты уже и забыла про наш уговор? На мой карман. *(Подставила карман).*
М а ш а *(пересыпала просо).* Кушай на здоровье, Мышка. Просо ты любишь.
М ы ш к а. И не только просо – я и тебя люблю, Маша! *(Обнялись).*

Медведь, Маша и Мышка снова стали актёрами.
Но не переодеваются.

К у в ш и н ч и к. Видите, ребята, как в сказке все хорошо происходит? Хорошо и красиво. Хотя, бывает, и не всегда… как вот не повезло на этот раз Михалу Потыпачу…
П е р ч и к о в а. За всё это мы и любим сказки, так, ребята?

К у в ш и н ч и к. А где же наш чародейный рюкзачок? Ага, вот он. Ну, во-первых, надо все наши вещи сложить назад в него. В рюкзачок. Правильно? Конечно, правильно. Тут вы, как всегда, правы. *(Раздеваются).* Погодите, погодите, да мы можем еще много чего взять здесь, в рюкзачке. Реквизита хватит ещё на несколько сказок!..

М а л и н к и н а. А мне… а мне…

К у в ш и н ч и к. Ты что, Малинкина, плачешь?!

М а л и н к и н а. Может, немножечко и плачу… Просто мне очень хочется, чтобы и эта сказка продолжалась, не заканчивалась. Я опять хочу быть Машей. Я буду совсем иначе вести себя с Медведем. Он – хороший, хотя и сильный, и не такой страшный, как кажется…

К у в ш и н ч и к. Тогда и я не против побывать еще хорошим и сильным!.. *(Играет мускулами).*

М а л и н к и н а. А после того, как его собаки покусали, и совсем одного оставлять бедолагу бессердечно как-то… не по-человечески…

П е р ч и к о в а. И я также согласна. Рюкзачок, рюкзачок, покажи свой язычок!.. Возвращай нам одежду!..

К у в ш и н ч и к. Ну, коль такая уважительная просьба, – возвращаемся назад в сказку!

Звучит «Песня о рюкзачке».

Актеры перевоплощаются, и мы видим опять на сцене Медведя, Машу и Мышку. Видим ёлочку, грибочки, Медвежью избушку…

М е д в е д ь. А пока – антракт, ребята!

Занавес.

Д е й с т в и е в т о р о е

Медведь сидит на лавке, обхватил одной лапой голову, стонет. Маша и Мышка готовят мазь и бинт. И, как могут, утешают его.

М е д в е д ь. О-ё-ё-ей! Как больно мне!.. Мать родная!.. Если бы кто знал!…Какие злые собаки в вашей деревне, Машенька! Что я сделал им плохого? Да я же… да я же мухи никогда не обидел!.. Хотя и Медведь – мог бы одним щелчком, и поминай, как звали… Прочь, поганцы!… *(Отгоняет мух одной лапой, стонет от боли).*

М а ш а. Подожди немножко, сейчас мы тебя с Мышкой полечим.

М ы ш к а. Не унывай. Что уж теперь? Что было, то было…

М е д в е д ь. Да жду, жду. Ой, быстрее лечите меня! Как тут не унывать, друзья мои? Я хотя и большой, однако нетерпелив, страх, как боль не переношу, страх!… И что я тем собакам такого плохого сделал? Кому на ногу наступил? Или, может, на ухо?.. Кому?,.

М ы ш к а. Я вот листочек подорожника принесла, очень хорошо помогает, если собака укусит. Сейчас, сейчас перебинтуем тебе лапку.

М а ш а. Терпи.

М е д в е д ь.. Терплю, терплю. Одного понять не могу: зачем собаки меня покусали? Чем не угодил? Шубу – в клочья! Зачем? Что, что я им поганого сделал?

М а ш а. Спасибо тебе, Медведь, спасибо от дедушки с бабушкой.

М е д в е д ь. Неужели не врёшь?

М а ш а. Не-а. Ни капельки. Просят передать тебе, Михал Потапыч, самое большое спасибо за то, что ты принес им короб с пирожками и грибами.

М е д в е д ь. Ой, болит! Осторожнее, Мышка!

М ы ш к а. Да уж стараюсь, как могу. Я на медсестру не училась, кстати! Терпи!

М а ш а. Давай я, Мышка, давай.

М ы ш к а. Даже лоб у меня мокрым стал. И зачем ты убегал от собак, чудак?

М е д в е д ь. Так они бы меня съели.

М а ш а. Мышка правду говорит: не надо было убегать. А так они видят, что Медведь пугливый, и давай за тобой гнаться. Ты что, собак не знаешь?

М е д в е д ь. Век учись, а дурнем умрешь. Как раз про меня сказано.

М а ш а. Ну, вот и порядок. Лежи и меньше ходи, тогда быстрее заживет твоя лапа.

М е д в е д ь. Да как раз та, которой я мед с улей достаю. Можно сказать, моя рабочая… лапа. Хотел отбиться от собаки, а она – цап. Потом вторая, третья… И пошло-поехало. Целая стая… Ну, видели вы такое? И почему я такой несчастливый родился? *(Лёг).*

М а ш а. Спи. Мы не будем тебе мешать.

М е д в е д ь. Спать?

М а ш а. Спать.

М ы ш к а. Быстрее поправишься.

М е д в е д ь. Нет, я лучше ночью посплю.

М а ш к а. Тогда давай, Мышка, нашему горемыке ужин приготовим? Все равно он спать не будет.

М ы ш к а. У тебя готовка хорошо получается. А я буду мух отгонять от бедолаги. По лапкам?

М а ш а. По рукам!..

Ударили по рукам. Маша готовит ужин, Мышка машет газетой перед Медведем – отгоняет мух.

М ы ш к а. Вы на кого? На самого Михала Потапыча? А вы знаете, назойливые твари, что он самый заслуженный Медведь во всём этом лесу? Нет? Тогда зачем же мешаете ему лежать и спокойно лечиться, а? Вредненькие какие!.. Он, кстати, лесные награды имеет… ореховый орден и медаль из еловой шишки… Так что знайте, кого обижаете!.. Ух, слов на вас нет!… *(Несколько раз досталось и по носу Медведю).* Прости, не хотела…*(Наконец-то разогнала всех мух).* Всё, территория очищена от этих маленьких стервятников. Спи спокойно, Михал Потапыч…

М е д в е д ь. Повезло, что вас встретил. Как бы я один? Одному тяжело на этом белом свете жить. Хоть Медведю, хоть птичке, хоть человеку, видать..

М а ш а. А где твоя тётя?

М е д в е д ь *(смеется, а потом корчится от боли).* Ой! Ай! А тётя, это кто?

М ы ш к а. Жена. Я и то знаю.

М а ш а. Да-да, она. Жена твоя где? Вторая половинка, а?

М е д в е д ь. А, вот вы про какую тётю… Охотники убили…К большому моему сожалению и горю..

М ы ш к а. Гады!

М е д в е д ь. Конечно, гады.

М ы ш к а. Я бы им не знаю, что сделала!

М а ш а. Так что, к тебе и дети в гости не приходят?

М ы ш к а. И мне… интересно.

М е д в е д ь. Приходят, если им что-нибудь надо… Как же не приходят!.. Ещё как приходят!..

М ы ш к а *(подначивая).* Ой… Ой…

М е д в е д ь. Дай денег, дай мёду… а сами спят и без толку по лесу бродят…

М ы ш к а. Врёт он, никогда я никого у него не видела. Ну врёшь же, скажи честно, Михал Потапыч?

М е д в е д ь. От, прицепилась! Много ты видишь из своего подполья!

М ы ш к а. Ну, хорошо, хорошо: приходят, приходят к тебе и дети… мёд приносят… подметают… убирают… Вот и штаны тебе,

в которых дырка на дырке, заштопали. Кто, как не они. Правда же, Михал Потапыч?

М е д в е д ь. Исчезни! Вон с глаз! Что тебе нужно от меня?

М а ш а. Чужую беду и руками разведу…

М е д в е д ь. И я бы так сказал… Чего ты прицепилась ко мне, Мышка?

М ы ш к а. Больше не буду!

М е д в е д ь. Даже и помечтать не даёшь мне, вреднющая…

М ы ш к а. Мечтать не запрещается, х-хи!..

Пауза.

М е д в е д ь. Погоди у меня! Дай поправиться! Вишь, осмелела, стоило мне только сделать вид, что вроде бы и не замечаю её…

М ы ш к а. А кто бы тебя лечил? У кого йод и бинт были? Забыл?

М е д в е д ь. Согласен. Тут твоя правда. Идём, Мышка, с тобой на мировую. Будем друзьями.

М ы ш к а. Вот это другое дело! Где веник? *(Подметает и поёт):*

Подметать, с метлой дружить
Я все дни согласна.
Хоть привыкла в норках жить,–
Не люблю, где грязно.

Знаю тайну я одну,
Верю ей, как чуду:
Только хвостиком махну–
Станет чисто всюду.
С детства делать всё могу,
Лишь одно тревожит:
Вдруг обидят, я сбегу –
Кто тогда поможет?

М е д в е д ь. Это вас мне сам Бог послал…

М а ш а. Прости меня, Михал Потапыч…

М е д в е д ь. За что же, Машенька, тебя простить?

М а ш а. Если бы не те пирожки!..

М е д в е д ь. Вот-вот… если бы не те пирожки, то я бы и не знал, что где-то на земле живет и здравствует хорошая девочка Маша…Ну, а с Мышкой мы давно знакомы…

М ы ш к а. Знакомы, знакомы.

М е д в е д ь. Так что, подружки мои дорогие, может и правду люди говорят: все, что не делается, к лучшему.

А нам, медведям, не привыкать к оскорблениям. Натерпелся я всякой несправедливости. Помните же, может, сказку про вершки и корешки?

М а ш а. Я, я помню!

М ы ш к а. А я нет…не знаю…

М е д в е д ь. Да где тебе знать её, под полом у меня просидев?

М ы ш к а. Так бы и подковыривал, так бы и щипал меня!.. А самого не тронь!…Пан такой!..

М е д в е д ь. Ну, ну! Помолчи, холера! Со мной было приключение то. В школу же не ходил, откуда мне было знать, что не всегда вершки и корешки съедобны? В одному случае – да, в другом – нет… Забрал я корешки, а мужик сложил колосья на воз и отвез на мельницу муку молоть. Долго я не знал, что с теми корешками делать. Так и выбросил. И репу он съел, а мне одни листочки оставил. Сказку, Мышка, знать надо, тогда не будешь глаза прятать.

М ы ш к а. Ой! Ой!.. Подумаешь– глаза!.. Ехала коза!..

М ы ш к а. Ну, а мужик тот что?

М е д в е д ь. А что мужик? Он и теперь, по всему видать, боится в мой лес ходить. *(Пауза).* Вот так меня и дурят, бедного Медведя, всё время. А все потому, что поленился в школу ходить. А безграмотного легче легкого вокруг пальца обвести.

М а ш а *(собирается).* Не скучай, Михал Потапыч.

М е д в е д ь. Покидаешь, значит, меня, Маша?

М а ш а *(грустно).* Да… Покидаю…

М е д в е д ь. Что ж, останусь с Мышкой… Она тоже, оказывается, хорошая… Только царапает иной раз по ночам… спать не даёт… Царапаешь, Мышка?

М ы ш к а. Больше не буду!

М а ш а. Я… я поговорю, если ты согласен… Потапыч… с бабушкой и дедушкой… У нас изба светлая, просторная… И тебе места хватит… Будем жить вместе… Ты согласен?

М е д в е д ь. Спасибо тебе, Маша. Но медведи живут только в лесу. Здесь наш дом. Да и Мышке одной скучно будет. Да, Мышка?

М ы ш к а. Не… не… не знаю я… Я бы согласилась…

М а ш а. И Мышку возьмём.

М ы ш к а. Ур…ра! Там зёрнышек много! Я согласна!…

М е д в е д ь. Зёрнышек мы и тут раздобудем, Мышка. Разве в этом счастье?

М ы ш к а. Ну, если только так… В самом деле, на кого же мы оставим его, Потапыча?

М а ш а. Я знаю уже дорогу к тебе…

М е д в е д ь. Заходи… Заглядывай…

М а ш а. Обязательно буду заходить. Счастливо тебе, Потапыч! *(Вот-вот заплачет).*

М ы ш к а. Ты никак плачешь, Михал Потапыч?

М а ш а. Он… он действительно плачет…

М ы ш к а. Первый раз вижу, чтобы мой хозяин слезу пустил. *(Вытирает ему слёзы на глазах).* Фу, расплакался! Плакса! Хватит! Прекрати!..

М е д в е д ь. Как же мне не расплакаться, если привык я к Маше. Привык я к тебе, Маша. Скучать буду.

М а ш а. И я по тебе… Не скучайте без меня, Потапыч и Мышка.

М е д в е д ь. Ну, всё, пора прощаться… больше не могу… Слёзы сами капают… *(Отвернулся от Маши и Мышки, плачет).*

Мышка показывает Маше жестами, чтобы та уходила… Маша выходит. А потом возвращается, забрала дырявые штаны…

М ы ш к а *(поёт колыбельную Медведю):*

Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Смастерил Медведь ходули:
«Не пойду в берлогу спать,
Буду в цирке выступать».
Пчёлы это услыхали,
Пчёлы дружно зажужжали,
Полетели поглядеть,
Как готовится Медведь.
А Медведь от них – бежать:
Думал он – начнут кусать!
Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Потерял Медведь ходули!
Вы Медведю помогите:
Как найдёте их – верните!
Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Хороши были ходули!..

Затемнение.

Медведь проснулся. Ощупывает свое тело. Улыбается.

М е д в е д ь. Мне повезло больше, чем кому: я уже не болею! Я здоров! *(Сорвал бинты).* Я уже не хвораю!.. Маша!.. Мышка!.. Я не больной-й-й!.. У меня опять появился аппетит!.. Я хочу мёду!.. *(Ищет дырявые штаны).* А где мои дырявые штаны? Те, в которых

я по деревьям лазаю? Новые, парадные, лежат, а тех – нету. Кто видел мои дырявые штаны?

М а ш а *(появившись).* У тебя больше нету дырявых штанов, Михал Потапыч!

М е д в е д ь *(светится от радости).* Ой, Маша! Ты?

М а ш а. Я.

М е д в е д ь. Как ветром?

М а ш а. Штаны заштопала... Принесла вот... *(Протянула штаны).* Держи, Потапыч!

М е д в е д ь *(взял).* А в каких же теперь я буду по деревьям лазать, мёд добывать? И тех жалко, и этих...

М а ш а. А никуда лазать не надо. Я и мёд принесла...

. М е д в е д ь. Неужто? Или мне всё это приснилось?

М а ш а *(ставит перед Медведем баночку с мёдом).* Угощайся, Михал Потапыч.

М е д в е д ь. У меня сегодня прекрасный день. Радостный и счастливый. Вылечился... и Маша в гости пришла... Ну, что ещё можно пожелать самому себе, а?

М ы ш к а *(появившись).* Чтобы и Мышка появилась! А вот и я!..

М а ш а *(протянула Мышке зёрнышки).* Эти зёрнышки от бабушки и дедушки тебе, Мышка.

М ы ш к а. Спасибо им! Самое большое спасибо!

М е д в е д ь. Нет, нет! Минуточку! Тут неточность получается: самое большое спасибо – от меня, от меня, слышишь, Маша? За мёд! Мёд главнее зёрнышек!

М ы ш к а. Зёрнышки главнее.

М е д в е д ь. А я говорю: мёд!

М ы ш к а. А я говорю: зёрнышки!

М е д в е д ь. А я говорю... а я говорю... Погоди, Мышка! Дай разобраться... И мёд, и зёрнышки главнее, видать, и самом деле лишь тогда, когда они от хороших людей... Давайте будем обедать, друзья мои... Тогда и разберемся, что главнее, что вкуснее, а?

М ы ш к а. Согласна!

М е д в е д ь. Присаживайся, Маша, и ты... Да расскажи, как и что там, где люди живут, чем они занимаются...

М а ш а. А давайте сначала сами сходим туда, где они живут? И всё увидим сами. Согласны?

М ы ш к а. Мне все равно где зёрнышки грызть... или за столом, или по дороге...

М е д в е д ь. Мёд мой тоже никуда не денется. Айда тогда, или как?

М а ш а и М ы ш к а. Айда!

Звучит «Песня о рюкзачке». Медведь, Маша и Мышка снова становятся артистами Кувшинчиком, Малинкиной и Перчиковой.

П е р ч и к о в а. Что это всё сейчас значит, ребята?

М а л и н к и н а. Что нашей сказке – конец! Правильно?

К у в ш и н ч и к. Они ого какие догадливые!

М а л и н к и н а. Жаль расставаться с нашими героями не только вам, но и нам, ребята…

К у в ш и н ч и к. Но чтобы сказочные герои почаще приходили к вам, обещаем никогда не расставаться…

В м е с т е. … С чародейным рюкзачком!

Звучит «Песня о рюкзачке», артисты вкладывают в него все свои вещи и прощаются со зрителями.

Конец.

2009 г.

З А Я Ц – Г Р О М

Сказка в двух действиях

Д е й с т в у ю т:

З а я ц.
В о л к.
Д а ш а.

Действие первое

1.

Лес. День. На полянку выбегает Заяц.

З а я ц. Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает… прямо в зайчика стреляет… Пух-запах, о-ё-ей, умирает Зайчик мой… *(Испуганно).* Ой! Что это я так про себя наговариваю? Нет-нет! Это неправильные слова! Плохие! Я другие придумаю. Хорошие. Не будет там никакого охотника – там будут одни… одни зайчики… зайчики… и кто же еще должен быть в той считалке вместо охотника? Не надо, чтобы на нас, зайчиков, нападали охотники. Все зайчики хотят жить. Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять… Вдруг… Вдруг… Вдруг… *(Чуть не плачет).* Ничего, совсем ничего почему-то не придумывается… Удивительно даже. Но я все равно придумаю хорошие слова! Обязательно! Может, они будут про морковку? Может, про капусту? Может, про друзей? И конечно же про меня! Ой! Мне вдруг стала страшно… Мне придумывается, что вместо охотника с ружьем на меня хочет напасть сам волк… Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять… а за ним следит волк… *(показывает)* вот с такой пастью… вот с такими клыками… и вдруг он на меня напал… и съел… *(Откуда ни возьмись, появляется Волк и молча нападает на Зайца).* Нет-нет! Я так не хочу-у!.. *(Волк убегает).* Что это было? Мне почудилось или это был самый настоящий Волк?

Где-то поблизости воет Волк.

З а я ц. Ой! Это он и есть – Волк?! Ага, Волк. Откуда он тут, серый разбойник, взялся? В нашем же лесу никогда не было

волков. Неужели это я его и в самом деле придумал, волка этого наглого? Ужас!

Г о л о с В о л к а. Да-да! Всех, кого не встречу, – съем! Особенно люблю я зайцев! Они такие вкусненькие – слов нету!..

З а я ц *(удивленно-испуганно).* Зайцев? Он сказал – зайцев любит?

Г о л о с В о л к а. Поджаренных на сковородке! С перчиком! Я самый голодный волк! Пустите меня за добычей! Разрешите мне выйти на охоту, и я набью свои потроха вкусненькой – у-ух! – зайчатиной! Х-ха-ха-ха-ха!…

З а я ц *(ищет, куда бы спрятаться).* Что же я наделал?! Зачем я придумал этого волка?! Лучше были бы охотники… у тех, видимо, еще охотничий сезон не начался… Теперь надо прятаться. А куда? Ага! Меня… меня нет. Меня никто не видел. *(Спрятался под куст, куст трясется вместе с Зайцем).*

Появляется Волк.
Поет:

Про меня разговоры ходят,
Что я злой, не модный.
На меня стволы наводят,
А я волк голодный.
Хоть и сильный я и крепкий,
А друзей не заимел.
Без какой-нибудь зацепки
Встретил зайца – зайца съел.
Не дарю волчицам розы,
Грустно мне бывает часто.
Никто не видит мои слёзы,
Живу в далекой чаще.
Хотя бы зайчика поймать,
Чтобы наесться.
Но где его мне взять,
Где его тут место?
Про меня разговоры ходят,
Что я злой, не модный.
На меня стволы наводят,
А я волк голодный.

В о л к *(откашлялся)*. Гы-эм. Ну, где тот Заяц, который захотел меня видеть? Или мне послышалось? Так не может быть. Я пока не глухой и на аппетит не жалуюсь. Ну, Заяц, выходи! Я тобой зав-

тракать буду! *(Кладет на пенек нож, вилку, ставит солонку и перечницу).* Нож… Вилка… Соль с йодом, кстати… очень полезная… Перчик… Слышал, слышал, как ты про меня тут говорил. "Зачем я придумал этого волка? Лучше бы охотники… с ружьями…" А того не знаешь, малый, что самый лучший охотник в лесу не человек, а я. Понял? Хотя у меня и ружьишка-то нету. И вовсе не ты меня придумал – меня мама родила, как и тебя. Только у тебя мама зайчиха, а у меня – волчица. Ты еще не дорос, чтобы меня придумать. Вишь, нашелся! Я давно держал на примете этот лес. Знай, землячок. Я надолго сюда пришел. Так что прячься не прячься, а ты будешь мой. *(Громко).* Мой!!!

Э х о: Мой!.. Мой!.. Мой!..

З а я ц. Ай-я-яй! Меня тут нету-у-у! Ай-я-яй! *(Убежал из-под куста).*

В о л к *(протер глаза).* Заяц?! Он тут был?! Под кустом, под носом у меня сидел? И убегает, стрекача задает? За ним вдогонку! Немедля! За ним – и только за ним!.. Только за ним!.. *(Собирает свои столовые принадлежности, хочет запихнуть те обратно в карманы, но спешит, и те выпадают поочередно из лап).* Ай, потом…Стой, говорю! Стой, малышня голопупая! *(Погнался наконец-то за Зайцем).*

Заяц и Волк несколько раз проносятся по полянке: Волк никак не может его догнать. Наконец Волк сдался.

В о л к *(упал на землю, тяжело дышит).* Твоя… твоя взяла, косой. Бегаешь ты быстро, ничего не скажешь. Опять меня без завтрака оставил. Ну, Заяц, погоди! *(Бьет лапой по земле, а потом лег и захрапел).*

2.

Заяц идет по лесу и плачет. И поет грустную песенку.
На полянке появляется Даша с туеском.

Д а ш а *(удивленно).* Ой, Зайчик?!
З а я ц. Ага… зайчик.
Д а ш а. Здравствуй, Зайчик! Какой хороший сегодня день!
З а я ц *(держится на расстоянии).* Хороший.
Д а ш а. А ты почему плачешь?
З а я ц. Волк… Волк меня…
Д а ш а *(перебивает).* Все понятно: тебя обидел Волк.

З а я ц. Ага. На каждом шагу подстерегает.

Д а ш а. Конечно, что ему стоит обидеть такого маленького Зайчика? Попробовал бы он поднять лапу на слона или медведя!

З а я ц. А ты кто?

Д а ш а. Я – девочка Даша, внучка лесника. Я тут недалеко живу. С дедушкой.

З а я ц. Но все равно не подходи близко.

Д а ш а. Почему? Я хорошая. Я тебя не обижу.

З а я ц. Откуда я знаю, какая ты?

Д а ш а. Не пугайся меня. Не бойся.

З а я ц. А Волка ты не боишься?

Д а ш а. Не знаю… Я никогда Волка не видела… только на картинках и в мультиках…

З а я ц. Картинки, мультики… не знаю, что это такое, но я боюсь его. Он хочет меня съесть.

Д а ш а. Даже так?

З а я ц. Ага. Еле убежал от него.

Д а ш а. Ой, какой он нехороший, этот Волк.

З а я ц. Еще какой нехороший!

Д а ш а. А давай я к тебе буду в лес приходить? И тебе со мной не будет страшно. Ведь нас же двое, а Волк – один.

З а я ц. Приходи, Даша. Я всегда тебя буду ждать.

Д а ш а. Договорились.

З а я ц. На этой вот полянке я и живу. Под кустиком.

Д а ш а. Найду. Только ты не плачь, Зайка. Вытри слезки.

З а я ц. Я уже почти не плачу.

Д а ш а *(вытирает Зайцу слезы).* Вот теперь ты молодец. Ну, а я пойду дальше ягоды собирать. Меня дедушка ждет, будем пирог делать. У дедушки есть самая настоящая печь. Хочешь, я и тебе принесу кусочек попробовать?

З а я ц. Я пирог никогда не ел…

Д а ш а. А, я знаю, что тебе надо принести! Знаю, чем ты любишь лакомиться! *(Поет).*

Ласки всем теперь хватает –
От листка до муравья.
Золотая, золотая
У солнышка душа.
На поляне, рядом с нами,–
Чудо ягодный лесок.
Стали мы с тобой друзьями.
Ягод – полный туесок.

Даша исчезает.

З а я ц. Значит, я себя зря укорял: если бы даже я не придумал этого Волка, он бы все равно тут появился. Кончилась, видать, моя счастливая жизнь. Как хорошо было в нашем лесу! Птички пели. Ходи куда хочешь. Как это здорово, что я с девочкой Дашей встретился! *(Смотрит на небо).* Припекает. Наверное, гроза будет?.. А пока она, гроза та будет, я для Даши насобираю ягодок. *(Собирает в кулек, который свернул из листочка).*

Мелодия леса.

3.

Вдруг солнце закрыли черные тучи, спряталось солнце, небо располосовала молния и оттуда посыпался на землю гром.

З а я ц. Гроза! Гроза! Все прячутся от нее. И муравьи, и птицы, и жучки… Хоть один раз мне хорошо от того, что я такой маленький, поэтому могу спрятаться от дождика под кустиком. *(Спрятался).*

Гром гремит все более и более сильно.
На полянке появляется перепуганный Волк. Суетится.

В о л к. Ой! Ой! Что же это делается?! Спасайте! Убьет! Убьет! Ой! Или так шарахнет, что и без зубов останусь. Чем тогда я зайцев есть буду? Я ничего и никого не боюсь – боюсь только грома. Под большие деревья нельзя прятаться. Знаю. Деревья притягивают гром и молнию. Спасайте меня все, кто может. Под кустиком может спрятаться? *(Примеряется к кустику, под которым сидит Заяц. Кустик вдруг начинает сильно трястись).* Нет, там мне не хватит места. Подальше от деревьев надо держаться, и только это меня спасет. Лягу посреди поляны. Лучше промокну до нити, чем громом угоститься. Вот так. *(Лег навзничь и закрыл лапами уши).*

А гроза свирепствует.
Когда все вокруг утихло, Волк поднялся, почесал за ухом.

В о л к. Живой? *(Пощупал себя).* Живой! Я – живой!!! Интересно, а где этого Зайца носит? Видимо, испугался грома и штаны замарал? Х-ха-ха-ха-ха-а-а-а!..*(Смеется и исчезает).*

З а я ц *(вылез из-под куста, отряхнулся).* Штаны в порядке, Волк. За это не волнуйся. Но теперь я знаю, что и ты – трусишка. А

только где надо и не надо нос задираешь. Герой, гляньте на него! Всем расскажу, какой ты трусишка. "Штаны замарал". Ты свои посмотри. *(Вдруг задумался).* Погоди, погоди… А что, если мнет стать громом? Тогда меня будет бояться Волк и я более никогда не стану прятаться под кустом и убегать от него. Пусть он лучше подает навзничь на землю и закрывает лапами уши. *(Смеется.)* Заяц-Гром! Звучит, а? Только как мне им стать? Кто подскажет? *(Поет):*

Я Заяц-Гром!
Пусть Волк меня боится!
Не пущу его я в дом,
От страха не буду
Дрожать и колотиться.

4.

Повляется Даша с кошелкой.

Д а ш а. Ну, как, Зайка, Волк тебя больше не обижал?

З а я ц *(смеется).* Ой, не могу! А он, Волк, не такой уже и смелый. Только хвастается.

Д а ш а. Неужели?

З а я ц. Что я, врать стану? Правда.

Д а ш а. А это тебе лакомство от моего дедушки. На грядке он сам вырастил морковь.

З а я ц *(взял).* За морковь дедушке большое спасибо передай.

Д а ш а. Передам. Обязательно.

З а я ц. Я люблю морковь. Как только ты уйдешь, сбегаю на речку, помою ее, тогда и съем.

Д а ш а. Молодец. Правильно, помой. Ну-ну, так волк, говоришь, трусишка?

З а я ц. Еще какой! Когда гром из неба посыпался, он голову чуть было не закопал от страха в землю. Сам видел. Честное слово. Вот, смотри, Даша…*(Показал, как Волк прятался от грома. Немного, конечно, приукрасил; даже лег и скрестил лапки на грудях).* Видела? Убедилась?

Д а ш а. Для меня это открытие. Никогда бы не подумала так про Волка.

З а я ц. Да, да. Я не вру. Поэтому я очень хочу стать громом – чтобы меня Волк боялся… Но… но не знаю, как мне им стать…

Д а ш а. Чем же мне тебе помочь, Зайчик?

З а я ц. Может вместе придумаем, а, Даша? Ты да я…

Д а ш а. Грома, говоришь, боится?

З а я ц. Очень боится. Прямо жуть как боится.

Д а ш а *(таинственно).* Небо черное… молния сверкает…

З а я ц. …и гремит так, что аж земля стонет, деревья дрожат…

Д а ш а. Есть у меня для тебя сюрприз, Зайка! Ты станешь тем, кем хочешь.

З а я ц. Правда?!

Д а ш а. Ну конечно.

З а я ц. А не обманываешь? Честно?

Д а ш а. Честно. Я помогу тебе.

З а я ц *(скачет от радости*). Вот здорово! Вот здорово! А я тебе земляники насобирал. *(Взял в тайнике кулек, подал девочке).* Вот, держи. Земляники много в лесу, я знаю, где она растет. Я не ем землянику, хотя она так вкусно пахнет! Ешь. Пожалуйста!

Д а ш а. Спасибо тебе, Зайчик.

З а я ц. И дедушку угости. От меня.

Д а ш а. Обязательно угощу. Жди меня, я скоро вернусь.

З а я ц. Буду ждать, Даша.

Даша исчезает.
Доносится треск сучков.

(Испуганно). Волк? Меня опять нет! Погодите, а где моя морковка? Ага, вот она. *(Взял морковку).* И сколько это будет продолжаться?! Ух! Надоело прятаться и убегать от наглого Волка! *(Спрятался).*

Появляется Волк.

В о л к. Ну где он, Заяц лопоухий? Никто не видел его? В какую сторону он побежал, интересно мне? Не подскажете, ребята? Ах, так и вы за него? Я, получается, один остался… И еще эти деревья!.. *(Замахивается на деревья лапами).* Ух! Но что из них, деревьев, возьмешь? Они – мертвые. Не подскажут, где Заяц прячется.

Г о л о с З а й ц а. Неправда!

В о л к *(удивленно).* О! Заяц?!

Г о л о с З а й ц а. Деревья – живые…

В о л к. Повтори что сказал, косой!

Г о л о с З а й ц а. Повторяю для в особо тупых: деревья не мертвые, если бы они были мертвые, на них не росли бы иголки и листочки…

В о л к. Грамотный, вижу. Если такой грамотный и умный, тогда выходи, поговорим… про деревья и про мой завтрак…

(Смеется). Хотя уже пара поговорить и про мой обед. Ну, скажи что-нибудь еще, трусишка.

Г о л о с З а й ц а. А сам кто? Скажешь, я не видел, как ты грома боялся – чуть было в землю голову не зарыл.

В о л к. Каюсь, косой, каюсь: грома действительно боюсь. Есть грех. А ты что, не боишься разве?

Г о л о с З а й ц а. Не-а.

В о л к *(сам себе).* Смотри ты! Удивительная вещь получается: меня боится, а грома – нет. Страшнее за грома ничего же нету.

Г о л о с З а й ц а *(дразнится).* "Бача-кляча, кляча-бача, лягушонок под ёлкой плачет..."

В о л к. Где? Когда? *(Крутит по сторонам головой).*

Г о л о с З а й ц а. "...не может спрятаться нигде, будет плавать он в воде и комариков ловить. Раз, два, три – волку надо ухо накрутить!.." Хи-хи-хи-хи!...

В о л к. Ну, Заяц, погоди! Поймаю и съем! Ты у меня уже дошутился!.. *(Убегает).*

5.

На полянку приходит Даша.

Д а ш а *(зовет).* Зайчик! Ты где, Зайчик?

Появляется Заяц, он грызет морковку.

З а я ц. Ну и вкусная же у твоего дедушки морковка!

Д а ш а. Ешь, ешь. А я тебе вот еще узелок с едой принесла. Держи. *(Передает узелок).*

З а я ц. Зачем так много? Мне прямо аж неудобно...

Д а ш а. Поправляйся, поправляйся, силы набирайся.

З а я ц. Хороший у тебя, Даша, дедушка.

Д а ш а. Смотри, а это что – знаешь? *(Достала магнитофон).*

З а я ц. Нет.

Д а ш а. Магнитофон.

З а я ц. Первый раз вижу.

Д а ш а. Но ничего, я научу тебя как им пользоваться. Все очень просто. Кнопочки... Видишь?

З а я ц. Да, вижу.

Д а ш а. Нажимаешь эту кнопку – он работает, нажимаешь эту – выключен.

З а я ц. Класс!

Д а ш а. И как только встретится тебе опять Волк, сразу включай магнитофон.

З а я ц. А зачем?
Д а ш а. Ты что, разве ничего не понял?
З а я ц. Не-а.
Д а ш а. Здесь же записана гроза. Самая настоящая. Здесь – гром! Понимаешь?
З а я ц *(хлопает в ладоши).* Теперь понял! Теперь понял! Вот здорово! Ура-ура! Я – Заяц – Гром! Я Заяц – Гром! Моя мечта сбылась! Теперь я не боюсь Волка-а!..
Д а ш а. Но прячь эту вещь подальше от глаз серого, иначе он обо всем догадается. Тогда, сам понимаешь, ничего у тебя не получится… И магнитофон отберет.
З а я ц *(прижал магнитофон к груди).* Не разрешу! Не позволю! Волк, воображала, кричал на весь лес, что Заяц, то есть я, – МОЙ, а я могу крикнуть, что магнитофон МОЙ. *(Кричит).* Мой!!!
Э х о. Мой!.. Мой!… Мой!..
Д а ш а. Но не спеши радоваться. Мой тебе совет. Сперва надо убедиться, пойдет ли на нашу приманку лесной разбойник?
З а я ц. Прости, что я так радуюсь. Ведь мне хочется радоваться как можно больше, каждый день, а приходится радоваться очень редко…
Д а ш а. Я тебя понимаю. Я все буду делать, чтобы ты чаще радовался, Зайчик. *(Обняла его, погладила).*

Мелодия доброты, нежности, ласки.

Д а ш а. До встречи, Зайка!
З а я ц. До встречи, Даша.

Даша исчезает.

Ну, Волк, погоди! *(После паузы).* А всё самое интересное будет впереди.
Антракт!

З а н а в е с.

Действие второе

6.

Волчье логово. На дереве висит календарь.
Волк отдыхает. Лежит на боку, подпер лапой щеку и поет:

Я на солнышке лежу,
Я на солнышко гляжу…

Всё лежу и лежу
И на солнышко гляжу.
Где-то Заяц лежит
И ушами шевелит.
Только я все лежу
И на солнышко гляжу.
Я на солнышке лежу,
Я на солнышко гляжу…
Всё лежу и лежу
И на солнышко гляжу.

В о л к *(решительно встал, трет глаза).* Фу, так и ослепнуть можно. Надо где-то очки от солнца раздобыть. Так, какой это у нас сегодня день? *(Подошел к календарю).* Понедельник? Он. Тяжелый денек будет. Недаром в песне поется про разных недотеп: видно в понедельник их мама родила… Так и быть, охотиться сегодня на Зайца не пойду, отдохну, сделаю себе выходной, а завтра я за него возьмусь с новой силой. На этот раз не убежит косой. Будет шашлычок у меня – лапки оближу!…

Появилась Даша.

О! Девочка?!

Д а ш а *(испугалась).* Девочка… ага…

В о л к. Тю-тю-тю-тю! Иди ко мне поближе. Иди. Ступай, мая хорошая. Тю-тю-тю-тю!

Д а ш а. Я боюсь тебя… вас…

В о л к. Давай на "ты"? А?

Д а ш а. Хорошо.

В о л к. И чья же ты такая будешь, красавица? *(Ходит вокруг Даши).* Как тебя звать-величать?

Д а ш а. Даша я…

В о л к. Даша, радость наша. Ну, и куда же ты идешь, Даша?

Д а ш а. Ягоды собираю.

В о л к. А с кем ты живешь? Кому ягодки понесешь?

Д а ш а. С дедушкой живу. Ему и ягодки понесу.

В о л к. А где живешь?

Д а ш а. В доме лесника.

В о л к. И что твой дедушка делает?

Д а ш а. Лесником работает.

В о л к. Глянь ты! Аж лесником?!

Д а ш а. Ага. Лес охраняет.

В о л к. Понятненько. И ружьишко у него, конечно же, имеется?

Д а ш а. Да.

В о л к. Это усложняет дело. Ружьё – ох, один раз уже отведал шрапнели! *(Потер задницу).* Было, было… Ну, да ладно…А что еще он имеет, твой дед-бородед? Куры есть?

Д а ш а. Да.

В о л к. Гуси?

Д а ш а. Тоже есть.

В о л к. Как это чудесно, что я тебя встретил! Хотя и понедельник сегодня, тяжелый день вроде бы… Ну, а кабанчики есть у твоего деда?

Д а ш а. Есть… ага. Один кабанчик.

В о л к. А нам много и не надо – на первый случай… Тогда веди меня к нему. Я хочу с ним поближе познакомиться. Быстрее, быстрее веди меня!

Д а ш а. Не понимаю: а к кому вести?

В о л к. Как к кому? К дедушке сперва, а потом мы и с его кабанчиком познакомимся поближе… Х-ха-ха-ха-а!…

Д а ш а. А ты дедушку не обидишь?

В о л к. Что ты! Что ты! Я самый добрый волк! Таких поискать!

Д а ш а. Твердо обещаешь?

В о л к. Странная, смотрю, ты. И смелая. А не поведешь к своему дедушке, то я возьму и съем тебя. А? Каково?

Д а ш а. Ничего не поделаешь… пошли…

В о л к. Вот это другое дело.

Д а ш а *(в сторону, чтобы не слышал Волк).* Что же придумать такое, чтобы спасти дедушку?..

В о л к. Да, чуть не забыл: а где же мои приборы – ножик, вилка, соль, перчик? *(Растолкал всё па карманам).* Ну, а теперь пошли показывай, где твой дед живет, Даша, радость наша.

Д а ш а. Подожди, Волк…

В о л к. Ну что еще?

Д а ш а. А давай договоримся с тобой, Волк, так: я буду учительницей, а ты – учеником…

В о л к. Интересно. Говори, что надо. Быстрее, быстрее! Голод – не тетка…

Д а ш а. Ответишь на три мои вопросы, тогда и пойдем.

В о л к. Чтобы я да не нашел что ответить, особенно когда у твоего дедушки есть куры, гуси и кабанчик. Представляю, какая вкуснятина! *(Втянул со свистом носом воздух).* Ну, говори!

Д а ш а. Что же мне у тебя спросить?

В о л к. Не маринуй меня! Не тяни кота за хвост!

Д а ш а. Так, значит… Первый вопрос. *(Сорвала ромашку).* Как называется эта цветок?

В о л к. Цветок, и всё. А как он называется – не знаю. Я по цветкам не специалист. Прошу помощи у зала. Можно?

Д а ш а. Сделаем для тебя, Волк, исключение. *(Показывает ребятам ромашку).* Ребята! Как называется этот цветок?

Ребята отвечают: ромашка!

Правильно, молодцы.

В о л к. Ура-ура-ура!

Д а ш а. А ты чему радуешься, Волк?

В о л к. Ну а как же? Я же отгадал с помощью зрителей.

Д а ш а. Ребята, засчитаем мы ответ Волку или нет?

Д е т и: Нет!

Д а ш а. Ну вот видишь…

В о л к. Эх, обидели они меня… а я на вас, детишки, так надеялся…Не буду более обращаться к вам за помощью.

Д а ш а. Правильно, думай своей головой.

В о л к. Ну, что там дальше у тебя, Даша?

Д а ш а. Отвернись. Стань спиной к деревьям, Волк.

В о л к. Слушаюсь.

Д а ш а *(сорвала с осины и березки по листочку).* С какого дерева я сорвала этот листок?

В о л к. С высокого…

Д а ш а. Назови дерево.

В о л к. В лесу деревьев так много растет! И больших, и маленьких. Разве же все запомнишь?

Д а ш а. А ты хотя одно дерево знаешь?

В о л к. А, сообразил: этот листок с этого дерева…

Д а ш а. Правильно. А как оно называется?

В о л к. Ну ты такие сложные вопросы задаешь, Даша. Я же в школу не ходил. Находи более простое что-нибудь для меня.

Д а ш а. Это дерево называется «береза».

В о л к. Вот, сейчас буду знать. Бе – ре – за.

Д а ш а. А этот листок с какого дерева?

В о л к. С этого.

Д а ш а. Опять ты!.. Как оно называется?

В о л к. Говори сама.

Д а ш а. Осина.

В о л к. О-си-на. А я и не знал, что эта осина. Каждый день около нее бегаю, и надо же – не знал. Чудеса да и только.

Д а ш а. А какие еще деревья в лесу растут?

В о л к. Мне отвечать?

Д а ш а. Тебе, тебе.

В о л к. Не могу знать…

Д а ш а. Эх ты, незнайка! А ребята знают.

В о л к. Не может быть!

Д а ш а. А мы сейчас проверим. Ребята, какие деревья, кроме березы и осины, растут в нашем лесу? Давайте скажем Волку.

Ребята называют: сосна, елочка, рябина, ольха…

Д а ш а. Молодцы!

В о л к. Раньше таких знающих ребят не было. Первый раз встречаю. И откуда они такие умники взялись?

Д а ш а. От своих мам и пап…

В о л к. А-а-а, вот откуда.

Д а ш а. Ну, и теперь третий вопрос.

В о л к. Да-да. Весь внимание.

Д а ш а. Видишь куст. На нем растут очень красивые ягоды.

В о л к. И такие вкусные!

Д а ш а. А как называются эти ягоды?

В о л к. Ну ты меня замучила своими вопросами, Даша. Ягоды – и и всё. Хочешь, нарву для тебя и угощу?

Д а ш а. Эти ягоды людям кушать нельзя…

В о л к. А я же ем.

Д а ш а. Ты – пожалуйста, ешь. А людям нельзя.

В о л к. Почему?

Д а ш а. Ведь это – волчьи ягоды.

В о л к. Мои?

Д а ш а. Да, твои.

В о л к. Вот как!

Д а ш а. Их можешь есть только один ты. Ведь для людей они отрава. Яд.

В о л к. Теперь я буду знать, что моим именем названы ягоды. *(Поаплодировал сам себе).*

Д а ш а. Ты проиграл, Волк.

В о л к. Я? Проиграл?

Д а ш а. Да. Вчистую.

В о л к. Под ноль?

Д а ш а. Именно так. Поэтому отпускай меня.

В о л к. Нет, не отпущу.

Д а ш а. У нас же был договор. Что ж это получается? Где же твое волчье слово?

В о л к. Где было мое слово, подруженька моя маленькая, там у меня вырос крепко сильный аппетит… Прямо разыгрался – ну не могу!.. Слюнки глотаю… Видишь? Этот я так есть жажду…Пусть твой дедушка меня накормит… Курочка, гусь, кабанчик… наемся –

и на бочок… *(Вдруг агрессивно)*. Поэтому веди меня к нему – это мой приказ! Обжалованию не подлежит!

Д а ш а. Ой! Я тебя снова боюсь, Волк.

В о л к. Голодный волк – самый страшный зверь. Пора бы знать!..

И в это время Даша увидела Зайца. Тот выглядывал из-за дерева и показывал ей знаками, чтобы не волновалась. Заяц спрятался и включил магнитофон.

Гроза! Гром!

В о л к. Ой! Ой! Что же это делается?! Спасайте! Убьет! Убьет! Ой! Или так шарахнет, что и без зубов останусь. А чем же я тогда буду кур, гуся, кабанчика у Дашиного дедушки есть? Я ничего и никого не боюсь – боюсь только грома. Под деревья нельзя прятаться. Знаю. Деревья притягивают гром и молнию. Спасайте меня все, кто может. Подальше от высоких деревьев надо держаться, и только это меня спасет! Лягу посреди поляны проверенным способам. Лучше промокну до нитки, чем грома попробую. Вот так. *(Лег навзничь и закрыл лапами уши).*

А гроза продолжается .

Даша и Заяц убегают. Волк все еще лежит.

В о л к *(поднялся).* Удивительно, однако: солнце светит… дождя нет и ветра нет… а гром гремит… самый настоящий гром. Откуда, откуда этот гром взялся? А где Даша? Убежала? Тут что-то не то. *(Переживает, что его обманули).* Одурачили, обвели вокруг лапки. *(Кричит).* Уберите этот гром! Чей он? Кто уберет этот гром, тому ничего не будет? Слышите меня? Заяц, ты где? Выручай меня, Заяц! Слово Волка, на этот раз твердое: я тебя не трону, только сделай так, чтобы вокруг не гремело и не сверкало. Слышишь меня, Заяц? Давай мириться!

И вдруг гром утих. На полянке появляется Заяц.

З а я ц. Я слышу тебя, Волк. Я готов мириться.

В о л к. Я тебя больше не буду обижать. Никогда.

З а я ц. А Дашу?

В о л к. И… и Дашу.

З а я ц. Подождем ее, она домой побежала, скоро вернется и ты ей сам скажешь то, что сказал мне.

В о л к. Скажу, конечно. А что еще мне, голодному Волку, остается делать?

З а я ц (*взял под кустом магнитофон, включил его, и звучит мелодия про Волка).* Слушай, Волк. Концерт по заявкам. Для тебя песня.

В о л к. Это лучше, чем гром.

З а я ц. Лучше, ясное дело.

Какое-то время слушают песню.

З а я ц. И я нисколечко не жалею, что совсем мало побыл Зайцем-Громом. Нисколечко! Я буду самым обычным зайцем. Каждый из нас должен быть тем, кем родился.

В о л к. А я, так получается, Волком?

З а я ц. Конечно!

В о л к. Хотя, признаюсь тебе, косой, сегодня видел сон, что я стал собакой.

З а я ц. Бывает, что сон в лапу…

В о л к. Как это?

З а я ц. Это когда сон сбывается.

В о л к. Смешно даже: я буду собакой. *(Смеется).* Ой, не могу! Я…буду собакой! Это я-то, Волк? И приснится же!.. Меня же волки засмеяли бы, поди, если бы я и в самом деле стал ей, собакой. Как думаешь, Заяц?

З а я ц. Тише, Даша идет.

Приходит Даша.

Д а ш а. А я про тебя, Волк, своему дедушке рассказала. Он хотел бы, чтобы ты жил с нами. Вместо нашей собаки Шарика, которой недавно не стало… Стара была…умерла…

З а я ц. А ты, Волк, говоришь: сон, сон… Это, похоже, вовсе не сон.

В о л к. Что, может меня еще и Шариком назовут? Ну нет!

З а я ц *(заходится от смеха).* Волк Шарик! Волк Шарик! Видали такое где-нибудь еще, как не у нас? Ой, не могу! Чудеса!

В о л к. Уйми, Дашка, этого Зайца, иначе я за себя не ручаюсь.

З а я ц. Всё, больше не буду. Мир!

В о л к. Давно бы так. Тут серьезное дело решается – на каких условиях и при каких обстоятельствах волк становится собакой.

Д а ш а. Я читала в книге, что собака стала человекам, то почему не может Волк стать собакой? Правда же? Пошли к нам,

Волк. Будешь Шарикам. Будка хорошая, теплая у дедушки, и будешь ты всегда сыт, накормлен.

З а я ц. Ну, почему молчишь, Волк? Решайся!

В о л к. А ты сам что же, тут останешься?

Д а ш а. И он пойдет с нами.

З а я ц. Только с одним условием: поскольку мнет караулить ничего не надо, я буду жить и в лесу, и с вами. Согласны?

Д а ш а. Вот и хорошо.

В о л к. Как прикажете.

Д а ш а. Ну так что же, собрались и пошли. Дедушка нас ждет. Уже и стол, видимо, накрыл.

З а я ц. Пошли!

В о л к. Айда! Где мое не пропадало! Думаю, хуже не будет!..

Песня:

В о л к:

Про меня разговоры ходят,
Что я злой, не модный.
Просто я голодный.

З а я ц.

Я совсем не виноватый,
Что зайцем я родился.
И хотя Заяц я усатый,
А ни с кем не бился.

Д а ш а:

Ласки всем теперь хватает –
От листка до муравья.
Золотая, золотая
У солнышка душа.

В м е с т е:

Не беда когда грохочет
Над опушкой гром.
Пусть и дождик нас намочит –
Мы не пропадем!
Будем дружно вместе жить,
Шагать тропкою лесной.
И дружбу нашу не разлить водой!

К о н е ц.

2012 г.

КАК ВОЛК МАМОЙ БЫЛ

Пьеса-сказка в двух действиях

Д е й с т в у ю т:

В о л к.
Т е л ё н о к.
Л и с а.
Д и к.
К о з а.

П р о л о г

Детская комната. Выходит Актёр-Волк.

А к т ё р – В о л к. Каждый раз, когда я захожу в детскую комнату, меня охватывает чувство тоски и светлой грусти. Тут прошло мое детство, я бы даже сказал – пролетело. В этой детской комнатке было столько счастливых минут – средь этих игрушек! В этой комнате мама мне перед сном читала сказки. "Идет бычок, качается, вздыхает на ходу: ох, доска кончается, сейчас я упаду." В эту комнату приходили мои друзья, мы придумывали разные игры. Например, играли " в хвосты". Кто лисий себе хвост прикрепит, кто волчий, кто заячий. Смеха было! Папа важно заходил с зажатыми ладонями ушами и всё говорил нам, что это неразумная игра, никакого содержанию в ней нет. Удивительный был папа. Чуток строгий, но очень добрый. А вот я уже и сам стал папой. И друзья мои стали отцами. А что, если их позвать и попробовать сыграть в ту сказку, в которую мы играли в детстве? Построить декорацию, одеть костюмчики? И вперед, в детство, в сказку!..

Д е й с т в и е п е р в о е

1.

Лес. Появляются Лиса и Дикий кабан – Дик.

Л и с а. Одну минуточку, Дик, одну минуточку! *(Прихорашивается).* Ну, как?
Д и к. Что – как?
Л и с а. Как я выгляжу?

Д и к. Чудесно, я бы сказал: ты – фотомодель.

Л и с а. Ну так чего же ты стоишь?

Д и к. А что?

Л и с а. Снимай!

Д и к. Чем?

Л и с а. Фотографическим аппаратом.

Д и к Ах, да! *(Снимает).* Ну вот… Сделано!

Л и с а. Что сделано?

Д и к. Фотоснимок фотографическим аппаратом.

Л и с а. Фотоаппарат надо держать другой стороной. *(Показала).* Вот так.

Д и к. А, понял! Внимание, снимаю. Есть! Ну, Лиса, ты и умная и самая красивая во всем нашем лесу.

Л и с а. Сама знаю.

Д и к. А такое редко бывает, кстати, – умная и красивая. Обычно что-то одно.

Л и с а. Что, что ты сказал?

Д и к. Я пошутил. Больше не буду. А ты знаешь, твои снимки – уверен – скоро украсят обложки самых лучших журналов. Я думаю, что ты станешь знаменитой на весь лес. Концерты, гастроли, фестивали, пикники, рестораны, кофейни, столовые, закусочные, бутерброды, мясо, сало… *(Задумался).*

Л и с а. Фу, как я устала. Дик, у тебя перекусить ничего нет?

Д и к. Откуда?!

Л и с а. Пока те гастроли, фестивали… Ой, у меня что-то в животе заворчало.

Д и к. И у меня тоже заворчало.

Л и с а. А может, Дик, у тебя в холодильнике что-нибудь осталось? Хотя бы червячка заморить, а?

Д и к. В холодильнике? Откуда, спросить бы? И кстати, удивительная вещь этот холодильник…

Л и с а. Почему?

Д и к. Вот смотри: вечером я положил в холодильник кусок мяса или сала, а утром тихонечко подхожу к нему, открываю, хлоп – а он пустой. Ничего в нём нет. И вот так каждый раз.

Л и с а. Фантастика! Может, он у тебя сломался?

Д и к. Не знаю.

Л и с а. Так что же делать? Я же – голодная.

Д и к. Ну сходи на охоту, ты же Лиса.

Л и с а. С такой красотой – ходить на охоту! Не смеши зверей в лесу. Вот ты бы мог за зайцами погоняться и отремонтировать холодильник.

Д и к. Ай! Как-то не хочется…

Л и с а. Тебе не хочется, мне не хочется. Что же тогда делать? Сидеть и выть как голодные волки? Подожди, подожди! А это – идея! А что, если Волка на охоту и послать?

Д и к. Волка? Ну и хитрая же ты, Лиса, ловко придумала!

Л и с а. А как ты хотел! Ну, я пошла к Волку.

Д и к. А я?

Л и с а. А ты жди меня тут и отремонтируй свой холодильник.

2.

Лесная полянка, на которой цветочная клумба. Стоит Пугало. Звенит пугало-будильник. Просыпается Волк.

В о л к *(зевает).* Спать хочется! И когда я уже наконец высплюсь? (Потягивается). Просыпаться, просыпаться, Волк, надо. *(Бодро встает. Делает физзарядку.)*

Песня:

Детки, сделаем сначала

Физзарядку очень быстро…

Чтобы тело не устало –

Руки держим коромыслом.

Поднимаем мы гантели,

Укрепим свою фигуру!

Чтобы мышцы не дряхлели,

Мы полюбим физкультуру!

В о л к. Раз-два, три-четыре! Раз-два, три-четыре! А теперь присели. Ну, а вы что сидите? Ну-ка, ручки! *(Делает зарядку с детишками).* Ой! Что-то хрустнуло! Вот что значит не каждое утро делать зарядку. *(Подходит к клумбе).* Хорошего дня, цветочки! Проснулись, мои любимые, мои уважаемые? Просыпайтесь, просыпайтесь скорей! Видите, какой красивый день наступает? Солнышко над лесом всходит. Вон, вон оно выкатилось из-за деревьев… Птички уже проснулись. Слышите, поют? *(Пение птиц).* Будем умываться. *(Поливает цветочки).* Ромашка, ты опять никак проснуться не можешь? А вот и Лютик… Что, что с тобой, Лютик? Ты заболел? Сейчас, сейчас проверим… Где это мой градусник?

Ага, вот он. *(Взял градусник. Вставляет и сразу достает).* Тридцать шесть и семь. Что это означает? *(Задумался).*

Лиса подсматривает за тем, что делает Волк, чтобы решить, как ей дальше быть. Потом появляется.

Л и с а. Привет, Волк!

В о л к. Привет, Лиса.

Л и с а. Чем занимаешься?

В о л к. За цветами ухаживаю. Лиса, а какая температура должна быть у цветов?

Л и с а. Патура-температура. Разберешься ли с этой температурой, когда голодная… Ты же сам знаешь… Доктор должен быть сытым. Если доктор сыт, и больному хорошо. Вот умрешь от голода… и кто про цветочки твои любимые заботиться будет? Ты же один у них. Ты когда последний раз ел?

В о л к. А?

Л и с а. На охоте когда был?

В о л к. Давно.

Л и с а. А утром хорошо кушать надо! Это даже маленькие детишки знают… И цветочки тоже…

В о л к. Твоя правда, Лиса.

Л и с а. Ну вот, тебе не подскажи, ты и с голода умрешь! А надо, чтобы все знали, какой ты у нас заботливый и разумный. Быстрый и много еще чего… Про все, все твои таланты чтобы знали… Представляешь, в нашей газете и огромными буквами… Волк – самый лучший друг природы! Лучший, самый лучший! Самый лучший в жизни и на охоте! Самый быстрый и удачливый на охоте!… Ну, вспомни, каким ты был раньше!

В о л к. О, раньше я был чудесным охотникам! Прекрасным! *(Демонстрирует).* А теперь – всё!

Л и с а. Ну, не говори так, ты у нас и сейчас – герой!

В о л к. Ты так думаешь?

Л и с а. Не только я так думаю. Все так считают.

В о л к. Ну, тогда я пошел. *(Уходит).*

Лиса остается.

3.

Появляется Дик.

Д и к. Лиса, Лиса, как дела?

Л и с а. Как же хитро я Волка вокруг лапки обвела! Пусть идет на охоту… принесет добычу… Вкуснятинка будет!

Д и к. А как мы ее делить станем?

Л и с а. Что делить?

Д и к. Добычу.

Л и с а. А вот как. *(Складывают из кубиков Телёнка).* Мне – филейка, вырезка, грудинка…

Д и к . А мне?

Л и с а. Ноги и хвостик.

Д и к. Хвостик?

Л и с а. Хвостик, зато с кренделем.

Д и к. Лиса, а тебе не кажется, что ноги и хвостик с кренделем – мне этого мало!? *(Разрушает строение из кубиков).*

Л и с а. Ну, всё-всё-всё, согласна, бери еще копытце. Четыре.

Д и к. Четыре копытца и хвостик с кренделем? Это лучше! *(Звучат голодные фанфары).* А то штаны на мне уже не держатся. И опять заворчало в животе.

Л и с а. Не волнуйся. Принесет Волк добычу, мы ее посолим. Ух!

Д и к. И поперчим!

Л и с а. Посолим и поперчим! Райское наслаждение!.. Ой, чувствую, что сегодня в нашем лесу будет настоящий пир!

Д и к. Ох и наемся же я!

Песня голодных и хитрых:

Пусть ты сильный, богатырь—
Голод всех сильнее!
Будет жить в желудке мир,
Сердце посветлеет,
Если супчик на столе—
Мысли скачут в голове,
Тра-ля-ля, тра-ля-ля!
Будем есть, будем есть…
А кого?
Всё-рав-но!…

Лиса и Дик исчезают.

4.

Волк возвращается к своему дому. Обозревает окрестность – нет ли Лисы.

В о л к. Ага. Нет Лисы. Сама ушла. Это хорошо. А то такая же она льстивая, хитрая, и добычей еще доведется делиться. Ага! Где мая добыча? Посмотрим, что там в коляске… *(Собрался идти за коляской, услышал голос Телёнка).*

Т е л ё н о к. Ма-а-а-ма!

В о л к *(спохватился).* Где? Кто? Где мама? Какая мама? *(Убегает, возвращается с коляской).*

Т е л ё н о к *(обнимает его за шею).* Ты – мама! Мамуля-я-я! Мамулечка!

В о л к. Кто? Кто? Какая такая мамулечка? А ну, погоди, сейчас выясним, кто я. Где мое зеркало? *(Рассматривает себя в зеркале).* Кажется, я ни мамулечка. Ты что, ничего ни понимаешь? Вчера родился?

Т е л ё н о к. Сегодня.

В о л к. А-а!.. Другое дело. *(Сам себе).* Такого сморчка малого и есть жаль. Все равно голодным останешься. Хорошо, спи пока, а я цветочками займусь.

Т е л ё н о к. Мама, мама, мамулечка, я есть хочу. Потом посплю. Мама, мама, есть хочу! Есть-ь-ь! Мама-а-а-а!!! *(Тревожный паровозный гудок).*

В о л к. Потише ты!

Телёнок взял в коляске соску, дает Волку. Волк вставил её в рот Телёнку.

В о л к. А то услышат… А что я тебе дам поесть? Что? У меня же ничего нет. *(Телёнок плачет).* Спокойно. *(Текст в ритме колыбельной).* Сейчас разберемся, что-нибудь придумаем. Лихо! Если бы знал, что такая мелюзга, и не связывался бы. А что они едят, эти телята?..

Телёнок засыпает.

Появляется Лиса. У неё модная прическа. Она на ходу ее подбивает, прихорашивается, поэтому не замечает Телёнка.

Л и с а. Ну, Волк, что есть будем? Хвались. *(Вдруг увидела Телёнка, разочарованно).* И… и… и это твоя добыча, серый?! Он же такой маленький! Дет-ясли!

В о л к. Правду говоришь, Лиса, дет-ясли!

Л и с а. Ну что же делать? Ну давай все равно его съедим!

В о л к. Как это – съедим? Жаль! Он же такой крохотный!

Л и с а. О, идея! Подождем, пока вырастет, тогда и съедим! Вместе с тобой! Вдвоём!
В о л к. Лиса! А что они сами едят, эти маленькие телята?
Л и с а. Не знаю. У меня же ничего нет.
В о л к. Тогда посторонись – не мешай. Мне подумать надо.
Т е л ё н о к (просыпается). Есть хочу!.. Есть хочу!..

Телёнок становится на пенёк, читает стихотворение:

Я – маленький теленок,
Молочка хочу,
Поэтому
И пою:
– Му-у-у!..

Лиса и Волк аплодируют.

Т е л ё н о к. Есть хочу!.. Есть хочу!.. *(Топает, плачет, швыряет все, что попадается под ноги)*. Мама! Мамулечка! Есть хочу!..
Л и с а. Кто мама?
В о л к. Я мама. Лиса, ну подскажи, что они едят?
Л и с а. Ты мама – ты и думай. Во, может детишки подскажут?
Д е т и *(отвечают)*. Молочко!
В о л к. Ага, точно – молочко! Спасибо, ребята.
Т е л ё н о к *(громко)*. Мама-а-а! Есть хочу!
Л и с а. Ну, я пошла!
В о л к. Помоги мне.
Л и с а. Нет-нет, у меня много дел. Ты – мама, сам приглядывай за ним, корми! Хм, не хватало ещё!.. С моей фигурой и прической!..

Лиса развлекает напоследок Телёнка, он кусает ее за палец, Лиса исчезает.

Волк достает с коляски пустышку. Потом играет с Телёнком.

В о л к. С характером, вижу. На меня похож. Все, поиграли, хватит. Надо спать, спать. *(Поймал Телёнка и посадил в коляску. Поет колыбельную):*

В глазах моего сыночка –
Ночевала снова ночка,
Ночка снова ночевала,

Песню напевала:
– Люли-люли-люли-ли!
Все давно куда-то ушли…
Птички тоже полетели,
Песни нам свои пропели…
Спит в окошке месяц белый,
И лисичка, зайка серый,
Спи, сыночек, мой малыш,
Ты во сне опять летишь…
Отдыхают пусть и ножки,
Что бежали по дорожке…

В о л к. Дитя… Спим, спи, малыш… А где мне взять ему молоко? То, что в коляске было, кончилось. У коровы? Про корову не знаю, а вот Коза поблизости живет. Побегу к Козе!

Волк исчезает.

5.

Волк бежит по лесной дороге, где встречается ему с ведерком молока Коза.

К о з а. Куда это ты, Волк?

В о л к. К Козе.

К о з а *(испугалась)*. А, поди, она вон там живет. Стой! А я тогда кто?

В о л к. Коза! Ты – Коза!

К о з а. Я? Я – Коза! Интересно, а что это Волку от меня, Козы, надо?

В о л к. Молока надо.

К о з а . Не дам.

В о л к. Почему?

К о з а. А ты разве не помнишь, как моих семеро козляток съел?

В о л к. И ни я это вовсе. Ни я… Поверь мне…

К о з а. Для меня все волки на одно лицо. Не дам молока. Беги, куда бежал.

В о л к. Какая же ты бессердечная, Коза. *(Заплакал).*

К о з а *(выдержав паузу).* Ну, успокойся, что тебе надо? Волк, что случилась?

В о л к. Сам не знаю, как так получилось… Готов провалиться сквозь землю…

К о з а. Опять кого-нибудь съел?

В о л к. В том-то и дело, что нет, что ни съел.

К о з а. А что же тогда? Ну-ну, признавайся.

В о л к. Привез я домой Телёночка… Это же такое чудо!.. Какой же он маленький! Как его можно съесть?.. Умненький!.. Ласковый, послушный, любопытный… У него же глазки – как две вишенки… ресницы длинные… Красивенький… Войди в моё положение, Коза. Он же кушать хочет. Молочка бы ему твоего.

К о з а. Не дам. Иди и купи.

В о л к. Где?.. За что?.. Умрет же Телёночек без молока… Он же совсем маленький… дитя… И не жаль тебе его, Коза? Умрет… А у него же глазки ты бы видела… искрятся…светятся… Как солнышко глазки… *(Еле не плачет).*

К о з а. Глазки, говоришь, светятся? Как солнышко? Ну просто за живое взял. Держи. Корми своего Телёночка, пусть растет крепким и здоровым. *(Подала Волку ведерко).*

В о л к *(взял ведерко).* Вот спасибо. Я тебя никогда не забуду, Коза. Я пошел?

К о з а. А ведро вернешь!

В о л к. Конечно! Обязательно верну ведро!.. Спасибо тебе, Коза! Большое спасибо! *(Исчезает).*

К о з а. Глазки как вишенки… Как красиво!..

6.

Телёнок спит. К нему украдкой подходит Лиса, она еле тянет ноги, разглядывает со всех сторон Телёнка. Облизывается.

Л и с а. Уже три дни прошло. Я уже и на фотомодель не похожа. И что ему расти, Телёнку этому? Зачем? Куда? Для меня он и так хороший будет. *(Замеряет Телёнка).* Вот, самый раз… На ужин и на завтрак хватит. *(Облизывается).* Представляю, какой он вкусненький! Это ж надо – его Волк кормит, а я совсем голодная.

Телёнок проснулся.

Т е л ё н о к. Ты кто?

Л и с а. Я?

Т е л ё н о к. Ты, ты.

Л и с а. Я – Лиса.

Т е л ё н о к. А где мама?

Л и с а. Твоя мама по молочко пошла.

Т е л ё н о к. А ты чего ко мне пришла? Что принесла?

Л и с а. Ничего ни принесла!

Т е л ё н о к *(громко).* Как это – ничего?

Л и с а. Потише, потише, я пришла играть с тобой.

Т е л ё н о к. Во что?

Л и с а. В догонялки.

Т е л ё н о к *(радостно).* Как это?

Л и с а. А я сейчас покажу.

Т е л ё н о к. Показывай.

Л и с а. Полезай в коляску.

Т е л ё н о к. Сел. Ну, где твои догонялки?

Л и с а. Сейчас увидишь! Прокачу с ветерком.

Лиса попробовала катить, но тяжело.

Л и с а. И что же это такое? Какой же ты тяжелый! Устала аж.

Т е л ё н о к. Эх ты! Сейчас мая очередь. Садись вместо меня! Садись, садись!

Пытается посадить Лису насильно.

Л и с а. И что ты делаешь? Поаккуратнее! Все же дама перед тобой!

Т е л ё н о к. Попрошу мне не возражать.

Л и с а. Хорошо, хорошо, уговорил. Только ты осторожно.

Т е л ё н о к. Цела будешь. Поехали! По-е-ха-ли!

Л и с а. По-е-ха-ли!!!

Упали под ноги Волку, который возвратился с молоком.

В о л к. Что… что тут происходит?!

Л и с а *(растерялась).* А что? Ничего особенного. Вот… Вот… занимаюсь нашим ребеночком… Да-да!.. Мама, а за детишками, между прочим, надо следить, играть с ними надо. Развлекать. Вот я и стараюсь вместо тебя.

В о л к. Я тебя не просил… не просила моим дитятком заниматься.

Л и с а. Нашим дитятком…

В о л к. Моим дитятком!

Л и с а *(как всегда, лукавит).* Твоим, твоим. Ну Волк, я же вижу, как тебе тяжело с ним одному… дай, думою, помогу… У меня же сердце хорошее, не каменное… Знаю, что малому дать, что сказать…

В о л к. Оставь нас одних. Как-нибудь сами справимся.

Л и с а. А… а тогда, как Телёночек вырастет, мне тоже не приходить?

В о л к. Ради чего приходить? Зачем? *(Телёнку).* Сыночек, иди цветочки посмотри. Мы тут с тетушкой поговорим… *(К Лисе).* Вишь ты ее, что вздумала! Съесть!?. Пошла вон!.. Я тебе съем!.. Я тебе съем!..

Л и с а. Мы же договаривались. Мы же…

В о л к. Ни о чем мы с тобой не договаривались!..

Л и с а. Где же твое слово, Волк?

В о л к. Мое слово при мне: Телёночек мой, и я не дам его в обиду.

Л и с а. Увидим! Поживём – увидим! Герой какай – ух! Куда там!.. Посмотрим, кто кого. *(Исчезает).*

В о л к. Сыночек, ты где? Иди сюда.

Т е л ё н о к. Я уже здесь, мама.

В о л к. Не слушай ее. Ну ее! А я тебе молочко принес.

Т е л ё н о к. Ты хорошая мама.

В о л к. Не позволяй Лисе близко к себя подходить. Не открывай никому чужому двери. И вы, детишки, тоже чужим не открывайте. Не будете? Молодцы, правильно. *(Кормит Телёнка).* Пей, пей. Молочко от Козы, оно полезное. Окрепнешь сразу.

Т е л ё н о к. А ты, мама, почему не пьешь молоко?

В о л к. Я… я пил. Меня Коза угостила… Полную чашку выпил. Пей, пей. Не обращай на меня внимания. Тебе расти надо. Приятного аппетита!

Т е л ё н о к. Спасибо. Ух, наелся!

В о л к. Молодец. Ну, а теперь мы с тобой вот чем займемся… (Взял книгу). Подсаживайся ко мне, Телёночек. Я всю жизнь мечтал кому-нибудь сказки читать. А не было кому. Слушаешь?

Т е л ё н о к. Слушаю.

В о л к. Читаю, читаю: "Жила-была коза, сделала она себе домик в лесу и нарожала детишек…. И было у нее семеро козляток, маленьких-маленьких, красивеньких-красивеньких, с длинными ресницами, большими глазками… Ой, что-то я растрогался?.. Читаем дальше. Каждый день ходила Коза на лужайку есть травку, а козлятки дома оставались, и, как мать приказывала, никому не открывали двери. А когда возвращалась коза домой, пела песенку: "Козлятушки-ребятушки, ваша мать пришла, молочка принесла". И вот услышал эту песенку голодный волк, изменил свой голос и запел: "Козлятушки-ребятушки, ваша мать пришла, молочка принесла". Услышали козлята эту песенку и…

Т е л ё н о к. И?..

В о л к. И открыли… ему двери. Ну зачем они это сделали? Ну просила же, наказывала мать: "Не открывайте!" Нет, все равно открыли. Впустили волка. Не послушались маму, маму надо

слушаться, тогда все будет хорошо. А так прыгнул Волк в избу, и остались от козляток рожки да ножки..." *(Оба плачут).*

Т е л ё н о к. Ты что, плачешь, мама?

В о л к. Как же не плакать? Плачу, дитятко мое, – козляток жаль... А ты чего плачешь?

Т е л ё н о к. А я... а я... ещё и есть хочу.

В о л к *(выдержав паузу, удивленно).* Что – опять?

Т е л ё н о к *(виновато).* Опять. Ага. Опять...

В о л к. Где же я тебе еды наберусь? Где, скажи? Подожди, а ты сено есть будешь?!

Т е л ё н о к. Буду, конечно.

В о л к. Ну, поехали за сеном! *(Телёнок сел на Волка).*

Т е л ё н о к. Мама, ты самая лучшая в мире! Ну что, поехали по сено?

В о л к. Поехали!

Т е л ё н о к. Есть хочу-у-у!!!

Д е й с т в и е в т о р о е

7.

Лиса и Дик подходят к полянке.

Л и с а. Все время в животе ворчит...

Д и к. Что, у тебя ничего не получилась?

Л и с а. Пока – да.

Д и к. Волк никак хочет один Телёнка съесть?

Л и с а. Похоже на то...

Д и к. Вот жадина! Не позволим! Честным быть надо! Делиться надо, а он... Вот, снова *(голодные фанфары)* заворчало в животе! Уже штаны совсем не держатся!

Л и с а. Что ты тут суетишься перед глазами? Не мешай! Сядь и начинай думать!

Д и к. Чем?

Л и с а. Мозгами.

Д и к. Головой?

Л и с а. Головой! А! У тебя же ее нет. Думать буду я. Да. Да. Меня он выгнал, сказал, чтобы ноги моей и близко рядом с Телёнком не было. Дик, одна надежда на тебя. Слушай меня. Посмотри, тут нас никто не подслушивает?

Д и к. Одни мы, одни.

Л и с а. Волк может за деревьями затаиться. Тогда – пиши пропало. Давай сюда свое ухо. *(Шепчет ему на ухо).* Все понял? И назовём эту операцию – "Вау".

Д и к. Вау! Как хорошо! Я – большой специалист по этой части! Так что мне надо делать?

Л и с а. Еще раз для самых смекалистых и умных…Давай сюда свою голову…*(Опять шепчет ему на ухо).*

Д и к. Вот и хорошо! Мне хвостик с кренделем. И четыре копытца в холодильник, как и договаривались. Лиса, ты гениально придумала!

Л и с а. Тихо, тихо. Это наша тайна! *(Исчезает).*

8.

Телёнок делает зарядку.
Входит Дик.

Д и к. Привет, Зайчик!

Т е л ё н о к. Я не Зайчик.

Д и к. Зайчик, Зайчик.

Т е л ё н о к. Я Телёнок.

Д и к. Мне лучше знать, кто ты. Привет, Зайчик!

Т е л ё н о к *(топает ножками).* Я Телёнок! Я Телёнок! Я Телёнок!.. А ты будешь моей лошадкой! Ты будешь моей лошадкой! *(Забрался на спину Дика).* Вези меня. Катай. Хочешь – на лужайку. Хочешь – в лесок… Нэ-э! Погоди-ка! *(Увидел веточку, схватил ее и погоняет Дика; Дик ойкает, ахает, морщится от боли, но ему ничего не остается, как возить на своей спине Телёнка).* Му-у!.. У-у-у-у-у-у-у-у!…

Д и к. Все, я не могу больше. Сил нету-у-у!

Т е л ё н о к. А я хочу к маме! Вези меня к маме!

Д и к. К маме? Это к какой? В деревню?

Т е л ё н о к. Нет, назад! Где сейчас были, к маме…

Д и к. Так там же Волк. Это же не мама.

Т е л ё н о к. Как не мама? А кто?

Д и к. Он волк. Он хочет тебя съесть. Вот ты немножко ещё подрастешь – он сразу тебя и съест.

Т е л ё н о к. Как это съест?

Д и к. С перчиком и солью. Ам-ам. Останутся от тебя рожки да ножки… Понял?

Т е л ё н о к. Врёшь ты всё! Мама он мне, мама, а мамы плохими не бывают!

Д и к. Вот малой, а, Фома неверующий. Да не мама тебе он вовсе, Волк. Совсем постороннее лицо. На, убедись. *(Достает зеркало).* Вот, посмотри в зеркало! На себя. Ну, убедился, что ты на него не похож? Вот так! Только мы, я и Лиса, готовы за тебя заступиться. Примем тебя как родного.

Т е л ё н о к. Мне с мамой хорошо. А ты плохой, плохой, если такое говоришь. *(Схватил Дика за хвост).* Ага, попался!

Д и к. Отдай.

Т е л ё н о к. Не отдам. Ты плохой, плохой. Сейчас придет мама и …

Д и к. Я же сказал, он тебе не мама. Верни хвост!

Телёнок отпустил хвост и начало плакать.

Д и к. Подумай хорошенько, будешь жить у нас по-королевски. Даже лучше – как царь. Ну, думай, думай, мы будем тут, поблизости, ждать тебя. Волк, кажется, идёт?.. *(Исчез).*

Телёнок продолжает плакать.

Возвращается Волк.

В о л к. А чего это ты плачешь, сынок? Кто тебя обидел?

Т е л ё н о к. Ты мнет кто?

В о л к. Как кто?

Т е л ё н о к. Я тебе что – чужой? Ты мне не мама?

В о л к. Как это не мама? А кто же я тогда? Кто? Ты же мой самый любимый сыночек! Я тебе еще сена принес. Смотри, какая травка душистая. Родной ты мой, самый родной, никого не слушай. Чужих детишек не бывает. *(Прильнул к себе Телёнка).* Посмотри вот в зеркало. Вылитый же я. *(Смотрят в зеркало, смеются).* А хочешь, я тебя считать научу? Считать, наверняка, не умеешь?

Т е л ё н о к. Не-а, не умею.

В о л к. А научиться хочешь?

Т е л ё н о к. Хочу.

В о л к. Тогда слушай меня и запоминай. Вот я – это один. А когда еще и ты – то уже нас будет двое. Нас– двое, понял? Ты и я! А когда еще посчитать эти цветочки, тогда нас будет очень и очень много. *(Прилег).*

Т е л ё н о к. Как вкусно они пахнут, цветочки! А можно, я буду считать деревья?

В о л к. Считай, сынок! Грамота никому не повредит. Считай, считай, сынок!..

Т е л ё н о к:
Когда вновь приходит лето –
От цветов ты жди привета!

Вновь, как солнышко, горят
У ворот и говорят:
–Ты в жару польёшь цветы,
И прополку сделай ты!
А когда пройдёт вновь лето,
В первый класс пойду с букетом!

Эйфория счастья.

Т е л ё н о к *(замечает, что Волку плохо).* Что с тобой, мама? Ты заболела?

В о л к. Нет-нет, со мной все хорошо. немножко полежу и мне станет лучше.

Т е л ё н о к. У тебя, по-видимому, температура?

В о л к. Не волнуйся, сынок. Занимайся своими делами.

Т е л ё н о к. Не возражай. И ты, похоже на то, ничего ни ела. Всё мне и мне. Ты, наверняка, голодная, мама.

В о л к. Кто тебе сказал? Сытый я. Вот хорошая душа!..

Т е л ё н о к. Лежи и не шевелись. Будем лечиться. Сделаем укол.

В о л к. Нет-нет! Только не укол. Лежу и не шевелюсь.

Т е л ё н о к. Устала, бедненькая. Поспи немножко и полечишься. *(Поет колыбельную):*

Ветерок и Месяц спит,
Тихо ночка пролетит.
Спи, мамочка, баю-бай,
Про меня не забывай.

Волк уснул. Возвращается Дик.

Д и к. Ну что, убедился, что он тебе не мама?

Т е л ё н о к. Мама, мама он мне! Мама!

Д и к. Слушайся меня и Лису. С нами не пропадешь!

Т е л ё н о к. Я маму не оставлю. Она больная. Ты думаешь, что я ребенок и ничего не понимаю. Моя мама самая лучшая в мире! А ну исчезни отсюда, и чем скорее, тем лучше. И чтобы ноги твоей больше тут не было!

Д и к. Ладно, ладно. Я это запомню… *(Убегает).*

В о л к *(просыпается).* Ну вот, выспался и совсем здоров!

Т е л ё н о к. Я так рад, мама! А я считал цветы и деревья и поливал цветочки.

В о л к. Помощник растет. Какая же мама не порадуется этому?!

Исчезают.

9.

Появляются Дик и Лиса, голодные, злые.

Д и к. Лиса, выкладывай на стол вилки, сковороду, соль, перчик.

Л и с а. Ну где ты, Волк? Считаем к трех. Один, два…

Выходит Волк.

В о л к. Кто меня звал?

Л и с а. Долго ты будешь нас обманывать? Отдавай нам Телёнка!

Д и к. Гони Телёнка! Или мы разнесем тут всё в пух и прах!

В о л к. Не отдам Телёнка! Мой он! Мой он! Всем понятно?

Д и к. Наше терпение лопнуло! Вперед, Лиса!

Л и с а. Сдавайся, Волк!

Дик и Лиса бросились на Волка. Выходит Телёнок, переодетый в смокинг.

Т е л ё н о к. Стойте! Значит, это вы хотели меня съесть?

Д и к *(растерянно).* Нет, никогда!

Л и с а. А это мы так… Пошутили! Это игры у нас такие! Правда, Дик ты мой дружок? Ну что молчишь? Скажи что-нибудь!

Д и к. А что тут скажешь, когда такой великан вырос! А красивый какой! И сильный! В маменьку пошел!

Т е л ё н о к. Вы посмотрите, посмотрите, как солнышко красиво светит, какие цветочки красивые вырастил мой папа…

В о л к *(протянул Телёнку лапы).* Сыночек, что ты сказал!?..

Т е л ё н о к. Папа!

В о л к. Все слышали? Слышали? Папа, папа! Повторы еще раз!

Т е л ё н о к. Па-па-а!..

В о л к. То-то же! А то всё "мама, мама".

Д и к. Ну поймите вы нас! Мы же голодные!

Появляется Коза с ведерком.

К о з а. Волк – ты эгоист, бессердечный совсем. У тебя малое дитя, глазки как вишенки, ресницы длинные, оно же есть хочет, а ты не приходишь ко мне по молоко. Кстати, где он? Я тут молочко принесла свеженькое.

В с е *(хором).* Вот он!

К о з а *(удивленно).* Это дитя?! Это же силач, великан! Настоящий бычок!

В о л к. А ничего удивительного тут нет, Коза. Это все твое молоко. Смотри, как вырос!

К о з а. Вижу-вижу. *(Показывает на Лису и Дика).* А эти злодеи что тут делают?

В о л к. Пришли съесть моего Телёнка.

К о з а. Его? Съесть? Разве возможно съесть такого огромного красавца?

Все смеются.

Л и с а и Д и к. Мы же… Голодные были. Вот и подумали…

К о з а. Вы – голодные? Ну так, пожалуйста, вот молочко! Тут столько витаминов "А, В, С, Д, Е". Угощайтесь все. Вот вам чашечки. *(Раздает чашки).* Молочка всем хватит. На здоровье. Пейте, пейте. Я еще принесу. На здоровье. Угощайтесь, угощайтесь. *(Угощает всех молоком).*

Д и к. Я молоко пить не буду.

В с е. Почему?

Д и к. Там пенка.

Все смеются.

Л и с а. Пенку мне отдашь.

К о з а. Ну что, попили?

В с е. Вкусное, очень вкусное!

Т е л ё н о к. Ничего вкуснейшего я не ел в жизни!

Л и с а. . И я тоже. Коза, ты спасла нас!

В о л к. А я сегодня самый счастливый волк! У меня такой сын вырос! Заботливый! Сильный! Разумный! Я знаю, он тоже будет счастливый! А когда детишкам хорошо, то и взрослые счастливы.

Д и к. А можно… а можно я вас сейчас сфотографирую? Сделаю фото на память. Всем потом по снимку дам. Обещаю.

В о л к. Подождите и меня! *(Взял букет цветков, стал рядом со всеми).*

Д и к. Внимание! Сейчас вылетит птичка!

В о л к. Все детство ждал, но ни единого раза не видел, чтобы из фотоаппарата птичка вылетела… Ну, может на этот раз вылетит? Дик! Ну ты что там, уснул?

Д и к. Минуточку! Улыбочку! Внимание! *(Сфотографировал).* Отлично!

В о л к *(обращается ко всем в зале).* И вы, детишки, подходите. Хороший фотоснимочек получится!!!

Ф и н а л.

В о л к. Как быстро проходит детство!

Т е л ё н о к. И куда оно исчезает?

Л и с а. Не менее быстро заканчиваются и сказки.

К о з а. Но если детство уже никогда не вернется, то сказки к нам возвращаются всегда.

Д и к. Даже когда и вы, ребята, станете взрослыми, сказки будут всегда с вами!

В о л к. Они будут всегда молодыми…

Л и с а. Будут жить и радовать детей и взрослых…

К о з а . На всей большой-большой земле.

Д и к. Будут светлыми, желанными нашими гостями…

Л и с а. Сказки никогда не стареют.

Т е л ё н о к. Живи, сказка, всё время!

В о л к. Всегда живи, сказка!.. Вечно!..

Песня про детство.

Конец.

2011 г.

Содержание

ОБ АВТОРЕ

Василь Ткачёв родился 1.1.1948 г. в д. Гута Рогачевского района Гомельской области.

Член Союза писателей Беларуси (1998) и Союза театральных деятелей (2006).

Работал в печати, долгое время возглавлял Гомельскую областную писательскую организацию.

Лауреат премии Федерации профсоюзов в области литературы (2011) за книгу прозы «Снукер», а также лауреат премии имени Василя Витки (2012) за достижения в детской литературе и российской премии имени Бояна (2002).

Награжден Почётной грамотой Министерства информации Республики Беларусь (2007) и Почетной грамотой Гомельского облисполкома (1998).

Награжден знаком Союза писателей Беларуси «За вялікі ўклад у літаратуру» (2012).

Член редколлегии журнала “Вожык”.

Издал книги для детей и взрослых “Вятрак – птушка вольная”, “Незвычайны дыктант”, “Жыла-была Ёлачка”, “Дзень у горадзе”, “Дом коммуны”, “Под городом Горьким”, “Так і жывём, брат”, “Булочка”и другие.

В театрах, на телевидении и радио осуществлены постановки пьес «Окна», «Седой аист», «Курорт для зятя», «Старик и дорога», «Хорошее отношение к собаке», «Лестница», «Приключения с Конопухиным», «Следственный эксперимент», «Шкирдюки занимают оборону», «Переполох», «Улыбался месяц белой вишне», «Кто-то ходит за окном…», «Блиндаж», «Последний», «Без Егора будет горе», «Ушастик»», «Два мешка конфет», «Непослушная Спичка», «Где живет Некукарека» (Некукареку), «Заяц-Гром», «Чародейный рюкзачок», «Неколючик», «Мальчик-одуванчик» и другие.

Победитель закрытого Республиканского конкурса на лучшую пьесу («Старик и дорога») и на лучший рассказ для детей (“Міхаська – сусед генерала”).

Пишет на белорусском и русском языках.

Перевел на белорусский язык пьесы «Московский хор» Л. Петрушевской и «Сцены у фонтана» С. Злотникова, а также сказку Л. Устинова «Старомодные чудеса». Все они поставлены в Национальном академическом драмтеатре им. Я. Коласа (г. Витебск).

Живет в Гомеле.

О ПЬЕСАХ

П О С Л Е Д Н И Й

Поставлена в Могилёвском областном драматическом театре и Уссурийском театре Восточного военного округа (под названием «Белый лист»), премьера – 2013г.

Б Е З Е Г О Р А Б У Д Е Т Г О Р Е

Поставлена в Могилёвском областном театре драмы и комедии им. В.Дунина-Марцинкевича, премьера – 2013 г.

Г О М Е Л Ь С К И Е Б А Й К И

Поставлена в народном театре «Зеркало» Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины, премьера – 2012 г. Гран-при международного театрального фестиваля «Славянский перекресток» (Россия).

По одной из баек поставлен телеспектакль на БТ «Следственный эксперимент», 1997 г.

БУРНАЯ ЖИЗНЬ ЛАЗИКА РОЙТШВАНЕЦА

Пьеса по одноименному роману Ильи Эренбурга о событиях в Гомеле первой половины XX века. Год создания – 2012. Написана по заказу Гомельского государственного театра кукол.

Ч А Р О Д Е Й Н Ы Й Р Ю К З А Ч О К

Поставлена в Гомельском государственном театре кукол, премьера –2009 г. Спектакль принимал участие в международных фестивалях в Душанбе (2012), Самаре (2013) и Астане (2013).

З А Я Ц – Г Р О М

Поставлена в Мозырском драматическом театре им.И.Мележа, премьера – 2012 г.

К А К В О Л К М А М О Й Б Ы Л

Написана по заказу Национального академического драматического театра им. Я.Коласа, премьера – 2011 г.

Спектакли, поставленные по этим пьесам, и сегодня в репертуаре театров.

Литературно-художественное издание

Василь Ткачёв

ПОСЛЕДНИЙ. Пьесы

Тираж 120

Коммунальное полиграфическое унитарное предприятие «Колор»
г.Мозырь